

Кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС
при информационной поддержке Волгоградского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Международная научно-практическая конференция памяти
Михаила Федоровича Медведева (1925–2011)
(Медведевские чтения 2023)

Волгоград, 2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
КАФЕДРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН
ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2023)

*Сборник материалов международной научно-практической
конференции памяти Михаила Федоровича Медведева
(1925–2011)*

Волгоград, 2023

Под общей редакцией:
кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;
кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, заслуженный деятель науки
Республики Калмыкия **А. Я. Рыженков**;

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя **Т. В. Дерюгина**

*Издается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС от 26.01.2023, протокол № 6*

Т 33

Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 130 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2023), которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 26 мая 2023 года.

Это уже третьи Медведевские чтения, организатором которых выступает кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Целью конференции является обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых не только города Волгограда, но и других городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Новосибирска, Оренбурга, Омска, Томска, Симферополя, Саратова), а также зарубежных стран (Республики Беларусь, Узбекистана) по современным аспектам гражданского права в сфере деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционную правку. За содержание статей ответственность несут авторы. Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

Михаил Федорович МЕДВЕДЕВ

(15 февраля 1925 года пос. Полевой Новоаннинского района Волгоградской обл. – 03 декабря 2011 года гор. Волгоград) – советский и российский правовед, кандидат юридических наук, профессор, ветеран Великой Отечественной войны, высококлассный юрист, почетный работник высшего профессионального образования

Российской Федерации, имевший большой опыт практической, преподавательской и научной работы. Признанный в волгоградском профессиональном сообществе педагог и мастер цивилистического слога, ведущий специалист в области гражданского права, основатель Волгоградской научной школы деликтных обязательств как института гражданского права.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Сенцов А. С.</i> Воспоминания о Михаиле Федоровиче Медведеве	6
---	---

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Агибалова Е. Н., Рыжова А. А.</i> Проблемы применения деликтной ответственности к нотариусам в аспекте цифровизации нотариата.....	9
<i>Артамонникова С. В.</i> Деликтная ответственность нотариуса при удостоверении дистанционных сделок.....	12
<i>Вольфсон В. Л.</i> К вопросу о генеральном деликте в российском гражданском праве.....	15
<i>Глебов В. Г.</i> Уголовно-процессуальные предпосылки конфликтов и причинения вреда при производстве следственных действий	20
<i>Гончарова В. А.</i> Актуальные проблемы компенсации морального вреда лицам, потерпевшим от преступлений, в контексте учения о гражданско-правовой ответственности.....	23
<i>Гуломов А. Ш.</i> Понятие деликтного обязательства и условия его возникновения	26
<i>Зульфугарзаде Т. Э.</i> Особенности возмещения вреда за организацию договорных спортивных матчей в арбитражной судебной практике CAS.....	29
<i>Зыков С. В.</i> Римские частные деликты в отечественном праве	33
<i>Кайль Я. Я.</i> Вред, ущерб, убытки: современное содержание понятий.....	36
<i>Колесниченко О. В.</i> Утрата способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости, в объеме возмещения вреда здоровью	40
<i>Крайнов А. В.</i> Проблемы применения принципа беспрепятственности осуществления гражданских прав в деликтных обязательствах	43
<i>Красильникова Т. К.</i> Деликтная ответственность и материальная ответственность рабочих и служащих, членов кооперативных организаций: ретроспективный подход с позиции советского законодательства и судебной практики.....	45
<i>Кратенко М. В.</i> Компенсация морального вреда при ненадлежащем лечении: о чем не сказал Верховный Суд в постановлении Пленума № 33 (15.11.2022 г.).....	48
<i>Кузбагаров М. Н., Кузбагарова Е. В.</i> Деликтная ответственность за вред причиненный, искусственным интеллектом.....	54
<i>Николичев Д. Н., Каморник О. А.</i> Деликтная ответственность нотариуса по законодательству Республики Беларусь.....	57
<i>Новиков М. В.</i> Злоупотребление правом в деликтных обязательствах	60

<i>Осадченко Э. О., Квициния Н. В.</i> Позитивные инструменты частного права в сфере предотвращения и профилактики экологической опасности	63
<i>Осетрова А. Ю.</i> Возмещение вреда при осуществлении территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории: особенности градостроительных деликтов	65
<i>Острикова Л. К.</i> Новое в судебной практике о способах и размере компенсации морального вреда	68
<i>Романова Г. В.</i> Современное состояние института компенсации морального вреда	70
<i>Савельева М. В.</i> Роль фактического состава при определении размера морального вреда	73
<i>Филиппова О. С.</i> Ответственность за причинение вреда животными без владельца	76
<i>Черепанцева Ю. С.</i> Обеспечение равенства и справедливости при возмещении вреда жизни и здоровью граждан, пострадавших от радиационного воздействия	80
<i>Шепель Т. В.</i> Проблемы правового регулирования обязательного страхования на случай причинения вреда жизни или здоровью пациентов	83

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

<i>Аблитаров Э. Р.</i> Влияние цифровой экономики на деликтную ответственность: новые вызовы и возможности для регулирования	86
<i>Аблитаров Э. Р.</i> Совершенствование деликтной ответственности в Российской Федерации: экономико-правовой аспект	89
<i>Багян А. В.</i> Отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности государства	92
<i>Захарова К. Г.</i> Деликтные требования потребителей о возмещении вреда, причиненного недостатками товаров, работ, услуг, как частный случай злоупотребления правом	95
<i>Криушина А. В.</i> Виновная и безвиновная ответственность в контексте осуществления предпринимательской деятельности	99
<i>Левченко К. Е.</i> Отдельные вопросы деликтной ответственности при осуществлении технологий распределенного реестра и искусственного интеллекта	102
<i>Лукьяненко Ю. Д.</i> Возмещение ущерба на муниципальных землях, причиненного нецелевым использованием	105
<i>Наумов М. А.</i> Место нарушений авторских и исключительных прав в системе деликтных обязательств	108
<i>Нгуен Т. Б. Т.</i> Краткий сравнительный анализ деликтного права России и Вьетнама	111
<i>Погосян Р. Р.</i> Компенсация морального вреда за нарушение прав потребителей финансовых услуг: проблемы теории и практики	113
<i>Салимгареев Р. Р.</i> Проблемы исчисления сроков исковой давности по искам о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением	115
<i>Терентьева А. С.</i> Возмещение вреда, причиненного недостатками товаров, работ и услуг: правовой анализ	118
<i>Чан Т. Т. У.</i> Основные теоретические подходы к вопросам возмещения вреда, вытекающего из деликтных обязательств, по гражданскому законодательству СРВ	121
ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ	124

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 340:34.08

ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ МЕДВЕДЕВЕ

Сенцов А. С., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

MEMORIES OF MIKHAIL FEDOROVICH MEDVEDEV

Sentsov A. S., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

В качестве эпиграфа к моим воспоминаниям об удивительном человеке, имя которого Михаил Федорович Медведев, бесспорно, могли бы стать известные Некрасовские строки:

«Сокровища душевного красоты

Совмещены в нем были благодатно...».

Имя этого человека на всю оставшуюся жизнь сохранится в моей памяти и в моем сердце; оно было, есть и останется для меня, как некий «символ», олицетворявший уникальную личность, в которой удивительным образом сочеталась триада таких фундаментальных понятий, как Человек, Учитель и Ученый.

Михаил Федорович Медведев был одним из тех, о ком с уверенностью можно сказать, что именно на таких людях и держится наше Отечество. Мой коллега из г. Ростов-на-Дону профессор А. И. Бойко использует для их характеристики оригинальную формулировку: «человек штучного разлива».

М. Ф. Медведев абсолютно соответствует такой оценке, ибо его личность в своем роде неповторима: фронтовик, судья с огромным практическим опытом в сфере осуществления правосудия, блестящий педагог и, наконец, ученый – энциклопедист.

Мне очень повезло в том, что судьба свела меня с этим человеком, и мне посчастливилось быть его учеником, а затем в течение многих лет работать вместе с ним в одном вузе, на соседних кафедрах, причем в определенной степени быть его подчиненным (об это чуть позже).

Я бесконечно благодарен М. Ф. Медведеву за то, что именно он, наряду с тремя другими выдающимися Наставниками и блестящими учеными: В. Г. Беляевым, А. В. Наумовым и Н. И. Загородниковым, сыграл главную и определяющую роль в становлении и формировании моего профессионального правосознания, а особенно в овладении вузовской методикой преподавания и навыками лекторского мастерства.

М. Ф. Медведев был моим Первым Учителем, заложившим ту фундаментальную основу, на которой в последующем перманентно развивались полученные от своего наставника «первичные», но очень емкие представления об ораторском искусстве и методике чтения лекций по правовой тематике. И, конечно же, именно

М. Ф. Медведеву я обязан тем, что, благодаря его таланту педагога, я получил от него основательные знания гражданского и семейного права.

Я познакомился с М. Ф. Медведевым почти 49 лет назад, в далеком 1974 г., в стенах Высшей следственной школы МВД СССР, где он работал (а точнее проходил службу, поскольку был аттестованным сотрудником органов внутренних дел) в должности доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин, а я поступил в этот специализированный «милицейский» вуз и был слушателем 1-ого курса.

Примечательно, что М. Ф. Медведев был первым сотрудником этой кафедры, образованной 12 мая 1967 г., практически одновременно с созданием ВСШ МВД СССР. Он пришел на преподавательскую работу из Волгоградского областного суда, где более 10 лет был членом судебной коллегии по гражданским делам. Ветеран Великой Отечественной войны, имеющий огромный жизненный и профессиональный опыт, успешно защитивший в 1971 г. кандидатскую диссертацию, к моменту моего знакомства с ним М. Ф. Медведев уже в течение 7 лет преподавал гражданское и семейное право и одновременно на общественных началах был руководителем Школы молодого лектора в рамках общественной организации, именуемой «Университет общественных профессий и культуры» (УОПиК), созданной на базе ВСШ МВД СССР.

Именно с деятельностью Школы молодого лектора и связана была моя первая встреча с М. Ф. Медведевым, и это знакомство, состоявшееся почти полвека назад, до мелочей сохранилось в моей памяти, вероятно, именно в силу уникальности и неповторимости этого человека.

М. Ф. Медведев где-то через месяц после начала учебных занятий (в конце сентября) пришел в нашу учебную группу (в «милицейском» вузе это взвод) в часы самоподготовки и провел с нами беседу, рассказав о Школе молодого лектора, о ее целях и задачах, об особенностях проводимых в ней занятий, о перспективах для ее выпускников. А завершая беседу, он сказал (цитирую почти дословно): «Юрист, который овладел своей профессией, но не овладел ораторским искусством – это хотя и светлый, но пасмурный день, а вот,

если он не только знает юриспруденцию, но и владеет лекторским мастерством, – это не только светлый, но и солнечный день. Запомните это будущие следователи, и хотя на первом курсе в нашу школу поступать еще рано, на втором или даже третьем курсе приходите к нам, если вы хотите стать настоящими профессионалами».

Встречаясь позднее с учениками М. Ф. Медведева, выпускниками ВСШ МВД СССР, я слышал от многих из них, что они, как и я, помнят свою первую встречу и знакомство с М. Ф. Медведевым «в этом же ключе» и с улыбкой вспоминают о «пасмурном» и «солнечном» дне.

Спустя почти полвека, оглядываясь назад, невольно пытаешься порой осмыслить (а иногда и переосмыслить) какие-то важные моменты прожитой жизни, в том числе и годы учебы. И нередко находишь в них новые «штрихи», на которые ранее не обращал внимания, начинаешь глубже проникать в те или иные поступки людей, которые по жизни окружали меня, с совершенно иных позиций оценивать их и понимать, что все гораздо сложнее, чем это представлялось раньше. Многие вопросы, казавшиеся «на старте» педагогической карьеры совершенно простыми, сейчас приобретают совершенно иной смысл, и ты начинаешь понимать, что не можешь найти на них правильный ответ.

Но однозначно то, что я благодарен судьбе, давшей мне возможность познакомиться с М. Ф. Медведевым, а затем в течение многих лет, вплоть до его смерти, общаться с этим замечательным человеком.

Я был его учеником, причем дважды. Вначале я был учеником М. Ф. Медведева в Школе молодого лектора. Причем я был принят в эту школу уже на 1-ом курсе, потому что сразу после первого знакомства с М. Ф. Медведевым я подошел к нему и попросил зачислить в «рекламируемую» школу. М. Ф. Медведев сначала с недоверием посмотрел на меня, но потом неожиданного сказал: «А давайте попробуем, создадим прецедент, приходите на следующее занятие, а там посмотрим». Этот «эксперимент» прошел успешно и через два года я с отличием окончил Школу молодого лектора, получил соответствующее удостоверение и был принят в члены Общества «Знание». Больше того, М. Ф. Медведев после моего выпуска из этой школы (после окончания 2-ого курса) предложил мне стать его заместителем, на что я с удовольствием согласился.

Таким образом, в этом качестве я и стал «подчиненным» М. Ф. Медведева и был им вплоть до его увольнения в 1985 г. в связи с уходом на пенсию. Он вышел в отставку в звании полковника милиции, а я по его просьбе стал «престолонаследником» и возглавил Школу молодого лектора и руководил ею вплоть до известных событий 1991 г. После распада СССР и роспуска КПСС в ВСШ МВД РФ Университет общественных профессий и культуры был упразднен в 1994 г., а соответственно кануло в Лету и «детище» М. Ф. Медведева – Школа молодого лектора прекратила свое существование. М. Ф. Медведев в это время работал уже профессором кафедры гражданско-правовых дисциплин ВАГС при Президенте РФ. Когда я сообщил ему об этом, он был искренне огорчен, но отнесся к этому философски.

Но помимо этого «ученичества» и творческого сотрудничества в данной сфере я был учеником

М. Ф. Медведева и в буквальном смысле: он преподавал в моей группе гражданское и семейное право и не только читал лекции, но и вел семинарские и практические занятия, принимал экзамены и зачеты.

И в этом качестве я могу утверждать, что М. Ф. Медведев был педагогом от Бога, он занимался педагогической деятельностью с полной самоотдачей и, что самое важное, делал это с удовольствием, получая удовлетворение от своей работы с учениками.

Очень длительное знакомство с М. Ф. Медведевым дает мне основание для следующего вывода: величие его личности заключается в том, что все самые лучшие свойства и качества, характеризующие Человека, Учителя (Наставника) и Ученого (Исследователя), неотделимы в этом человеке, они сочетаются и удивительным образом «переплетаются», взаимопроникают друг в друга, и это придает его личности особую яркость, неординарность и неповторимую оригинальность. Особую привлекательность имеют его простота и доброжелательность, исключительная порядочность и обостренное чувство справедливости.

Учителя давно нет, но добрая память о нем навсегда сохранится в сердцах его учеников и коллег, включая и тех, кто хотя бы однажды соприкоснулся с ним. Я отчетливо помню его отеческое отношение не только ко мне, но и ко всем своим ученикам.

В своих фрагментарных воспоминаниях, конечно же, даже бегло невозможно раскрыть наиболее яркие эпизоды из моих встреч с М. Ф. Медведевым. Выделю лишь некоторые из них, особенно ярко иллюстрирующие личность этого человека. Михаил Федорович Медведев на заседании своей кафедры в 1976 г. предложил выдвинуть мою кандидатуру на получение именной стипендии им. В. И. Ленина (Ленинской стипендии). Кафедра его поддержала, и я был выдвинут в число кандидатов на эту стипендию. После прохождения довольно сложной «многоступенчатой» процедуры несколько выдвинутых другими коллективами кандидатов были «отсеяны», и на утверждение Ученого Совета ВСШ были представлены только две кандидатуры: моя и моего однокурсника с параллельного потока, которого выдвинули политотдел и партком вуза, поскольку он был членом КПСС. Хотя показатели успеваемости и результаты научно-исследовательской работы у него были несколько ниже, чем у меня, его главное преимущество заключалось в том, что он был членом КПСС и являлся парторгом курса.

В силу этих «достоинств» его кандидатура была явно более предпочтительна, чем моя. Узнав об этом, М. Ф. Медведев, не являясь членом Ученого совета, пришел на его заседание. И когда обсуждался вопрос о назначении Ленинской стипендии, после выступления секретаря парткома, предложившего назначить эту стипендию моему однокурснику-коммунисту, он выступил с яркой речью, доказывая, что членство в КПСС само по себе не может служить основанием для назначения Ленинской стипендии и, приведя соответствующие аргументы, сумел убедить Ученый совет в том, что более достойным кандидатом являюсь я. И только благодаря ему и его гражданской смелости я стал Ленинским стипендиатом.

Хочу заметить, что это был 1977 г. – разгар «застойного» периода развития СССР. Много ли коммунистов (а М. Ф. Медведев был коммунистом) в те времена

способы были выступить против «линии партии». Думаю, что единицы. А тем более, что М. Ф. Медведев был всего лишь моим преподавателем и никакой личной заинтересованности не имел. Зато он имел такие внутренне присущие ему качества, как обостренное чувство справедливости и исключительная честность и порядочность. В те далекие годы я ничего об этой истории не знал, поскольку все «кулуарные» механизмы назначения именных стипендий до слушателей не доводились. А Михаил Федорович об этом ни разу не упоминал ни тогда, ни в последующем. Я узнал о его поступке только спустя 19 лет, в 1996 г., от бывшего секретаря парткома, с которым по иронии судьбы случайно оказался попутчиком в одном купе поезда, и он рассказал мне эту историю. Я полагаю, что этот факт говорит сам за себя и не нуждается в комментариях.

Запомнилось мне и стремление М. Ф. Медведева к тому, чтобы привить своим ученикам культуру общения, особенно ведения научной полемики. И в своих лекциях, и даже на семинарах он, ссылаясь на того или иного автора, почти всегда называл не только его фамилию, но и имя, и отчество. Я до сих пор, спустя 48 лет, помню очень характерную, мягкую манеру чтения лекций, на которых М. Ф. Медведев полностью называл имена известных цивилистов: Олимпиад Соломонович Иоффе, Октябрь Алексеевич Красавчиков, Самуил Наумович Ландкоф, Сергей Никитич Братусь, Вениамин Петрович Грибанов и др.

Для меня до сих пор остается загадкой, каким образом Учителю удавалось добиться того, чтобы в нашей памяти на всю жизнь сохранилось то, чему он нас учил. Практически после того, как в 1976 г. М. Ф. Медведев принял у меня экзамен по гражданскому и семейному праву, я непосредственно к этим отраслям права никогда не обращался и глубоко в них не вникал, но имена знаменитых ученых, образующих «могучую кучку» российских цивилистов времен СССР, навсегда остались с моей памяти.

Еще одна часто встречающаяся в суждениях М. Ф. Медведева идея сводится к тому, что нужно дифференцированно относиться к обучающимся с учетом их способностей и мотивации к освоению «правовой материи». Он неоднократно озвучивал эту идею со ссыл-

кой на выдающегося физиолога и педагога И. М. Сеченова, полагавшего, что в первую очередь нужно помогать «таланту», а «бездарность» и сама «пробьет себе дорогу». Эта мысль озвучена поэтом Львом Озеровым:

«Не упиваясь словесами
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать

Бездарности пробьются сами».

Михаил Федорович щедро делился своими богатейшими профессиональными знаниями со своими учениками. Он был всегда максимально доброжелательным по отношению к ним, обладал редким чувством юмора и всегда обладал спокойствием. Я ни разу не видел его в раздраженном состоянии и никогда не слышал из его уст грубых слов.

Но помимо таланта педагога М. Ф. Медведев был и блестящим исследователем, настоящим Ученым. Думаю, что его творческое наследие еще ждет своих «продолжателей». Многие его идеи и теоретические разработки, особенно его труды, посвященные учению о деликтных обязательствах, безусловно, представляют научный интерес и сегодня. Они требуют творческого осмысления (а возможно и переосмысления) с учетом современных реалий активно развивающегося информационного общества. И в этом смысле «большое видится на расстоянии», да и сам Михаил Федорович часто цитировал нам афоризмы выдающегося ученого-физика Нильса Бора, например: «Проблемы важнее решения. Решения могут устареть, а проблемы остаются» или «Если идея не кажется безумной, от нее не будет никакого толку» и т. п.

Он был убежден, что бесспорных и вечных истин в юриспруденции, а тем более в цивилистике, быть не может. Однако представляется бесспорным, что многие идеи М. Ф. Медведева, отраженные в его научных трудах, особенно относящиеся к перспективам развития института обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, и сегодня остаются актуальными и вполне могут быть востребованы законодателем в своей правотворческой деятельности.

Завершая свои воспоминания о Михаиле Федоровиче Медведеве, сформулирую итоговый тезис: Дорогой Учитель, твой светлый образ и память о тебе, мы – твои ученики – навсегда сохраним в своих сердцах!

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 347.51:347.961.6

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К НОТАРИУСАМ В АСПЕКТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАТА

Агibalова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Рыжова А. А., стажер Нотариальной палаты Волгоградской области
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлено описание законодательной конструкции деликтной ответственности нотариуса за совершение правонарушения в своей деятельности. Авторы анализируют состав такого гражданского правонарушения и применение этого состава в контексте функционирования единой информационной системы (ЕИС) нотариата на практике. По мнению авторов, в условиях функционирования ЕИС нотариата необходимо дополнить конструкцию деликтной ответственности нотариуса ответственностью администратора информационной системы.

Ключевые слова: нотариат, ответственность нотариуса, единая информационная система нотариата, цифровизация нотариата, деликтная ответственность.

PROBLEMS OF ENFORCEMENT TORT LIABILITY TO NOTARIES IN THE ASPECT OF NOTARY DIGITALIZATION

Agibalova E. N., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Ryzhova A. A., Trainee at the Notary Chamber of the Volgograd Region
Volgograd, Russia

Abstract. The article describes the legislative structure of the tort liability of a notary for committing an offence in their activity. Authors analyze the composition of such a civil offense and the application of this composition in the context of the functioning of the notary's unified information system (UIS) in practice. Authors conclude that in the conditions of the functioning of the notary's UIS, it is necessary to supplement the construction of the notary's tort liability with the responsibility of the information system administrator.

Keywords: notary, notary's responsibility, notary's unified information system, notary digitalization, tort liability.

Исследование юридических практик в аспекте темы цифровизации права предполагает, что исследователь должен иметь в виду две детали. Во-первых, исследователь должен составить представление о содержании исследуемой юридической практики вне контекста цифровизации. Иными словами, в нашем случае, первичной задачей для нас является определение параметров практики привлечения нотариусов к деликтной ответственности за их действия: состав правонарушения, применяемые нормы, сложившаяся практика и особенности применения норм. Во-вторых, исследователь должен на основании этого представления о существующих юридических практиках определить, как именно цифровизация влияет на содержание этих практик, как может меняться правовая квалификация отношений, в которые внедряется элемент цифровизации. По вышеуказанным соображениям мы начнём с общего анализа правового регулирования и практики ответственности нотариуса за совершаемые им действия.

Основная норма в российском законодательстве, регулирующая привлечение нотариуса к ответ-

ственности, это статья 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных постановлением Верховного Совета РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы). Часть первая статьи 17 устанавливает, как правило, полную имущественную ответственность нотариуса за вред, причинённый по его вине имуществу физического или юридического лица, по причине совершения незаконного действия.

Мы можем наблюдать по тексту, что часть первая статьи 17 Основ устанавливает приблизительный состав правонарушения, порождающего возникновение обязательства возместить причинённый вред. В отношении состава гражданского правонарушения в целом существует достаточно много разночтений. И в рамках настоящей статьи мы будем понимать состав гражданского правонарушения с ориентиром на практику – как совокупность обстоятельств, необходимых и достаточных для возникновения обязательства по возмещению вреда [6, с. 22].

Объектом (предметом) правонарушения закон определяет имущество граждан и юридических лиц. Это

означает, что статья 17 Основ ограничивает ответственность нотариуса ответственностью только за вред имуществу граждан, а причинение вреда жизни и здоровью не охватывается нормами Основ. Объективной стороной рассматриваемого правонарушения является совершение нотариусом незаконного действия, ставшего причиной ущерба для имущества физического или юридического лица. Субъективная сторона проявляется в форме вины нотариуса за совершённое действие. Субъектом же данного правонарушения является частнопрактикующий нотариус, его работники и замещающее его лицо. Ответственность нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе, устанавливается в части седьмой цитируемой статьи 17 Основ. Она предопределяется тем, что за действия такого нотариуса отвечает государство. Однако специфика ответственности нотариусов, работающих в государственной конторе, не является предметом рассмотрения в настоящей статье по причине небольшой распространённости данной формы нотариальной практики.

Часть вторая статьи 17 Основ дополняет этот состав правонарушения, указывая на дополнительные детали объективной стороны. В частности, ответственность частнопрактикующего нотариуса также наступает за неправомерный отказ в совершении нотариального действия и за разглашение данных о совершении нотариального действия. Вместе с тем описанная конструкция состава правонарушения довольно редко применяется на практике. Это объясняется, во-первых, личной заинтересованностью частнопрактикующих нотариусов в качестве выполняемой работы, а во-вторых, трудностью доказывания причинной связи между действиями нотариуса и вредом имуществу. Эта сложность состоит в том, что зона возможных манипуляций с имуществом существенно ограничена, за исключением некоторых действий по типу охраны наследственного имущества [7, с. 126 – 127]. Поэтому и причинная связь между действиями нотариуса и причинением вреда достаточно труднодоказуема.

Как правило, незаконные действия нотариусов сами по себе не влекут негативных последствий, поскольку нотариусы не являются непосредственными участниками гражданского оборота, а их функция заключается в обеспечении действий непосредственных участников гражданского оборота. Понимание *обеспечительного* характера нотариальной функции позволяет сделать вывод об особенностях ответственности нотариуса в целом и её проблематике. Совершение нотариусом незаконного действия является лишь предпосылкой причинения вреда от действий или бездействия участника гражданского оборота.

Из последнего соображения вытекает закономерный вопрос: в каком размере следует оценивать причинённый нотариусами вред, если, строго говоря, их действия непосредственно не приводят к причинению вреда? Эту проблему, возникающую и на практике, можно обозначить как трудность определения содержания понятия вреда, причинённого нотариусом [1, с. 136; 2, с. 114; 3].

Анализ учебной литературы об ответственности нотариуса также не позволяет оттенить проблематику данной юридической конструкции [5, с. 110 – 113].

Кроме того, ещё одной проблемой становится неоднозначная квалификация статьи 17 Основ в контек-

сте главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая устанавливает общие положения об обязательствах из причинения вреда. С одной стороны, налицо сходство анализируемых составов и природы деликтной ответственности. С другой стороны, при наличии специальной нормы (статья 17 Основ) общие нормы должны применяться лишь subsidiarily на случай, когда соответствующие отношения не были урегулированы.

В практике высших судов мы встречаемся с делами, в которых рассматриваются случаи ответственности нотариуса [1; 2]. Обратимся к ним для понимания, как обозначенная нами проблематика раскрывается на практике.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2021 год, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021, описываются обстоятельства дела, согласно которым нотариус не удостоверился должным образом в личности поверенного, действовавшего по поддельному паспорту, в результате чего квартира доверителя была продана. Однако сделка была признана недействительной, регистрационные действия отменены, нотариально удостоверенная доверенность признана также недействительной. Суд первой инстанции исходил из описанной нами логики обеспечительного характера функций нотариуса и указал, что вред причинён не нотариусом, а ненадлежащим представителем. Однако апелляционная инстанция и Верховный Суд установили, что неправомерные действия представителя не отменяют обязанности нотариуса установить личность гражданина при совершении нотариальных действий в соответствии со статьей 42 Основ. Поэтому за неисполнение обязанности следует ответственность. Однако основной вопрос, который мы поднимали выше, о размере ответственности нотариуса остался в Обзоре без внимания.

Полагаем, что цифровизация нотариата хотя и значительно упростила процессы делопроизводства нотариусов, а также сделала более доступным получение услуг нотариусов, в вопросе ответственности выступила фактором, который усугубляет названную проблему. Поясним сказанное.

Введённая в законодательство о нотариате в 2013 году единая информационная система нотариата, закреплённая в главе VII.1 Основ, стала основой правового регулирования цифровизации нотариата, а программное обеспечение «eNot» – её содержательным наполнением. Как отмечают разработчики программного обеспечения, у ЕИС нотариата есть два интерфейса: веб-интерфейс и программный интерфейс. Веб-интерфейс нужен для просмотра баз данных информационных блоков и работы с подсистемами ЕИС с помощью обычного браузера. Программный интерфейс сервера ЕИС предназначен для организации взаимодействия со специальным приложением «eNot», реализующим прикладные функции системы на рабочем месте пользователя ЕИС. Каждый из пользователей ЕИС имеет свою собственную локальную базу данных, содержащую частичную репликацию содержимого базы данных сервера ЕИС, а также свою собственную информацию, частично реплицируемую в базу данных сервера ЕИС. Обмен информацией между пользователями системы и сервером ЕИС выполняется с помощью приложения «eNot» [4].

Подробная остановка на указанных деталях не случайна. Дело в том, что в обычных условиях гражданского оборота нотариус является лишь промежуточной инстанцией между его участниками, как в примере со сторонами договора. Он в этих отношениях не участвует, но влияет на них косвенно через нотариальные действия. Внедрение информационных систем в деятельность нотариуса только усиливает эту ситуацию. Рассмотрим заявленный тезис на примере.

Статья 53.1 Основ устанавливает возможность удостоверения сделки двумя и более нотариусами, если в сделке участвуют два и более лица без их совместного присутствия. Это, с одной стороны, позволяет гражданам, находящимся в разных городах, удостоверить сделку без необходимости находиться на одной территории. С другой стороны, такая возможность свидетельствует о присутствии посредника в таких взаимоотношениях. А именно – системы и тех, кто её обслуживает. Ведь нотариус взаимодействует с описанным выше веб-интерфейсом, предназначенным для взаимодействия с пользователем. Программный же интерфейс не доступен для нотариуса, если он не является ещё и программистом. Однако веб-интерфейс является той основой, за счёт которой функционирует система в целом и приложение «Нот» у нотариусов. В связи с этим возникает вопрос: в случае программной ошибки в организации такой сделки нотариусом, кто должен нести ответственность?

Например, в части пятой статьи 53.1 Основ описан порядок удостоверения сделки двумя и более нотариусами. Он также дополнен подзаконным актом – приказом Минюста России от 30.09.2020 № 222 «Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами». Порядок представлен в тексте закона как ряд сменяющих друг друга этапов взаимодействия нотариусов с участниками сделки, между собой, а также с информационной системой, которые в целом образуют порядок совершения нотариального действия. Помимо классических действий нотариусов и сторон в процессе удостоверения сделки, представляется любопытным один этап этого порядка, который выполняется ни нотариусом, ни стороной сделки, а самой системой. Это абзац восьмой статьи 53.1 Основ, который изложен следующим образом: «неизменность текста сделки в электронной форме обеспечивается средствами единой информационной системы нотариата». Таким образом, имеет место указание на то, что неизменность текста сделки, то есть, действие, которое должно было бы обеспечиваться в обычных условиях нотариусом, обеспечивается информационной системой. В связи с этим вопрос, заданный нами ранее, ещё более актуализируется. Если в законе прямо указано, что неизменность текста сделки обеспечивается системой, то будет ли нести ответственность нотариус за нарушение этой неизменности в случае технической ошибки?

Поскольку ЕИС нотариата не является полностью автономной системой и в буквальном смысле не может самостоятельно ничего обеспечивать, а требует воздействия извне, для корректного распределения ответственности необходимо скорректировать состав ответственности за нарушения в сфере производства нотариальных действий. Полагаем, для этого необходимо введение субъекта ответственности – администратора информационной системы и включение в текст закона

перечня действий, которые недопустимы при взаимодействии с системой, так как могут нарушить права лиц, обратившихся к нотариусу.

Статья 17 Основ не была в достаточной степени адаптирована в связи с введением положений о ЕИС нотариата; законодатель ограничился введением в статью части пятой о солидарной (по общему правилу) ответственности двух и более нотариусов за причиненный по их вине вред вследствие признания удостоверенной ими сделки недействительной [2, с. 124 – 125]. Несмотря на это, дистанционно удостоверенные сделки содержат в себе те же риски, что и сделки, удостоверенные в классической форме. А потому полагаем, что и те, и другие должны предусматривать равную ответственность нотариуса за незаконные действия, повлекшие ущерб имуществу гражданина или юридического лица, и за разглашение данных – сведений о совершенных нотариальных действиях (части первая и вторая статьи 17 Основ).

Однако в отношении разглашения данных в связи с цифровизацией появляются также риски так называемых «сливов данных», организованных заинтересованными лицами. Представляется, что в данном случае было бы необоснованным привлекать к ответственности нотариусов. Во избежание подобных случаев необходимо установление оговорок в законодательстве о нотариате, которые предусматривали бы нового субъекта ответственности – администратора информационной системы.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтная ответственность нотариуса: по материалам судебной практики // Государство, право и общество: вопросы теории и практики: сборник материалов III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Сочи, 27 – 28 октября 2022 г.) / отв. ред. А. Ю. Яковлева-Чернышева. Киров: Изд-во МЦИТО, 2022. С. 135 – 141.
2. Агибалова Е. Н. Специфика деликтной ответственности нотариуса в Российской Федерации: основные выводы из анализа судебной практики // Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и процесса: монография / под ред. Т. В. Летуга. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2023. С. 111 – 135.
3. Акимочкин Д. Несет ли нотариус ответственность перед сторонами удостоверенной им сделки в случае признания ее недействительной? [Электронный ресурс] // Сайт ООО «Гарант-Сервис». URL: <https://garant-vrn.ru/vopros-otvet/vo261211/> (дата обращения: 12.05.2023).
4. Информация о программе «eНот» [Электронный ресурс] // Сайт «ТРИАСОФТ». URL: <https://www.triasoft.com/programs3.htm> (дата обращения: 20.05.2023).
5. Нотариальное право: учебник / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев и др.; под ред. В. В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2017. 576 с.
6. Тычинин С. В. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности / С. В. Тычинин, Л. Д. Туршук // Современное общество и право = Modern society and law. 2019. № 3 (40). С. 22 – 28.
7. Харитонов Ю. С. Ответственность сторон по договору доверительного управления наследственным имуществом предпринимателя // Lex russica. 2017. № 5. С. 126 – 135.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ПРИ УДОСТОВЕРЕНИИ ДИСТАНЦИОННЫХ СДЕЛОК

Артамонникова С. В., нотариус Камышинского района Волгоградской области
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования удостоверения сделки двумя и более нотариусами в дистанционном формате, раскрываются особенности солидарной ответственности нотариусов при совершении этого нотариального действия, подчеркивается несовершенство отечественного законодательства в этой сфере и предлагаются направления его изменения и дополнения.

Ключевые слова: ответственность, нотариальная деятельность, дистанционные сделки, возмещение вреда.

TORT LIABILITY OF THE NOTARY WHEN CERTIFICATION OF REMOTE TRANSACTIONS

Artamonnikova S. V., Notary of the Kamyshinsky District of the Volgograd Region
Volgograd, Russia

Abstract. This study examines certain aspects of the legal regulation of the certification of a transaction by two or more notaries in a remote format, reveals the features of the joint responsibility of notaries when performing this notarial action, highlights the imperfection of domestic legislation in this area and suggests directions for its changes and additions.

Keywords: responsibility, notarial activity, remote transactions, compensation for harm.

Развитие цифровых технологий привело к появлению принципиально новых возможностей реализации физическими и юридическими лицами своих субъективных прав. Любое действие, требующее идентификации личности и волеизъявления, в настоящее время может быть совершено через информационно-коммуникационную сеть Интернет [4, с. 17]. Если подлинность поданных процессов и процедур удостоверяется со стороны нотариуса, то им придается свойство надежности и безопасности, а лица, которые осуществляют такие действия, получают гарантии охраны их прав и интересов. В совокупности такое состояние придает дополнительную устойчивость всему гражданскому обороту.

Развитие информационных технологий и внедрение их в нотариальную сферу повлекло за собой появление новых нотариальных действий, совершаемых с использованием электронных средств, в том числе и на расстоянии, к таким мы бы отнесли:

– удостоверение равнозначности электронных и бумажных документов (ст. ст. 103.8 – 103.9-1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы));

– регистрацию в цифровом формате уведомлений о залоге движимого имущества (ст. 103.1 Основ);

– удаленное совершение исполнительных надписей (ст. 89 Основ) и т. п.

В декабре 2019 года законодательное закрепление в ст. 53.1. Основ получило еще одно новое нотариальное действие, а именно – совершение сделки, удостоверяемой двумя и более нотариусами в дистанционной форме. Такой формат совершения этих юридических фактов не новый в гражданском законодательстве Российской Федерации [2, с. 112], однако придание им нотариальной формы предоставило им дополнительную значимость и надежность [3, с. 56].

Суть заключения сделки, удостоверяемой двумя и более нотариусами в дистанционной форме, состоит в том, что стороны, находясь на расстоянии, приходят к нотариусам в географическом пункте их пребывания, которые при помощи защищенных аудио- и видеоканалов вначале подготавливают проект соглашения и согласовывают его условия и содержание, а затем с использованием той же телекоммуникационной техники производят нотариальное удостоверение такого акта. В случае отчуждения недвижимого имущества на основе таких договоров, один из нотариусов должен осуществлять свою деятельность в регионе, где находится отчуждаемый объект.

Перед удостоверением сделки нотариус обязан совершить комплекс действий, который будет направлен на юридическую гарантированность открытости и чистоты сделки. Основопологающим моментом здесь будет являться выяснение воли и желания сторон, разъяснение им смысла и значения совершаемых действий и их последствий. В ходе беседы определяется дееспособность обратившихся лиц, действительность паспортов и предъявленных документов, проверяется причастность к экстремистской деятельности, наличие процедуры банкротства лица, для чего делаются соответствующие запросы в компетентные органы. Выявляются сведения о наличии арестов, обременений и запретов. Такие информационные данные с 2023 года на рынке недвижимости имеет право, за исключением собственников, получать только нотариус.

По мнению Д. С. Медяник, привлекательность дистанционного удостоверения сделок нотариусами обеспечивается двумя ключевыми факторами – законность содержания сделки и ответственность нескольких нотариусов [5, с. 44]. Мы присоединяемся к этому тезису, так как, во-первых, нотариальный акт, в том числе совершенный в электронной форме, является докумен-

том повышенной доказательственной силы, а это значит, что изложенные и зафиксированные нотариусом обстоятельства не требуют дополнительного доказывания. Во-вторых, удостоверенная в дистанционном формате сделка защищена от подделки при помощи использования специального бланка и присвоения документу QR-кода. В-третьих, нотариальная деятельность имеет четырехступенчатую систему возмещения причиненного вреда за счет: страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, личного имущества нотариуса, компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

Удостоверение договоров с привлечением двух и более нотариусов в дистанционном формате становится все более востребованным. Согласно статистике, предоставленной Федеральной нотариальной палатой РФ, за три месяца 2023 года произошло увеличение удостоверенных сделок более чем в 2 раза по сравнению с таким же периодом предыдущего года. Это количество превышает общее количество аналогичных сделок 2021 года. Наиболее распространены подобные действия дистанционного формата в сфере отчуждения недвижимости, семейных правоотношений, обязательств между юридическими лицами, в том числе по отчуждению долей обществ с ограниченной ответственностью. Заключение сделок подобным способом помогает экономить время и средства, сохраняя удобство и все гарантии безопасности нотариальной формы, что особенно важно и для бизнес-сообщества, и для рядовых граждан [1, с. 23].

Активное формирование и становление нотариальной практики по удостоверения таких сделок, с одной стороны, позволяет нотариусам освоить новое и перспективное нотариальное действие, а с другой, этот процесс способствует выявлению пробелов и недостатков отечественного законодательства в этой области.

Именно к таким вопросам мы бы отнесли проблематику ответственности нотариусов при совершении указанных выше договоров. По общему правилу, в силу ст. 17 Основ для нотариусов установлена полная ответственность за причиненный по их вине вред имуществу гражданина или юридического лица, возникший в результате нотариального действия, совершенного с нарушением законодательства.

Однако ответственность при удостоверении дистанционных сделок, в силу части 5 ст. 17 Основ, имеет определенную специфику. Поскольку порядок заключения таких договоров предполагает участие двух и более участников нотариального сообщества, соответственно и ответственность за причиненный по их вине вред вследствие признания сделки недействительной они будут нести солидарно. Из этого правила законодатель сделал определенные исключения. Если при заключении дистанционной сделки основанием признания ее недействительной стали неправомерные действия нотариуса при (1) удостоверении личности обратившихся лиц; (2) проверке дееспособности физического лица или правоспособности юридических лиц; (3) определении волеизъявлений заявителей; (4) проверке полномочий представителей сторон сделки, то нотариус, совершивший такое нарушение, будет нести самостоятельно полную имущественную ответственность за вред, причиненный

по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона.

Для возникновения солидарной ответственности нотариусов необходимо, чтобы состав их правонарушения одновременно содержал следующие элементы или условия наступления гражданско-правовой ответственности. Во-первых, эти лица должны совершить такое противоправное действие (бездействие), которое стало основанием к признанию в судебном порядке сделки, ранее ими удостоверенной, недействительной. Во-вторых, указанное деяние нотариусов должно носить виновный характер. В-третьих, такая сделка должна быть признана в судебном порядке недействительной. И, в-четвертых, потерпевшей стороне от указанных выше действий (бездействия) нотариусов должен быть нанесен вред, то есть всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом блага, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным).

При внимательном анализе первых из выше указанных условий возникают определенные юридические вопросы. В этом аспекте крайне затруднительно найти ответ на вопрос: а как быть, если в рассматриваемых случаях действия одного из нотариусов действительно носят неправомерный характер, а другой не нарушает норм закона? Справедлив ли законодатель, когда он с учетом специфики деятельности нотариусов в рассматриваемых отношениях удостоверения сделки фактически игнорирует причинно-следственную связь между действием конкретного нотариуса и его последствиями и объединяет двух или более нотариусов в единую сторону? Подобный подход соответствует модели солидарной ответственности, но потенциально явно вызовет затруднения в процессе практической реализации [5, с. 43]. Тем более что вторым условием ответственности нотариусов, указанным законодателем в содержании части 5 ст. 17 Основ, является наличие их общей вины в причинении вреда.

На наш взгляд, такая редакция делает указанную норму изначально нежизнеспособной и порочной. Иными словами, подобная формулировка является находкой для опытного юриста, который в суде будет утверждать о том, что в рассматриваемых обстоятельствах дела явно отсутствует полный состав правонарушения, а, следовательно, не существует и оснований для ответственности. Таким образом, при видимом эффекте защиты прав сторон сделки, заключаемой дистанционно, на практике она будет приводить или к отказу в удовлетворении требований о возмещении вреда со стороны невиновного, то есть действовавшего правомерно и добросовестно, нотариуса, или к затягиванию рассмотрения дел в суде об ответственности совместно действовавших нотариусов.

Показательным в этом плане является пример, связанный с передачей документов для регистрации прав на недвижимое имущество в регистрирующий орган. В соответствии со ст. 55 Основ, стороны вправе возложить на нотариуса обязанность по предоставлению в электронной форме заявления и документов в регистрирующий орган. Нотариус, согласно этой норме, не позднее рабочего дня или в сроки, предусмотренные в договоре, обязан совершить вышеуказанные действия. Но

это в идеале; а что делать, если конкретный нотариус не делает этого и затягивает решение вопроса? У нового правообладателя явно возникнут большие сложности и с признанием его владельцем (собственником) объекта недвижимости, и с дальнейшей эксплуатацией этого имущества, и, может быть, последующим его отчуждением и т. п. В этой связи, возможно ли будет предъявление требований, согласно ст. 323 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), об исполнении обязательства в натуре к нотариусу, который действовал добросовестно, если от него уже ничего не зависит, и свою часть нотариальных действий он исполнил?

В ст. 325 ГК РФ предусматривается возможность исполнения солидарной обязанности как всеми должниками, так и одним из них с возможностью предъявления регрессного требования к другому должнику или должникам. При этом остается открытым вопрос о возможности выделения доли каждого из нотариусов в предъявленных исковых требованиях по рассматриваемой выше проблематике. По нашему мнению, солидарность ответственности нотариусов с учетом актуального правового регулирования означает или крайнюю степень неясности при ее определении, или даже объективную невозможность деления такой ответственности на доли или части.

Оценивая вышеизложенное и подводя итог настоящему изысканию, мы полагаем, что вопрос ответственности нотариуса по дистанционным сделкам нуждается в более детальном теоретическом осмыслении и корректировке в действующем законодательстве. В этом плане мы предложили бы, с одной стороны, или изменить положения ст. 17 Основ, в которой более подробно следовало бы закрепить порядок предъявления регрессных требований, способы градации определения доли требований по отношению к нотариусам, участвующим в сделках, или дополнить Основы новой нормой

(статьей) об ответственности нотариусов при работе в дистанционном формате. При этом законодатель все-таки должен определиться с вопросом о допустимости применения солидарной ответственности в рассматриваемых случаях.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Правовые основы нотариата. Часть 2: учебное пособие. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. 32 с.

2. Белова О. А. Правовая характеристика существенных условий договора дистанционной купли-продажи, определяющих его место в системе договоров купли-продажи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 110 – 115.

3. Иловайский И. Б., Щепетнова Д. С. Дистанционный нотариат и удостоверение сделок двумя и более нотариусами: отдельные неоднозначные вопросы // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Сост. А. В. Тумаков. М: Издательство: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. С. 55 – 59.

4. Клычев Р. А. Информационно-коммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 16 – 19.

5. Медяник Д. С. К вопросу об ответственности нотариусов при удостоверении сделки дистанционно (комментарий к ст. 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате) // Нотариус. 2021. № 4. С. 43 – 44.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ДЕЛИКТЕ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Вольфсон В. Л., кандидат юридических наук
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Автор ставит вопрос о мере, в которой российское гражданское право придерживается конструкции генерального деликта. С этой целью выявляются виды вреда, не подлежащие возмещению и компенсации, а также само понятие вреда. В меру возможностей, на оба эти вопроса автор отвечает не только аналитически, но и критически.

Ключевые слова: генеральный деликт, деликтное право, понятие вреда, осуществление гражданских прав, злоупотребление правом.

ON THE ISSUE OF GENERAL TORT IN THE RUSSIAN CIVIL LAW

Volfson V. L., Candidate in Law
North-West Institute of Management – branch of RANEP
St. Petersburg, Russia

Abstract. The author seeks to ascertain the extent to which the Russian civil law adheres to the principle of general tort. With this purpose in view, he identifies kinds of damages that are subject neither to compensation nor to reimbursement, as well as the very concept of the damage as presented in the current law. Whenever possible, the author approaches these issues both analytically and critically.

Keywords: general tort, law of torts, the concept of the damage, abuse of law, exercise of civil rights.

§ 1. Введение. Постановка проблемы

Принято считать, что российское деликтное право построено по принципу генерального деликта [1, с. 416; 7]. Это означает, что восстановлению подлежат претерпевания вреда любых видов, если они вызваны противоправным действием. На этот же принцип опирается правило полного возмещения. Но в действительности генеральный деликт у нас не так уж «генерален». Из него имеются некоторые изъятия – в некоторых случаях несомненные и оправданные, в других – не столь очевидные и *de lege lata*, и *de lege ferenda*.

В этой работе автор хотел бы определить границы этих изъятий и поставить вопрос об их целесообразности. Предстоит оценить «делинквентность» как отдельных видов вреда, так и понятие вреда в целом – так, как он существует в российском праве. В методологических целях мы отделим понятие вреда от объектов, на которые направляется противоправное посягательство, ставшее причиной возникновения вреда. Под вредом ниже будут пониматься отрицательные претерпевания любого рода, то есть умаление любых интересов субъектов (в том числе имущественных, личных, репутационных), если они возникли вследствие противоправных действий. Под объектами посягательства – категории объектов гражданских прав, то есть ценности, блага. И наличие генерального деликта ниже оценивается именно в порядке перечислений категорий самого вреда, а не объектов посягательства, которые также принимаются во внимание. Но сначала следует кратко остановиться на другом обязательном условии деликтной ответственности – противоправности.

Признание самостоятельности этого условия (его несводимость к вине) органична для нашего права, что было обосновано ещё классиками советской цивилистики [1, с. 408 – 415; 11, с. 30 – 44]. В новейших работах можно встретить скептическое отношение к этому предикату деликтного обязательства, и хотя даже эти авторы согласны с тем, что с учётом российской традиции отказ от него нецелесообразен [7], мы не можем поддерживать принятое во французском праве поглощение противоправности виной. Самостоятельность обоих условий отчётливо заметна, если вина не образует условия ответственности, причём даже не на примере причинения вреда источником повышенной опасности, на который обычно ссылаются в этих целях, а при возникновении обязательства возместить вред в случаях, когда причинитель исходит из добросовестного, но ошибочного представления о правомерности своих действий, причём такое представление образует, в соответствии с законом, основание для обязанности действовать (как, например, в ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)): но выполнение обязанности, основанное на неверном представлении об её наличии, противоправно. И первым упоминаемым в этой статье изъятием из генерального деликта является как раз то, что причинение вреда некоторыми противоправными действиями не порождает обязательств его возместить – в том числе моральный вред при нарушении иных прав, кроме личных, а также любой вред, причинённый действиями правоохранительных органов, если они прямо не названы в ст. 1070 ГК РФ¹.

§ 2. Вред, причинённый личности

Прежде всего генеральный деликт не применя-

¹ Даже несмотря на правовые позиции Конституционного Суда РФ (Постановление от 16.06.2009 № 9-П, Определение от 4 декабря 2003 г. № 440-О).

ется к умалению личных интересов. Отнюдь не все личные претерпевания дают основания для компенсационной защиты – всеобщность здесь имеет место только в швейцарском праве [12, с. 487]. Из всех видов вреда личным интересам признавая деликтом только «нравственные и физические страдания», именуемые моральным вредом (§ 4 гл. 59 ГК РФ), законодатель ещё и не допускает, кроме оговоренных случаев, его компенсацию, если такой вред возник из нарушения имущественных интересов (ч. 1 ст. 151, п. 2 ст. 1100).

Но более существенно то, что *и посягательство отнюдь не на все нематериальные блага является деликвентным*. Российское право не просто не предусматривает охраны единого права на личное пространство как основания защиты любых нематериальных благ – оно не признаёт такой защиты и в поле дозволенности, т. е. по умолчанию¹. Численность охраноспособных нематериальных благ (п. 1 ст. 150) не ограничена, но защита этих благ допускается только *в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного немущественного права и характера последствий этого нарушения*. Суть процитированного из абз. 1 п. 2 ст. 150 правила сводится к тому, что защита предоставляется: 1) в специально оговоренных Кодексом или иными федеральными законами случаях и порядке; 2) одним из общих (ст. 12 ГК РФ) способов, с оговоркой, что выбранный способ и пределы его применения вытекают из существа нарушенного блага и последствий характера нарушения. Причём и в том, и в другом случае санкция может применяться только в соответствии с законом (включая ГК РФ). Если бы данное указание относилось только к первому основанию допуска к защите, вся формула лишалась бы смысла. Во-первых, зачем требовать *соответствия закону* основания защиты, «осуществляемой в случае и порядке», *предусмотренных законом*? Во-вторых, если считать, что требование о соответствии закону относится только к первому указанному в этой формуле случаю защиты, выделение второго случая вовсе теряет смысл, поскольку

стирается отличие защиты нематериального блага от общего принципа предоставления гражданско-правовой защиты: выбор способа защиты всегда должен соответствовать существу нарушенного блага и последствиям нарушения. В настоящее время в ГК РФ охранительные меры установлены против распространения порочащих (пп. 1 – 9 ст. 152), а также любых не соответствующих действительности сведений (п. 10 ст. 152), использования изображения гражданина (ст. 152.1), вторжения в его частную жизнь (ст. 152.2). Охраняются также личные права на интеллектуальную собственность, хотя они, по нашему убеждению, направлены на охрану интереса в авторской репутации, а не неприкосновенности личного пространства [3]. Ответственность в виде компенсации морального вреда может наступить, если он причинён нарушением *и других* указанных в ст. 150 благ, но вовсе не всех и представленных всегда в виде незамкнутого ряда в разъяснениях Верховного Суда², в остальном не обнаруживающего готовность признать охраноспособность обсуждаемых благ в непредусмотренных законом случаях³.

В подтверждение того, что нематериальные блага охраняются в правонаделительном режиме можно привести многие требования в защиту отдельных составляющих личного пространства – например, о защите интереса в неприкосновенности звуковой среды, или же о достоверной диффамации⁴. Несмотря на имевшиеся попытки признания «достоверной диффамации» деликтом в доктрине [10, с. 4], *de lege lata* её противоправность не признаётся (п. 1 ст. 152 ГК РФ); такова же единая позиция Верховного Суда⁵ и Европейского Суда по правам человека⁶. В том же ряду даже признаваемые гражданским законодательством деликты: сама постановка вопроса об их границах свидетельствует о неприменении общего деликта⁷.

§ 3. Репутационный вред

В действующем праве отсутствуют законоположения, на которых лицо, претерпевшее умаление своей репутации, могло бы основывать своё деликтное требование, отличное от компенсации морального вреда. Но такое претерпевание вовсе не обязательно является личным. Возможность удовлетворения таких требований открылась Определением Конституционного Суда от

¹ Такое положение дел заметно не всем. Концепция развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) исходит из того, что в отечественном праве имеется «принципиальное положение о возможности использовать все способы защиты гражданских прав для защиты любых нематериальных благ» (п. 3.5) и далее призывает к сохранению такого положения. Но легальная действительность, на наш взгляд, не такова и таковой, в том числе на момент появления Концепции, никогда не была.

² См., напр., недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2023 г., № 2).

³ См. об этом в заметке: Проблемы правовой охраны личного пространства в цифровой среде в правоприменительных позициях [Электронный ресурс] // Энергия Ци: цивилистика головного мозга. URL: <https://clck.ru/33nAj2> (дата обращения: 13.03.2023).

⁴ Обе ситуации стали основой для модельных задач, обсуждаемых в рамках курса «Проблемы правовой охраны личности в цифровой среде», который автор преподаёт на юридическом факультете СЗИУ РАНХиГС, а первая из них включена в практикум по гражданскому праву [6].

⁵ Абз. 5 пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

⁶ Постановления ЕСПЧ не принимаются во внимание российскими судами, упомянутая позиция Верховного Суда формулировалась им со ссылкой на тождественность понятий диффамации как распространения только несоответствующих действительности сведений в российском праве и в постановлениях ЕСПЧ.

⁷ Так, давая своё толкование изъятию из охраны изображения гражданина, предусмотренному в подп. 2) пункта 1 ст. 152.1 ГК РФ, в абз. 3 п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», высший судебный орган указал, что оно, по общему правилу, действует и тогда, когда «изображенные на коллективном фотоснимке граждане очевидно выразили свое согласие на фотосъемку и при этом не запретили обнародование и использование фотоснимка, за исключением случаев, если такое изображение содержит информацию о частной жизни указанных лиц»; другими словами, в согласии на фотосъемку при таких условиях усматривается презумпция согласия на использование изображения. Далеко не все готовы будут разделить такой подход, и даже если презумпция неверна в отношении статистического меньшинства граждан – это, на наш взгляд, достаточный повод для её отмены. Но правильный ответ в любом случае здесь будет дан только тогда, когда обсуждение перейдёт в поле непризнаваемой ГК РФ охраны личного пространства – т. е. общего, по отношению к охране изображения, блага.

04.12.2003 № 508-О¹, указавшим, что Конституция не исключает возмещение нематериального, в т. ч. репутационного вреда, юридическим лицам. Не сразу и не единодушно, российский правоприменитель согласился с таким расширением деликтной защиты². Но требования о возмещении вреда деловой репутации, причинённые достоверной диффамацией, удовлетворению в российском правовом порядке не подлежат (см. § 2).

§ 4. Имущественный вред

Применительно к имущественному вреду конструкция генерального деликта при прочтении ст. 1064 ГК РФ покажется непоколебимой. Но действие этого принципа всегда будет зависеть от признаваемого правовым порядком объёма понятия «вред» как такового, т. е. не только в части отдельных его разновидностей, но и концепции вреда в целом. Призыв различать категории претерпевания и объекта посягательства является и предостережением. Неочевидность категориальной принадлежности термина «имущество», в том виде, в каком он употреблён в ст. 1064, будет порождать такое смешение, а значит и когнитивное размывание понятия «вред». Но отрицание деликта на основании ограничительного понимания объекта, в частности, сведения его к вещам, является отклонением от обсуждаемого фундаментального принципа деликтного права. Методологическое разделение претерпевания и объекта его не предполагает. Идея генерального деликта, в соответствии с которой вред, как *любое* претерпевание, в том числе и умаление имущества, возникшее из противоправных действий, по умолчанию должен быть возмещён, не может быть поставлена в зависимость от квалификации объекта посягательства. К сужению понятия имущества как объекта посягательства нет и легальных поводов ввиду встроеной в российское право многозначности этого понятия.

Принцип генерального деликта также означает, что прочие условия ответственности, в тех случаях, когда они необходимы для возникновения деликтного обязательства, должны предполагаться: вина во всяком случае, а причинная связь – если обстоятельства дела не дают оснований для разумных предположений об обратном³. Но всеобщность восстановления противоправно нарушенных интересов, как родовой признак такого обязательства, не подлежит компромиссу. Такой подход даст ключ к пониманию его отличий от других обязательств. В тех случаях, когда кондикционное требование применяется взамен деликтного, несмотря на наличие вреда (подп. 5 ст. 1203), это происходит *только* ввиду отсутствия причинной связи и (или) вины⁴. Квалификация же вреда для целей различения этих требований недопустима. Пример такой ошибки даёт известное дело о «бетонных плитах»⁵. Неправомерную оккупацию

имущества, возврат в натуре которого к моменту рассмотрения дела был невозможен, суд расценил как признак кондикционного, а не деликтного обязательства. При этом без внимания оставлено то обстоятельство, что умаление имущественной массы истца состояло в юридически значимой причинно-следственной связи с неправомерными действиями ответчика. В обоснование своего вывода суд указал на то, что присвоение чужого имущества привело к обогащению ответчика. Но присвоить можно только сохраняющий целостность объект, если речь идёт о вещах, либо неовеществлённое имущество. Поэтому если понимать приведённую правовую позицию как непризнание любых иных, помимо нарушающих целостность объекта, форм посягательства для целей образования деликта, это ничем неоправданное сужение обсуждаемого принципа. Если же прочитать её без реконструкции большой посылки, а лишь как указание на то, что одного факта неосновательного обогащения деликвента достаточно, чтобы переквалифицировать деликтное требование в кондикционное, – это ещё более явная ошибка. Увеличение имущества обогатившей стороны имеет для кондикционных требований значение лишь постольку, поскольку возникает за счёт другой стороны, причём приращение имущества должника в иных случаях является единственным признаком, позволяющим установить уменьшение имущества кредитора. Но восстановление имущества последнего в условиях конкуренции деликтного и кондикционного требований всегда должно происходить средствами деликтного права. Мало сказать, что этот вывод следует из преобладания специальных норм над правилами о возврате неосновательного обогащения; нужно подчеркнуть, что первенство в конкуренции принадлежит деликтному требованию ввиду того, что гражданское право, исходя из принципа скорейшего и простейшего для потерпевшего лица восстановления его положения, предшествующего деликту, признаёт достаточным для такого требования противоправность вреда, не связывая истца доказыванием интерактивно понимаемого дисбаланса экономических интересов сторон, а также его правовой неосновательности.

В недавнее время поставление в зависимость требования о возмещении вреда от квалификации объекта посягательства получала косвенную поддержку со стороны теории так называемых «чистых экономических убытков». Первая из версий упомянутой выше правовой позиции ВАС в «деле о бетонных плитах» читается как практический вывод из этой теории. Однако эта позиция, причём в обоих истолкованиях, преодолена решениями Верховного Суда по делам № 303-ЭС16-19319

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

² См., напр., п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017), Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2016 № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015, Постановление Президиума ВАС РФ от 17.07.2012 № 17528/11 по делу № А45-22134/2010 и др.

³ Концепция действия по умолчанию прочих, кроме вреда и противоправности, условий возникновения обязательства по возмещению убытков была поддержана в п. 5 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

⁴ Соотношение этих требований составляет традиционный предмет интереса цивилистики в XX веке, в том числе и в трудах классика отечественной науки М. М. Агаркова (см.: Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 1. М.: АО «Центр ЮриИнфоР», 2002. С. 430 – 440, Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1961. С. 209 – 212) и зарубежных ученых (Цвайгерт К., Кётец Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 284 – 359).

⁵ П. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении».

от 22 мая 2017 г. (дело «Фигаро») и № 306-ЭС17-18368 от 11 мая 2018 г. («Магадан-Тест»). В обоих решениях ВС подтвердил, что он исходит из неограниченной фактурой посягательства категории «вред», включающей, в полностью разделяемом автором понимании, «чистые экономические убытки».

С единой концепцией вреда связан также вопрос о выборе между требованиями из неправомерного пользования денежными средствами в виде уплаты «охранительных» процентов, неосновательного обогащения или деликта, когда умаление имущества возникает в публичных, а именно – в налоговых правоотношениях в связи с неправомерным применением налоговым органом мер ответственности за несвоевременную или неполную уплату налогов. Из правовых позиций в Определениях КС от 07.02.2002 № 30-0, от 19.04.2001 № 99-0, п. 38 Постановления Пленума ВС РФ № 7 от 24.03.2016 вытекает, что неовеществлённый вред в виде неправомерного удержания денежных средств налогоплательщика не может порождать обязательственные отношения в виде обязанностей по уплате процентов (денежные средства здесь не выполняют свою гражданско-правовую миссию универсального товара и средства платежа), но создаёт основания для взыскания убытков по правилам, предусмотренных для деликтных обязательств. Тем самым выражена поддержка принципу генерального деликта: вред должен быть возмещён независимо не только от вида претерпевания и объекта посягательства, но и от причины возникновения.

Вид имущественного вреда составляют претерпевания, возникающие из нарушения исключительного права. Монопольное понимание этого права предполагает, что эти претерпевания относятся к утрате определённой ёмкости рынка. Предусмотренные законом компенсации соединяют в своей природе принцип полного возмещения со штрафной, публично-правовой санкцией, что объясняется неверием в способность этой меры ответственности удовлетворить интересы правообладателя методом полного восстановления [4].

§ 6. Объём понятия деликта в зарубежных правовых порядках и в источниках мягкого права

Идея всеобщего возмещения встроена во французское деликтное право (ранее ст. ст. 1382, 1383 ФГК, ныне ст. 1240 и ст. 1241), и хотя лишённая определённости формула, использованная в этих нормах, может зародить предположение в существовании внешних (природы вреда) и внутренних (т. е. в зависимости от особенностей причинения) границ, таковые редко проводит практика¹; во всяком случае то, что принято считать моральным вредом, она не сводит к посягательству на нематериальные блага [12, с. 493]. В ст. 28 ГК Швейцарии деликвентным признаётся любое вмешательство в личные дела, а в Законе об обязательном праве (нынешняя ст. 49) за такие нарушение предусмотрена ответственность в виде компенсации (но только в случае «серьёзности» посягательств). Не образует генерального деликта ст. 823 ГГУ. Вопреки встречающимся указа-

ниям, германская традиция не привела к торжеству «известной научной концепции» [9, с. 555], – праву на охрану всех проявлений индивидуальности. Предложение Гирке и Колера о включении в ГГУ единого права личности было отвергнуто [12, с. 485]. Однако после Второй мировой войны практика немецких судов привела к признанию общего характера личного права, прежде всего за счёт квалификации его как «иночного права», упомянутого в ст. 823 [12, с. 488]. В США имеется доктрина единого *right of privacy*, восходящая к знаменитой статье в гарвардском журнале, опубликованной в 1890 г. [13]. Гражданское законодательство всех стран ЕАЭС (не только российское) допускает защиту нематериальных благ только в предусмотренных законом случаях².

В соответствии с п. 3 ст. 1024 Модельного ГК стран СНГ, возмещение морального вреда, причинённого нарушением имущественных прав, не допускается. В DCFR (Модельные правила ЕЧП) используется ограничительный режим понятия вреда. Вместо конструкции генерального деликта в нём применяется категория «юридически значимого ущерба» (ст. VI.–2:101(1), которая охватывает три выделенных в ней компонента: (а) ущерб прямо признан таковым гл. 2 DCFR; (б) он возник вследствие нарушения права, поименованного в законе либо (с) интереса, признанного нуждающимся в охране³.

§ 7. Заключение

Представляется, что деликтное право должно стремиться к созданию оснований для полного преодоления лишений, противоправно причинённых потерпевшему лицом, не состоящим с ним в договорной связи. Это стремление не должно зависеть ни от вида вреда, ни от объекта причинения, ни от существа породивших вред правоотношений. Явная неполнота действия этого принципа применительно к восстановлению личного вреда определяется прежде всего отсутствием легального признания единого личного права (права на личное пространство), что в свою очередь связано со временем появления кодификаций. Будучи имущественным по происхождению, гражданское право осторожно осваивало отдельные участки личностных границ. Но отечественному законодателю не следует оглядываться на положение дел в других юрисдикциях.

Проблемность закона может указывать на потребность в правовой охране лишь тогда, когда является систематическим отражением невыраженности в праве реально сложившихся интересов [5, с. 46]. Россия готова к закреплению единого права на личное пространство в гражданском законодательстве – и как раз постольку, поскольку существует и нуждается в защите интерес в таком едином личном праве [2, с. 27]. Можно в очередной раз подчеркнуть, что вред – это не посягательство, а его последствия, но было бы неразумным отрицать то, что признанием универсальности объекта посягательства при нарушении личного пространства гражданина открывается путь и к признанию всеобщности вреда, возникающего от такого посягательства, а это не может

¹ Особенно с учётом того, что с 1970 г. ФГК признаёт право на уважение частной жизни (абз. 1 ст. 9).

² Положения п. 2 ст. 151 ГК Республики Беларусь, п. 2 ст. 162 Республики Армения, ст. 17 ГК Киргизской Республики тождественны по содержанию п. 2 ст. 150 ГК РФ. Такой же вывод вытекает из § 3 гл. 3 ГК

Казахстана: в него включены лишь положения об отдельных способах защиты.

³ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). URL: http://www.transformation.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

не привести и к отказу от ограничения компенсации такого вреда специальными деликтами (ныне — «моральным вредом»). Вместе с тем некоторые виды вреда могут в силу своей природы подразумевать зависимость от формы вины — так, в доктрине подчёркивается, что ответственность за достоверную диффамацию должна наступать только при наличии умысла [8, с. 8]¹. Также ожидает своей легитимации компенсация репутационного вреда, причём подтверждением давно назревшей потребности в охране является обширная и сложившаяся (см. § 3) судебная практика. Российскому законодателю предстоит также вернуть восстановительную природу компенсациям за нарушение исключительного права, отказавшись от её штрафного компонента, который не нужен, если присуждаемые суммы будут удовлетворять любые претерпевшие ущерб интересы правообладателя, и прежде всего утрату ёмкости рынка². Во всех трёх случаях гармонизация интересов выиграла бы от обретения легального режима — во всяком случае, это позволило бы выделить квалифицирующие признаки, в том числе построить смысловой ряд из перечисления не охраняемых интересов; легальный режим, кроме того, значительно бы сузил, по сравнению с нынешней ситуацией, область теста на злоупотребление правом, поскольку выделил область действия самого права — объекта злоупотребления. В части имущественных деликтов нужно найти способ придать ст. 1064 ГК РФ такое прочтение, которое бы исключало возможность отказа в возмещении вреда в зависимости от вида претерпевания, объекта посягательства и способа возникновения (в т. ч. отраслевой принадлежности отношений, в которых вред возник), кроме специально оговоренных случаев. Наконец, предстоит внятно разделить деликтные обязательства и обязательства из неосновательного обогащения, направленные на возмещение вреда: для этого в подп. 4 ст. 1003 ГК РФ следует включить указание на то, что предусмотренное этой нормой требование применяется только при отсутствии хотя бы одного из необходимых условий деликтной ответственности: противоправности причинения, юридически значимой связи между причинением и вредом и, в подлежащих случаях, вины.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // В кн.: Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 1. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 490 с.

2. Вольфсон В. Л. Демаркация частности: эволюция частного права в городской среде // Свет и тени большого города: правонарушения в городской среде в междисциплинарном изучении: Сб. статей по материалам научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 07 апреля 2020 года / отв. ред. А. Л. Рогачевский. СПб: СПбГЭУ, 2020. С. 25 – 27.

3. Вольфсон В. Л. Моральные (личные неимущественные) права автора и их содержание в странах общего права и странах континентальной системы: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 217 с.

4. Вольфсон В. Л. По направлению к восстановлению: компенсация за нарушение исключительного права в доктрине, правовых позициях Конституционного Суда и правоприменении // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 70 – 102.

5. Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М.: Издательство «Проспект», 2017. 144 с.

6. Гражданское право: практикум в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Н. В. Иванов, А. А. Павлов, А. П. Сергеев. М.: «Проспект», 2023. 256 с.

7. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть первая) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 4. С. 45 – 83.

8. Иваненко Ю. Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 224 с.

9. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В. В. Андропов, К. П. Беляев, Б. М. Гонгалло [и др.]; под редакцией П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. 1328 с.

10. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 179 с.

11. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1961. 239 с.

12. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 2. Пер. с нем. Ю. М. Юмашевой. М.: Междунар. отношения, 2000. 512 с.

13. Warren S. D., Brandeis L. D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. Vol. 4. No. 5. (Dec. 15, 1890). P. 193 – 220.

¹ Доводы в поддержку закрепления в ГК РФ единого права на личное пространство представлены в работе автора «Единое и частное: о гражданско-правовой охране личного пространства» в дни написания этой статьи, ожидающей публикации в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Категория «личное пространство», как объект права, охватывает, в видении автора, область интересов, направленных на блага, в силу своей природы неспособных быть объектом интереса других лиц.

² В настоящее время в Государственной Думе рассматривается законопроект № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8> (дата обращения: 02.06.2023)), который, к сожалению, свидетельствует о неготовности прислушаться к представленному в работе суждению о природе компенсаций, которое разделяет значительное число специалистов в области интеллектуальной собственности.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТОВ И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Глебов В. Г., кандидат юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования и практических проблем производства следственных действий в условиях конфликтных ситуаций, которые приводят нередко к необходимости применения принуждения в отношении участников этих действий и причинению им определенного вреда. В результате исследования определено, что одной из причин возникновения подобных сложностей является недостаточная законодательная определенность в признании принудительного характера следственных действий и установлении критериев оценки степени допустимости принудительного воздействия. Соответственно, предлагаются некоторые возможные варианты разрешения таких ситуаций.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальное принуждение, причинение вреда.

CRIMINAL PROCEDURAL PREREQUISITES FOR CONFLICTS AND CAUSING HARM IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Glebov V. G., Candidate in Law, Professor
Volograd Institute of Management – branch of RANEPA
Volograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal regulation and practical problems of investigative actions in conflict situations, which often lead to the need to use coercion against the participants of these actions and causing them certain harm. As a result of the study, it was determined that one of the reasons for such difficulties is insufficient legislative certainty in recognizing the coercive nature of investigative actions and establishing criteria for assessing the degree of permissibility of coercive influence. Accordingly, some possible solutions to such situations are proposed.

Keywords: investigative actions, criminal procedural coercion, causing harm.

В основе уголовно-процессуальной деятельности лежит необходимость претворения в жизнь положений уголовного закона, направленных на привлечение к ответственности и наказание лиц, виновных в совершении преступлений. А так как преступление является ничем иным как конфликтом правонарушителя с законом, то и процесс реализации его требований предполагает и, как правило, происходит в условиях противодействия достижению целей правосудия со стороны различных лиц. Наиболее характерны подобные обстоятельства для стадии предварительного расследования, где они проявляются в виде различных конфликтных ситуаций, для разрешения которых в ряде случаев применяется принуждение.

Еще в советский период профессор И. Л. Петрухин указывал на связь процессуального принуждения с обеспечением выполнения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей: «Одобряет гражданин возложение на него этой обязанности, воспринимает ее как свой социальный долг, значит, нет принуждения. Если же он противится исполнению этой обязанности, видит в ней чуждое ему обременение, исполняет обязанность под воздействием психической угрозы или физической силы, значит, налицо принуждение» [3, с. 49].

В настоящее время ученые-юристы также придерживаются и развивают соответствующий подход к значению принуждения в уголовном процессе, полагая, что оно должно являться в каждом случае возможным или реальным неисполнением процессуальных обязанностей

необходимым и целесообразным средством обеспечения реализации органами, ведущими производство по уголовному делу, возложенных на них полномочий. Так, С. И. Вершинина пишет: «Очевидно, если на участников уголовного судопроизводства возлагаются процессуальные обязанности, то одновременно должны быть предусмотрены меры принуждения, гарантирующие их надлежащее исполнение в превентивном либо пресекательном порядке, а также посредством применения мер ответственности» [1, с. 91]. Такая взаимообусловленность характеризует правовую природу процессуального принуждения и объясняет необходимость и целесообразность его применения в уголовном судопроизводстве.

С учетом того, что основным способом собирания доказательств при расследовании преступлений являются следственные действия, то естественно, в первую очередь конфликты возникают и наиболее остро проявляются именно в ходе их производства. Причем конфликтующим субъектом может выступать не только подозреваемый и обвиняемый, но и другие участники процесса, задействованные в производстве конкретного действия. При этом причиной конфликта могут быть различные обстоятельства, как субъективного, так и объективного характера. Среди последних можно выделить правовые причины, заключающиеся в недостатках уголовно-процессуального регулирования правового положения отдельных участников процесса, как в целом, так и применительно к их участию в следственных действиях, а также правил их производства.

Общим требованием для всех следственных действий является закрепленное в ч. 4 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – УПК РФ) правило о недопустимости в ходе их проведения «применения насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц». Однако закон не определяет грань различия между дозволенным и запрещенным, между принуждением как методом государственного воздействия, которое не выходит за рамки разрешенного, и между насилием как воздействием противоправным и запрещенным. При этом следует учитывать, что по своему характеру принудительное воздействие может быть не только непосредственно физическим, но и психическим (моральным) или имущественным (материальным). Отсюда и вред, причиняемый при производстве следственных действий, может носить соответствующий характер [6, с. 210]. Поэтому, например, законодатель в данной статье уголовно-процессуального закона в целях защиты материальных прав юридических лиц или индивидуальных предпринимателей запрещает при производстве следственных действий необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации. Однако такой подход представляется явно ограниченным непонятно по каким причинам, так как соответствующие имущественные интересы могут затрагиваться при производстве следственных действий и в отношении граждан.

В первую очередь представляется явно не разрешенным законодательно вопрос об отнесении следственных действий к числу мер уголовно-процессуального принуждения. Соответственно из-за этого остается открытой вторая проблема – допустимо или нет принудительное проведение следственных действий, причем главным образом в отношении потерпевших и свидетелей. На такой недостаток в уголовно-процессуальном регулировании неоднократно обращали внимание ученые-юристы, подчеркивая и отмечая необходимость законодательного разграничения мер процессуального принуждения и процессуальных действий принудительного характера [2, с. 195; 4, с. 112; 5, с. 60].

Если исходить из того, что уголовно-процессуальное принуждение представляет собой предусмотренный и осуществляемый в установленном законом порядке определенными органами и должностными лицами специфический метод государственного воздействия на общественные отношения, проявляющийся в определенных уголовно-процессуальных средствах, то, как представляется, к ним можно отнести и следственные действия. Однако в литературе высказываются различные мнения по этому вопросу. Большинство ученых включают следственные действия (но, как правило, лишь некоторые) в число мер уголовно-процессуального принуждения с вытекающими отсюда правовыми последствиями по их проведению и привлечению к этому различных лиц. Главным доводом в подобной позиции является указание на то, что уголовно-процессуальное принуждение необходимо лишь для преодоления препятствий, возникающих в ходе расследования или обеспечения принудительным порядком условий для его успешного проведения. Очевидно, авторы подоб-

ного подхода полагают, что проведение не всех следственных действий даже потенциально связано с такой потребностью.

Однако уголовно-процессуальное принуждение в силу принципа публичности присуще практически всей уголовно-процессуальной деятельности и проявляется в форме внешнего – психологического, физического или морального воздействия, носящего характер личных, организационных или имущественных ограничений, направленных на поведение человека с тем, чтобы побудить его совершить какие-либо действия (или воздержаться от них) или подчиниться каким-либо ограничениям. Таким образом, указанное воздействие может носить как непосредственный характер, заключенный в указаниях, предупреждениях, угрозах должностных лиц или применении ими физических и иных мер, так и превентивный, заключенный в нормах уголовно-процессуального права.

Степень выраженности принуждения при производстве каждого следственного действия различна, поэтому в нормах закона, регулирующих правила каждого из них, максимально должна найти свое конкретное отражение мера допустимых правоограничений. Такому подходу соответствует и понимание в русском языке слова «мера» и как «средства для осуществления чего-нибудь, мероприятия», так и как «предела, в котором что-то осуществляется». Но при этом все же необходимо, законодательно введя соответствующую норму, зафиксировать общим правовым установлением принудительность как свойство, присущее всем следственным действиям. Конечно, можно возразить – действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ч. 4 ст. 21 указывает на общую обязательность для исполнения постановлений следователя: «Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами». Однако прямой связи с возможностью применения принуждения для их реализации в законе не закреплено (особенно когда речь идет о соблюдении конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и др.). Поэтому на практике нередко складываются конфликтные ситуации, когда следователь, апеллируя к закону, находит аргументацию своему требованию, например, принудительно подвергнуться освидетельствованию потерпевшему. Однако осуществить его в случае отказа последнего не может, так как тот же закон не дает ему соответствующей конкретной поддержки, предусматривая в ч. 2 ст. 179 УПК РФ опять же общее правило: «О производстве освидетельствования следователь выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица». А каким образом преодолеть отказ от освидетельствования лица, в том числе при оказании им сопротивления и при этом обеспечить минимально причинение ему физического или материального вреда? Ответа на этот вопрос, к сожалению, закон не предусматривает.

Решив же рассматриваемую проблему о принудительном характере следственных действий на уровне уголовно-процессуального закона, практически одновременно будет разрешен вопрос и о возможности их

принудительного проведения с участием или в отношении лиц, отказывающихся подчиниться следователю добровольно. Причем это главным образом касается потерпевших, свидетелей, понятых, иных граждан и должностных лиц, полагающих, что уголовное преследование осуществляется не против них, а соответственно и применение принуждения к ним противоправно.

Однако именно они нередко с их негативным отношением к решениям и действиям следователя становятся первопричиной возникающих при производстве следственных действий конфликтов. Представляется, что даже законодательно закрепленная угроза применения какой-либо меры воздействия за невыполнение требований следователя в значительной мере исключит потенциальные причины возможного возникновения ряда конфликтов, последствием развития которых может быть причинение определенного вида вреда какому-либо участнику следственного действия.

К таким ситуациям наиболее потенциально относятся такие следственные действия как осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск и выемка (особенно связанные с изъятием электронных носителей информации). Причинение вреда при проведении этих, а возможно и других следственных действий, может, например, иметь место при отказе лица выполнить добровольно требования следователя.

Так, при производстве обыска следователь до его начала должен предложить обыскиваемому лицу добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также предложить добровольно открыть закрытые помещения, сейфы, шкафы и т. п. (ст. 182 УПК РФ). Если лицо не воспользуется этим правом (возможностью), то это обозначает по существу конфликтное отношение к законному требованию следователя, что дает последнему право применить принудительные действия по вскрытию различных замков или запоров (в том числе и сопровождающиеся их повреждением) для отыскания искомых объектов.

Таким образом, действующим уголовно-процессуальном законодательством в целом предусматри-

вается возможность применения принуждения в отношении участников следственных действий, которые своим негативно настроенным поведением (действиями) создают конфликтную ситуацию, связанную с воспрепятствованием (или усложнением) выполнения следователем или дознавателем своих процессуальных обязанностей. В результате различным интересам таких лиц может быть причинен вред. Однако закон не достаточно конкретно определяет степень возможного принудительного воздействия и характера или размера причиняемого при этом вреда, что ставит следователя или дознавателя в положение лица, принимающего соответствующее решение исходя из субъективной оценки складывающейся ситуации.

Библиографический список

1. Вершинина С. И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 90 – 98.
2. Глебов В. Г., Закатов А. А. Понуждение к участию в следственных действиях // Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования преступлений. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Барнаул: Издательство: ИП Колмогоров И. А., 2016. С. 195 – 200.
3. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 43 – 52.
4. Татаров Л. А. О мерах процессуального принуждения в уголовном процессе Российской Федерации // Закон и право. 2018. № 7. С. 112 – 114.
5. Ткачева Н. В. Применение принуждения в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 28 (128). С. 60 – 65.
6. Хамидуллин А. Р. О соблюдении баланса между процессуальным принуждением при производстве следственных действий и общими правилами их производства // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 208 – 211.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЛИЦАМ, ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Гончарова В. А., кандидат юридических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена возникшим в результате расширительного толкования законодательных положений высшими судами проблемам компенсации морального вреда потерпевшим от преступлений лицам. С учетом того, что причиной подобной практики стало действующее законодательство, автором предлагается реформирование положений ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся перечня нематериальных благ и личных неимущественных прав, направленное на обеспечение справедливости и правовой определенности в применении компенсации морального вреда.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, гражданско-правовая ответственность, правовая неопределенность, справедливость, моральные страдания, судебная практика.

CURRENT PROBLEMS OF COMPENSATION OF MORAL DAMAGE TO PERSONS VICTIMS FROM CRIME IN THE CONTEXT OF THE STUDY ON CIVIL LEGAL LIABILITY

Goncharova V. A., Candidate in Law
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the problems of compensation for moral damage to victims of crimes that have arisen as a result of a broad interpretation of legislative provisions by higher courts. Taking into account the fact that the reason for this practice was the current legislation, the author proposes to reform the provisions of Art. 150 of the Civil Code of the Russian Federation, concerning the list of intangible benefits and personal non-property rights, aimed at ensuring fairness and legal certainty in the application of compensation for moral damage.

Keywords: compensation for moral damage, civil liability, legal uncertainty, justice, moral suffering, judicial practice.

На сегодняшний день отечественная цивилистическая доктрина не сформировала единого определения как гражданско-правовой ответственности, так и юридической ответственности в целом. Наиболее обоснованной представляется позиция тех авторов, которые под гражданско-правовой ответственностью понимают «лишение права, возложение на лицо внеэквивалентных имущественных лишений» [4, с. 19], «поражение правовых возможностей правонарушителя» [2, с. 47], «некомпенсируемые материальные потери» [8, с. 98], «санкцию за нарушение гражданских законов, обеспеченную убеждением и государственным принуждением или возможностью принуждения, выражающуюся в восстановлении нарушенных прав и установлении отрицательных последствий для правонарушителя» [3, с. 18].

Гражданско-правовая ответственность характеризуется исключительно компенсаторной направленностью и целью в виде восстановления положения, существовавшего до нарушения права. Все гражданское законодательство с очевидностью свидетельствует о том, что центром механизма его принуждения выступает кредитор и защита его прав, а не некое воспитательное, частно-превентивное и наказательное, штрафное воздействие на должника.

Как отмечается в литературе, базовым для юридической ответственности является принцип справедливости, заключающийся в «признании, уважении и защите прав и свобод человека и гражданина, соответствии юридических норм морально-этическим» [5, с. 10], выражающийся в «применении закона соразмерно совершенному правонарушению» [5, с. 10]. По мнению М. И. Мироненко, справедливость, проявляющаяся в учете взаимонаправленных интересов сторон правоотношений при определении мер юридической ответственности, представляет собой основу деятельности судов как правоприменителей [5, с. 11].

Вторым по значению для целей назначения мер ответственности является принцип правовой определенности, последовательно проводимый Конституционным Судом РФ в его актах и часто рассматриваемый в качестве гарантии адекватного применения законодательства в части тех или иных принудительных мер. Как отмечают О. Е. Шишкина и С. С. Бурцева, в содержание данного принципа включается требование формальной определенности правовых норм (их точность, ясность, непротиворечивость, понятность для субъектов соответствующих правоотношений), предсказуемость правового регулирования, его стабильность и предвидение правовых последствий [9].

15 ноября 2022 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление № 33, пришедшее на смену постановлению от 20.12.1994 № 10 и посвященное проблемам толкования норм об одном из самых неоднозначных в применении способов защиты гражданских прав – компенсации морального вреда. Новые разъяснения существенно превосходят своего предшественника как по охвату и глубине анализируемых проблем и формулируемых толкований, так и в целом по объему, включая в себя уже не десять, как то было ранее, а почти семьдесят пунктов.

В то же время не только принятие высшей судебной инстанцией обновленных разъяснений законодательных положений о компенсации морального вреда обуславливает необходимость их пристального анализа. Дополнительным аргументом в пользу важности повышенного внимания к проблемам компенсации моральных страданий являются также и сложившиеся в последнее время за счет совместных «усилий» Конституционного и Верховного Судов нарративы в применении и толковании положений о компенсации, которые с очевидностью свидетельствуют об утрате рассматриваемым способом защиты черт гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, именно за последние 5 лет Верховный Суд РФ все чаще обращал свое внимание на открытый перечень нематериальных благ и личных неимущественных прав, закрепленный в ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и включал в него самостоятельно формулируемые им при рассмотрении конкретных дел права. Так, в 2019 г. высшей судебной инстанцией была допущена возможность компенсации морального вреда родственникам пострадавшего, но выжившего в дорожно-транспортном происшествии лица, с указанием на наличие у них права на уважение родственных и семейных связей (*определение от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7*). Схожий вывод в 2021 г. был сформулирован уже Конституционным Судом РФ в его известном постановлении от 26.10.2021 № 45-П. Открытый характер перечня объектов защиты подчеркивается и в п. 1 нового постановления Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда за счет включения в него, в частности, права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, права на охрану здоровья и медицинскую помощь, права на использование своего имени, права на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения. Примечательно при этом, что никаких ориентиров для нижестоящих судов при определении подлежащих защите благ и прав Верховным Судом РФ не формулируется, что фактически делает возможным включение в перечень ст. 150 ГК РФ любых прав, которые, по мнению того или иного правоприменителя, присущи лицу от рождения или приобретаются им в процессе жизнедеятельности.

Следует признать, что с одной стороны, возможность судов дополнять анализируемый перечень нематериальных благ и личных неимущественных прав в зависимости от конкретной ситуации и спора, будучи направленной на обеспечение максимальной защиты участников гражданских правоотношений, может быть охарактеризована положительно. Можно допустить, что

подобным образом правоприменитель лишь следует общему для отечественного гражданского права принципу генерального деликта, предполагающему противоправность любого акта причинения вреда (ст. 1064 ГК РФ). С другой стороны, очевидно, что подобная неограниченность объектов защиты не способствует достижению правовой определенности и целей применения мер гражданско-правовой ответственности как таковых.

Обращает на себя внимание и то, что даже в отношении «созданных», «выведенных» практикой высшей судебной инстанции прав и благ возникают закономерные вопросы, потенциально способные реально затруднить их защиту: так, например, действующее законодательство не содержит ни понятия семьи, ни родственников, ни уважения, ни связей, не определяет круг лиц, составляющих родственников и членов семьи, что способно затруднить защиту права на уважение родственных и семейных связей; для целей защиты права выбирать род деятельности и профессию – не определяет того, что, собственно, понимается под родом деятельности, кто может нарушить право на выбор рода деятельности и проч.

При этом в марте этого года Конституционный Суд РФ и вовсе пошел дальше, допустив возможность компенсации моральных страданий в пользу лица, по определению неспособного их нести, – ребенка, еще не рожденного к моменту гибели его родителя (*постановление от 02.03.2023 № 7-П*).

Во-вторых, опасения вызывает и оказанное Конституционным Судом РФ пристальное внимание достоинству как самостоятельному охраняемому нематериальному благу, и как следствие, допущение возможности компенсации моральных страданий в связи с посягательством на него (*постановление от 26.10.2021 № 45-П*).

Традиционно в литературе под достоинством понимается самовосприятие лица, его самооценка. Так, по мнению Е. М. Подрабинок «достоинство – это такое нематериальное благо, которое проявляется в следующих аспектах: 1) в самооценке личности; 2) в уважительном отношении к личности» [6, с. 267]. Близкие по содержанию позиции ранее были высказаны Д. А. Самородовым [7] и Д. В. Безродновой [1], подчеркивавшими, что достоинство предполагает, прежде всего, внутреннюю оценку лицом себя как личности, профессионала, члена той или иной социальной группы. Из представленных характеристик очевидно, что достоинство само по себе не измеряемо, негативное влияние на него в результате того или иного посягательства невозможно оценить даже приблизительно. При этом вполне допустимо, что этого влияния может не быть вовсе, поскольку те или иные деяния третьих лиц у одного лица могут повлечь страдания, а у другого – нет. Автономная защита достоинства вне связи с иными благами, в том числе путем применения компенсации морального вреда, осложняется также и потенциально неограниченным перечнем обстоятельств, которые могут привести к ущемлению достоинства личности.

К числу последних, к слову, Конституционный Суд РФ отнес и по существу любое преступление, даже совершенное против принадлежащего потерпевшему имущества: по его мнению, ст. 150 ГК РФ «как таковая не исключает компенсацию морального вреда в случае

совершения в отношении гражданина любого преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет лицу физические или нравственные страдания» (*постановление от 26.10.2021 № 45-П*). Иными словами, был сформирован нарратив – любое преступление с любым объектом и предметом посягательства есть одновременно посягательство на достоинство лица, реакцией на которое должно быть возмещение потерпевшему гражданину его субъективно определяемых моральных страданий. Представляется при этом, что «по духу» приведенного постановления речь, действительно, должна идти о придании правового значения вредоносному влиянию на достоинство любого преступления, поскольку единственным критерием, формируемым Судом как основы его вывода, является лишь факт несения лицом нравственных или физических страданий.

В результате изложенного безгранично «растягивается» как сам объект защиты, посягательство на который может повлечь применение компенсации морального вреда, так и собственно, перечень этих самых посягательств становится неопределенным, и даже наличие самих страданий в ряде случаев при применении рассматриваемого способа защиты уже не берется во внимание. Данное обстоятельство делает неопределенными основания компенсации, допускает ее несправедливое применение и беспредельную универсализацию, наделяет ее явно карательным потенциалом, не типичным для мер гражданско-правовой ответственности. К слову, если в случае с возмещением убытков его черта как универсальной меры ответственности опасений не вызывает в связи с наличием четко установленных требований в определении их оснований (ст. ст. 15, 393, 1064 ГК РФ) и размера, то в отношении компенсации моральных страданий, не поддающейся четкому арифметическому выражению и уже не имеющей четкого основания, данная характеристика не может быть воспринята положительно.

Однако возникновение обозначенных проблем применения компенсации не может быть поставлено «в вину» исключительно Конституционному и Верховному Судам. Последние, хотя и допустили формирование абсолютно опасной практики толкования и применения, формально опирались и опираются именно на актуальные законодательные положения, как раз таки и закрепляющие и открытый перечень нематериальных благ и личных неимущественных прав, и достоинство как самостоятельное нематериальное благо.

С учетом изложенного очевидно необходимость в проведении соответствующих изменений ст. 150

ГК РФ. При формировании обновленного, уже закрытого перечня нематериальных благ и личных неимущественных прав учитываться, в первую очередь, должны конституционные положения, определяющие правовой статус личности, присущие ей социальные, экономические и политические права, а достоинство как **автономное** благо для целей компенсации морального вреда должно быть исключено. Наличие страданий в силу посягательства на поименованные нематериальные блага, личные неимущественные права должно предопределять право на компенсацию морального вреда.

Предлагаемая модель защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав является лишь одним из возможных вариантов обновленного правового регулирования, однако именно подобное ограничение в основаниях компенсации морального вреда, в настоящее время доведенных до крайности решениями высших судов, позволит обеспечить соответствие компенсации чертам и принципам гражданско-правовой ответственности, а следовательно, сделать ее эффективным и предсказуемым в применении правовым механизмом.

Библиографический список

1. Безроднова Д. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 165 с.
2. Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 167 с.
3. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / отв. ред. А. К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 310 с.
4. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 180 с.
5. Мироненко Е. И. Соотношение юридической ответственности и социальной справедливости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.
6. Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 258 – 267.
7. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 32 с.
8. Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 197 с.
9. Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 166 – 181.

ПОНЯТИЕ ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Гуломов А. Ш., кандидат юридических наук, профессор
Самаркандский государственный университет
г. Самарканд, Узбекистан

Аннотация. В представленной статье исследуются аспекты правового регулирования деликтной ответственности в Российской Федерации и Узбекистане. В качестве одного из выводов, который делает автор, высказывается тезис о том, что правила в области регулирования деликтов в этих государствах имеют сходное содержание. По его мнению, это объяснимо, во-первых, тем, что в основе обоих правовых порядков заложены нормы римского частного права и, во-вторых, общим прошлым и современным сотрудничеством этих стран в области унификации и гармонизации права. Делаются предложения по совершенствованию этих процессов.

Ключевые слова: деликт, ущерб, причинение вреда, необходимая оборона, крайняя необходимость, правонарушение, вина, причинно-следственная связь, унификация и гармонизация права.

THE CONCEPT OF A TORT OBLIGATION AND CONDITIONS ITS OCCURRENCE

Gulomov A. Sh., Candidate in Law, Professor
Samarkand State University
Samarkand, Uzbekistan

Abstract. In the article the author considers aspects of the legal regulation of tort liability in the Russian Federation and Uzbekistan. As one of the conclusions drawn by the author, there is a thesis, that the rules in the field of regulation of torts in these states have similar content. In his opinion, this is explained, firstly, by the fact that both legal systems are based on the norms of roman private law and, secondly, by the common past and modern cooperation of these countries in the field of unification and harmonization of law. Proposals are being made to improve these processes.

Keywords: tort, damage, infliction of harm, necessary defense, extreme necessity, offense, guilt, causal relationship, unification and harmonization of law.

Обязательство, как основной институт гражданского права, предполагает, что одно лицо совершает определенное действие в пользу другого лица или воздерживается от него, а другое лицо вправе требовать этого. Обязательство образуется в результате отношений между должником и кредитором. Классификация оснований возникновения обязательства была разработана правоведом Древнего Рима. В частности, римский юрист Гай делит обязательства на несколько групп, в зависимости от оснований их возникновения:

а) обязательства, вытекающие из договора (ex contractu);

б) обязательства, вытекающие из договоров, аналогичных договорам (quasi ex contractu);

в) деликты, то есть обязательства, вытекающие из нарушений (ex delicto);

г) обязательства, вытекающие из деликтоподобных правонарушений (quasi ex delicto) [3, с. 119].

Таким образом, юридический факт причинения вреда личности или имуществу гражданина, или юридического лица в результате противоправного действия (бездействия), которое юристы Древнего Рима называли деликтом (то есть правонарушением) выступает в качестве первоосновы для появления особой группы правоотношения, а именно – обязательства из деликта или деликтного обязательства [4, с. 847]. Согласно «Ius Civile» совершение кражи или вымогательства, причинение вреда имуществу или личности отдельных частных лиц

(iniuria) влекло за собой обязанность уплатить штраф или возместить ущерб потерпевшему [8, с. 23].

Формирование норм, которые предоставляли потерпевшим защиту в случае совершенного в отношении них деликта, характерно не только для римского частного права, но и для других древних источников, таких как Вестготская и Бургундская Правды, Салическая и Русская Правды, Эдикт Теодориха и Кодекс Эйриха и другие. Поскольку эти и подобные им источники выстраивали определенную правовую систему охраны имущества и неприкосновенности физических лиц, а позднее и организаций, то такие нормы, и регулируемые ими деликтные обязательства, стали называть охранительными. Тем более что совершение деликта порождало у причинившего вред субъекта гражданско-правовую ответственность, на основе которой потерпевший получает право на полное возмещение причиненного ущерба [1, с. 816].

Особое внимание этому аспекту рассматриваемых правоотношений уделял профессор О. С. Иоффе, который отмечал, что нормы гражданского законодательства, регулирующие обязательства из деликтов, направлены на достижение двух целей, во-первых, на обеспечение защиты имущества лица. То есть, если таковым объектам гражданских прав причинен ущерб, то в целях восстановления прав их владельцев обеспечивается возмещение вреда за счет лица, причинившего этот ущерб. И, во-вторых, институт деликтных обязательств

создает основы защиты здоровья, жизни и личных интересов человека. В случае причинения вреда здоровью физического лица ущерб будет взыскан в виде имущественного возмещения [2, с. 794 – 795].

Возникновение гражданско-правовой ответственности в Республике Узбекистан, так же как и в Российской Федерации, возможно при определенных условиях, а именно при наличии полного состава гражданского правонарушения. Сказанное в полной мере относится и к деликтам, то есть, чтобы возникло деликтное обязательство необходимо, во-первых, совершение противоправного действия или бездействия; во-вторых, такое деяние должно влечь за собой причинение вреда; в-третьих, действия (бездействие) причиняющего вред лица (правонарушителя) должны носить виновный характер; и, в-четвертых, между действиями нарушителя и наступившими противоправными последствиями (вредом) должна присутствовать явная причинная связь, то есть одно должно находиться в прямой зависимости от другого и быть его следствием.

В юридической литературе Республики Узбекистан распространено мнение о том, что под противоправным действием понимается поведение, нарушающее объективные правовые нормы [6, с. 256]. В любом случае под подобным действием или бездействием понимают такое противоправное поведение, которое, с одной стороны, наносит повреждение имуществу физических и юридических лиц, при котором оно утратит все или часть своих полезных свойств. Например, окно дома будет разбито брошенным камнем, или в результате поджога сгорит магазин, или произойдет падеж скота от жажды или голода, когда ответственные лица не будут его поить или кормить, то есть будут проявлять противоправное бездействие и т. д. С другой стороны, противоправным деянием будут считаться и посягательства на личные ценности, такие как жизнь, телесная неприкосновенность, здоровье, честь и достоинство лица, личная тайна, имя и имидж или деловая репутация гражданина. Такие действия, в силу ст. ст. 1005 – 1016 Гражданского кодекса Республики Узбекистан (далее – ГК РУз) считаются посягательствами на неприкосновенность личности [7, с. 283].

Однако, как и в праве России (например, ст. ст. 1066 – 1067 Гражданского кодекса РФ) законодатель Узбекистана сделал исключения для ряда деяний, которые хотя и имеют явный противоправный характер, но в силу специальных указаний в законе не должны быть признаны таковыми. Соответственно их последствия не влекут возникновение деликтных обязательств и гражданско-правовой ответственности. Так, согласно ст. 987 ГК РУз, не подлежит возмещению вред, причиненный лицу в связи с пресечением его преступных действий либо его задержанием соответствующими правоохранительными органами. К таким необходимо отнести действия органов, связанные с выполнением их государственных функций, например сотрудники полиции или прокуратуры взламывают двери и самовольно проникают в жилые помещения; или соответствующие компетентные органы сносят дома, представляющие опасность для проживания и пр. К подобным деяниям мы бы отнесли и действия, осуществляемые в защиту общественного интереса. Например, введение карантинного

режима для предотвращения распространения коронавирусной инфекции, ограничение свободы передвижения в случаях чрезвычайного положения и т. д.

Сказанное выше в равной мере относится и к ситуациям необходимой обороны, крайней необходимости, а в некоторых случаях и согласия самого потерпевшего на применение к нему неправомерных действия. Так, в силу ст. 987 ГК РУз не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы. Такое состояние может иметь место (1) в момент общественно опасного посягательства; (2) при наличии реальной угрозы нападения; (3) при самозащите, когда она последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для оборонявшегося не был ясен момент его окончания. Мы присоединяемся к мнению, что в этом случае даже переход оружия или других предметов, использованных при нападении, от посягавшего к оборонявшемуся лицу, сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства [5, с. 274].

Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости (то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами) по основаниям ч. 1 ст. 988 ГК РУз не возмещается причинившим его лицом, но только в случаях, установленных в законе. К подобным ситуациям можно отнести случаи, когда правонарушитель взламывает дверь чужого дома, чтобы согреться и не замерзнуть в лесу самому и третьим лицам, находящимся вместе с ним.

Ситуация согласия потерпевшего на применение к нему не вполне правомерных действий видна из примера, когда такое лицо используют для научных медицинских экспериментов (операций или приема новых лекарств) и когда позитивный эффект таких действий не вполне очевиден.

Иным из ранее указанных элементов гражданско-правовой ответственности при совершении деликта является причинение вреда в результате действия, нарушающего субъективное право физического или юридического лица. Под вредом, на наш взгляд, наиболее верно понимать всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благое, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным). В соответствии со ст. 985 ГК РУз, вред, причиненный неправомерными действиями (бездействием) личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный юридическому лицу, подлежат возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме включая упущенную выгоду. Аналогичная по своему содержанию норма закреплена и в ст. 1064 Гражданского кодекса РФ.

Для того чтобы ответственности за совершенные деликты носила справедливый характер, необходимо наличие вины у лица, причинившего вред. Принцип «нет ответственности без вины» широко используется в деликтной ответственности [9, с. 475]. Согласно ч. 4 ст. 985 ГК РУз, причинивший вред освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Однако в некоторых случаях, специально установленных в законе, допускается ответственность

лица и без наличия его вины (например, ст. 333 или ст. 999 ГК РУз).

Как уже упоминалось, полный состав гражданского правонарушения предполагает наличие причинно-следственной связи между вредом (ущербом) и действием, вызвавшим его. Однако, и это отмечал О. С. Иоффе, «причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления» [2, с. 476]. Полагаем, что этот тезис великого российского цивилиста не потерял актуальности и в современный период, как для правоприменительной практики Республики Узбекистан, так и для России.

Подводя итог изложенному выше исследованию, считаем уместным сделать следующие выводы и предложения. Во-первых, правила и положения в области регулирования деликтных отношений в Российской Федерации и Узбекистане имеют сходное содержание. Полагаем, что это продиктовано и тем, что в основе обоих правопорядков заложены нормы римского частного права, и общим прошлым и тесным современным сотрудничеством наших государств в области унификации и гармонизации права. Во-вторых, в целях неукоснительного соблюдения ст. 21 Конституции Республики Узбекистан, в которой установлено, что «осуществление прав и свобод человеком не должно нарушать прав, свобод и законных интересов других лиц, общества и государства», а также для совершенствования правоприменительной практики Узбекистана полагаем целесообразным включить в Гражданский кодекс Республики Узбекистан норму, в которой будет дано следующее определение деликтного обязательства: «деликтное обязательство – это виновное и противоправное причинение вреда имуществу или личной

неприкосновенности лица». В-третьих, для выполнения задач гармонизации права стран СНГ, по нашему мнению, было бы уместным включить аналогичное определение в соответствующие международные договоры, действующие между этими государствами.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 3-х т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова и др.; под ред. А. П. Сергеева. М.: Издательство ТК Велби, 2011. 1008 с.
2. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4-х т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 837 с.
3. Новицкий И. Б. Римское право. М.: Издательство «Зерцало-М», 2015. 256 с.
4. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.
5. Зокиров И. Б. Фуқаролик ҳуқуқи: Дарслик. I қисм. И. Б. Зокиров; Масъул муҳаррир: Ҳ. Раҳмонкулов: 4-нашр. Қайта ишланган ва тўлдирилган. Т.: ТДЮИ нашриёти, 2006. 384 б.
6. Ўзбекистон Республикасининг Фуқаролик кодексига шарҳ: Илмий шарҳлар. Т. 3 / Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги. Тошкент: Baktria press, 2013. 800 б.
7. Mehmet Ayan. Borçlar Hukuku (Genel Hükümler). Ankara: Adalet Yayınevi, 2020. 549 s.
8. Şahin Akıncı. Roma borçlar hukuku. Konya: Sayram, 2021. 237 s.
9. Tekinay borçlar hukuku: genel Hükümler / Tekinay, Selahattin Sulhi, Akman, Sermet, Burcuoğlu, Haluk, Altop, Atilla; Yeniden gözden geçirilmiş ve genişletilmiş 7. baskı. İstanbul: Filiz Kitabevi, 1993. 1132 s.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДОГОВОРНЫХ СПОРТИВНЫХ МАТЧЕЙ В АРБИТРАЖНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ CAS

Зульфугарзаде Т. Э., кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основания применения деликтной ответственности за причинение вреда в случаях выявления манипулирования результатами спортивных соревнований; проанализированы юридические процедуры и санкции, налагаемые по результатам рассмотрения дел о договорных матчах, инициированные и применяемые спортивными органами и рассматриваемые CAS в апелляционном порядке. Внесены предложения, направленные на защиту прав потребителей и юридических лиц от неблагоприятных последствий, связанных с неправомерными действиями по организации и проведению договорных матчей.

Ключевые слова: право, возмещение вреда, деликт, спорт, вред, арбитраж, суд, практика.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (РЭУ им. Г. В. Плеханова)

FEATURES OF COMPENSATION FOR DAMAGES FOR THE ORGANIZATION OF CONTRACTUAL SPORTS MATCHES IN CAS ARBITRATION COURT PRACTICE

Zulfugarzade T. E., Candidate in Law, Associate Professor
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Abstract. In the article examines the grounds for the application of tort liability for causing harm in cases of detection of manipulation of the results of sports competitions; analyzes the legal procedures and sanctions imposed by the results of the consideration of match-fixing cases initiated and applied by sports authorities and considered by CAS on appeal. Proposals have been made aimed at protecting the rights of consumers and legal entities from adverse consequences associated with illegal actions in organizing and conducting match-fixing.

Keywords: law, damages, tort, sport, harm, arbitration, court, practice.

The work was carried out with the financial support of the Plekhanov Russian University of Economics

В современных непростых условиях глобализационных и, одновременно, деглобализационных процессов, приводящих к формированию мультиполярного мира, а также осуществляемого Западом санкционного давления на социально-экономическую сферу России в целом и спортивную сферу в том числе [1, с. 60], что связано прежде всего с отстранением российских спортсменов от участия в соревнованиях международного уровня, зачастую при отсутствии достаточного рода оснований [2], и даже нарушающим права человека [5], объективно возникает необходимость более подробного исследования особенностей применения деликтной ответственности, прежде всего за причинение вреда в случаях выявления манипулирования результатами спортивными соревнованиями, в том числе юридических процедур и санкций, налагаемых по результатам рассмотрения дел о договорных матчах, инициированных и применяемых спортивными организациями и спортивными органами, и рассматриваемых CAS в апелляционном порядке.

Манипулирование спортивными соревнованиями и их результатами известно с незапамятных времен, но получило широкую известность и последующее общемировое распространение начиная с 1774 г., когда были выявлены неправомерные договоренности между командами по

крикету в процессе проведения нескольких матчей в Лондоне. В современном мире договорные матчи происходят во многих видах спорта, с регулярными рецидивами в таких видах спорта, как футбол, крикет, теннис, бокс, баскетбол, бадминтон, хоккей с шайбой, гандбол, волейбол, а также бридж, дартс или киберспорт [6]. Приобретающие глобальный характер и стремительный рост договорные матчи привели в частности к принятию Советом Европы в 2014 г. специальной международной конвенции о манипулировании спортивными соревнованиями (СДСЕ № 215, Конвенция Маколина), вступившей в силу 1 сентября 2019 г. и имеющей фактически всемирный охват.

В процессе проведения исследования был выявлен в том числе дуализм (двойственность) санкций за такого рода деяния и определено, что манипулирование спортивными соревнованиями подлежит наказанию на разных уровнях, первый из которых состоит из дисциплинарных (спортивных) взысканий, применяемых соответствующими спортивными органами в соответствии с их внутренней системой наказаний, известной как «спортивное правосудие». На втором уровне находятся госсанкции, применяемые органами госвласти («государственная юстиция»). В зависимости от применимого национального законодательства государственная юстиция может носить, что

очень важно для целей нашего исследования, гражданско-правовой, а также дисциплинарный, административно-правовой или уголовно-правовой характер. Например, договоренность о проведении футбольного матча в рамках чемпионата Швейцарии может быть санкционирована Швейцарской национальной федерацией футбола и по гражданскому и по уголовному праву этой страны [7].

В данной связи CAS разъяснил, что в частности дисциплинарные взыскания, налагаемые спортассоциациями и спорторганами, регулируются гражданским законодательством и должны четко отличаться от уголовных наказаний (см.: *Johannes Eder v. Ski Austria*, CAS 2006/A/1102, 13 November 2006, § 52). Очевидно, что, по мнению CAS, спортивные и уголовные санкции могут дополнять друг друга. Правовая природа спортсанкций, которые могут включать среди прочего, предупреждения, запреты (баны), понижения, штрафы и другие наказания, была разъяснена Федеральным судом Швейцарии («SFT») при рассмотрении дела *Gundel v. FEI*, SFT 119 II 271, 15 March 1993, как закон, который является формой договорной санкции, но в случаях применения гражданско-правовой ответственности, вытекающей по нашему мнению прежде всего именно из деликтных обязательств, поэтому в российском праве, по аналогии с вышеозначенным швейцарским подходом, за причинение вреда в таких случаях применимы нормы п. 1 ст. 1064 гл. 59 ГК РФ.

В указанной связи отметим что, во-первых, на международном уровне договорные матчи решаются тремя международными конвенциями либо посредством общих документов, направленных на борьбу с коррупцией и транснациональной (трансграничной) оргпреступностью, прежде всего, конвенций ООН против коррупции (КПК ООН) и против транснациональной оргпреступности (UNTOC) или с помощью специального инструмента, предназначенного для манипулирования спортсоревнованиями (Конвенция Маколина). Эти международные инструменты необходимы, в частности, для расширения сотрудничества между различными странами, содействия благоприятному управлению и установления международных стандартов [3, с. 97]; во-вторых, на национальном уровне около 30 стран приняли или в настоящее время принимают специальные законодательные акты, предусматривающие уголовную ответственность за манипулирование спортсоревнованиями, многие из которых основаны на Конвенции Маколина (несмотря на то, что такого рода национальные нормативные акты отличаются друг от друга, с точки зрения определения и масштабов правонарушения, связанного с договорными матчами, а также с точки зрения применимых санкций, все они разделяют общую точку зрения на серьезность такого правонарушения и необходимость эффективного противодействия ему на практике); и, в-третьих, что немаловажно, борьба с договорными матчами также регулируется на уровне (международных) спорторганизаций: 34 из 35 международных спортфедераций (МСФ или органов, управляющих спортдисциплинами, включенными в летние и зимние ОИ) приняли конкретные положения или правила олимпийского движения МОК по предотвращению манипулированию спортсоревнованиями 2016 г., касающиеся договорных матчей, в частности, с точки зрения

предотвращения, просвещения, сообщения, расследования и наказания. Перечисленные положения были тщательно исследованы CAS в процессе его обширной судебной практики.

Так, в частности, в рассматриваемой CAS апелляции по делу “*David Savic v. Professional Tennis Integrity Officers*”, 5 September 2012, заявитель – профессиональный теннисист получил пожизненную дисквалификацию и должен был выплатить в пользу Anti-Corruption Hearing Officer (АЧНО) 100 тыс. долларов США за предложение коллеге-участнику 30 тыс. долларов США за проигрыш в первом сете против самого себя, на котором он мог выиграть оставшиеся два. Позиция суда при этом основывалась на (1) свидетельских показаниях игрока, к которому обращались, которые согласовывались на различных интернет-форумах, (2) подтвержденных телефонных (компьютерных) записях и идентификации голоса и (3) отсутствии стимулов (доказательств) в поддержку оспариваемой выдачи себя за другое лицо, чтобы сделать вывод о действиях апеллянта.

Указанное решение CAS в части пожизненного отстранения спортсмена оставил в силе, отметив, что, хотя и не связан прецедентом в отношении применяемых к спортсмену санкций и предыдущим решениям, в которых отмечалось, что цели спорторгана по защите своей целостности оправдывают нарушение конфиденциальности путем нанесения ущерба развитию спортсмена (на основании таких факторов, как соразмерность санкции правонарушению, использование сдерживающих пожизненных запретов (банов) с учетом ущерба (угрозы) целостности/репутации/справедливости, серьезность правонарушения, неуместность успеха в исправлении), могут рассматриваться как допустимые. Тем не менее, учитывая затронутые первоначальным решением средства к существованию игрока, дополнительные финансовые санкции были сочтены CAS несоизмеримыми.

Обращаясь более подробно к используемому при рассмотрении дел понятию манипулирования конкуренцией в судебной практике CAS, следует отметить, что в Конвенции Маколина манипулирование спортсоревнованиями определяется как «преднамеренная договоренность, действие или бездействие, направленное на непропорциональное изменение результата или хода спортсоревнования с целью устранения всех или части непредсказуемых факторов, характера вышеупомянутого спортсоревнования с целью получения неправомерного преимущества (лично) для себя или третьих лиц». Важно отметить, что приведенное определение охватывает не только манипуляции, изменяющие результат спортсоревнования (матча), но также и любые манипуляции, влияющие на так называемый «естественный и честный курс», в частности, посредством фола, штрафа или действия на поле, изменяющего промежуточный результат или фазу игры, что также называется «микроманипуляция» или «точечная фиксация». Наконец, следует отметить, что ст. 7 Конвенции Маколина призывает спорторганизации и организаторов соревнований: (1) запрещать участникам соревнований делать ставки на спортсоревнования, в которых они участвуют; (2) запретить участникам конкуренции злоупотреблять инсайдерской информацией и (3) требовать от участников конкуренции немедленно сообщать о любой подозрительной деятельности. В указанной связи

судебная практика CAS рассматривает вопрос о договорных матчах аналогичным образом, используя широкое определение такого рода спорсоревнований (матчей).

Переходя к стандартам доказывания, применяемым CAS, отметим, что для CAS важнее всего не сами доказательства, а то, что они способны в достаточной мере доказать факты по мнению международного этого спортарбитража. Действительно, для того, чтобы быть убежденными, CAS применяет высокие стандарты доказывания. Даже если гражданско-правовой, административный, дисциплинарный или уголовный стандарт считается неприменимым в контексте частных спорассоциаций, CAS должен быть уверен в том, что поведение, подрывающее основную предпосылку справедливости, на которой основываются все спорсоревнования, действительно имело место, т. е. на более высоком уровне, нежели просто баланс вероятностей, но меньше, чем доказательство вне разумных сомнений [7].

Учитывая различный характер гражданского, административного или уголовного процессов, относительное отсутствие у органов спортуправления расследовательских или следственных полномочий по сравнению, например, с прокурорами по уголовным делам, стимулы к сокрытию таких доказательств (и, как следствие, сходство с допингом) и в контексте серьезности обвинений и важности борьбы с коррупцией, CAS неоднократно отклонял заявления при отсутствии обоснованного сомнения для того, чтобы применить критерии комфортного удовлетворения [4, с. 12].

В указанной связи CAS отмечает, что стандарт непоследователен и в правоприменительной практике ему трудно следовать. Это также связано с тем, что, прежде чем применять стандарт комфортного удовлетворения, CAS должен сначала ознакомиться с руководящими принципами соответствующей спортфедерации в отношении четко выбранного стандарта доказывания (например, перевес вероятности в теннисе – см.: “Daniel Köllerer v. Association of Tennis Professionals (ATP)”, “Women’s Tennis Association, International Tennis Federation and Grand Slam Committee”, 23 March 2012. §§ 6, 29). Предполагается, что стороны (спортклубы или спортсмены) дали согласие на такой стандарт на договорной основе. Факторы, по которым можно судить об уместности такого стандарта, зависят от того, насколько он близок к комфортному удовлетворению (например, удерживается достаточно близко в случае с теннисом) или противоречит ли он госполитике. Однако у самой CAS нет полномочий для гармонизации такого стандарта (в тех случаях, когда применимые правила ничего не говорят о стандарте и стороны не договорились об общем стандарте, CAS должен применить стандарт, использованный в предыдущих решениях, – см.: “Igor Labuts v. Football Association of Ireland (“FAI”)”, 17 July 2020).

Факт остается фактом: учитывая серьезность обвинения в манипулировании спорсоревнованием, критерии комфортного удовлетворения считаются выполненными, если существует высокая степень уверенности в достоверности информации, качестве доказательств, и если последние были собраны на законных основаниях. Таким образом, это указывает на то, что стандарт ближе к тесту отсутствия разумного сомнения, чем к тесту простого баланса вероятностей.

Обращаясь к вопросам о средствах доказывания отметим, что если применимые спортрегламенты не содержат конкретных правил доказывания, CAS решает вопросы доказывания в соответствии с процедурными правилами, принятыми самим CAS. Вынося решения по

вопросам доказывания, арбитры CAS никоим образом не обязаны применять процессуальные правила, применимые в швейцарском суде, т. е. доказательства, не являющиеся иным образом допустимыми, могут считаться допустимыми и на них можно полагаться. Их свобода ограничена только обязательством убедиться в том, что рассматриваемая процессуальная норма соответствует необходимости равного обращения со сторонами и праву обеих сторон быть заслушанными (в соответствии со ст. 182(3) Швейцарского закона о международном частном праве) и согласуется с процедурным публичным порядком [8, с. 4].

На практике в делах о договорных матчах, которые рассматривал CAS, использовались несколько типов доказательств, чтобы попытаться достичь вышеописанного стандарта доказывания. Среди этих факторов наиболее часто встречаются: подозрительные модели ставок и поведение операторов ставок; письменные доказательства (присутствуют редко); свидетельские показания и признания; экспертные данные, анализирующие модели ставок и поведение на поле; результаты прослушки (аудиозаписи), перехваченные и записанные на магнитную пленку (ленту); телефонные или скайп-разговоры (иногда на шифрованном языке), их частота и время их проведения; видеозаписи поведения на поле и взаимодействия между сторонами; свидетельства ненужных, частных и подозрительных встреч; доказательства параллельных уголовных расследований и связанных с ними решений (преюдициальные факты); слухи и анонимные письма; параллельные обстоятельства (отметки в отчетах о матчах, потенциальная финансовая выгода или плохое финансовое положение клуба); совпадение между тем, что было согласовано между посредниками (фиксерами) и тем, что происходило на поле, результатом игр, полевыми выступлениями.

Несмотря на то, что большинство этих средств доказывания не сильно отличаются от тех, которые используются в других видах спортправонарушений, есть одна особенность манипуляции: подозрительные модели ставок, часто основанные на отчете (электронной) Системы обнаружения мошенничества в ставках (“BFDS”), которые основаны на алгоритмах и матанализе, способны количественно указать, представляют ли схемы ставок на конкретное спорсоревнование статистически значимое отклонение от ожидаемой модели. Таким образом, нелогичное поведение ставок обнаруживается еще до того, как состоится спорсоревнование и срабатывает предупреждение. Эти предупреждения, основанные на количественных данных и анализе, затем подвергаются проверке качественной оценкой, которую наблюдатели смогут сделать в отношении хода спорсоревнований. Если действия на поле подтвердят аномальные модели ставок и не могут быть объяснены иначе, чем желанием участников удовлетворить игроков, то будет считаться (с высокой степенью уверенности), что спорсоревнованием действительно манипулировали. Чтобы не создавать ложных срабатываний, как правило, требуется оценка ситуации на поле тремя экспертами. Напротив, если количественный анализ аномальных моделей ставок и качественные наблюдения не сильно совпадают (или вовсе не совпадают), это будет считаться неисправностью Системы “BFDS” и дело будет закрыто.

Рассматриваемые отчеты считаются ценными доказательствами, особенно когда с их помощью можно

установить конкретную индивидуальную ответственность. Однако сами по себе они не являются определенными, не регламентированы, требуют поддержки качественного экспертного анализа и подтверждающих доказательств, таких как поведение на поле или поведение операторов ставок (см.: “Klubi Sportiv Skënderbeu (“Skënderbeu“) v. UEFA”, 21 November 2016).

Немаловажно также отметить, что это приложение было подтверждено совсем недавно (см.: вышеупомянутое дело “Labuts”), когда CAS почти полностью полагался на эти отчеты и их экспертную интерпретацию, чтобы сделать вывод о том, что матч был сфальсифицирован, но сопоставил это доказательство с анализом другого поведения на поле, чтобы сделать вывод о том, что вратарь, подавший апелляцию, не несет главную ответственность за сделанное исправление.

Завершая исследование, отметим, что по результатам анализа апелляционных дел CAS представляется возможным сделать следующие основные выводы.

Во-первых, с количественной точки зрения пик числа случаев рассмотрения CAS апелляций по делам о договорных матчах пришелся на 2011-2014 гг., но с 2015 г. наблюдается их спад. Таким образом, вступление в силу Маколинской конвенции в 2019 г. оказалось запоздалым решением ЕС, но действие этого акта имеет важное профилактическое значение для предотвращения исследуемых негативных явлений в спорте в последующем.

Во-вторых, наблюдается очень сильное преобладание дел, связанных с футболом, и меньшее количество дел, связанных с теннисом и крикетом. Тем не менее, наличие договорных матчей в других видах спорта, таких как лыжный спорт и спортивный бридж, показывает, что рассматриваемое негативное явление явно не ограничивается конкретным видом спорта или категорией спорта (например, спорткомандами или отдельными спортсменами).

И, в-третьих, принцип двойного привлечения к ответственности, применяемый CAS, требует, по нашему мнению, более глубокого рассмотрения в последующем. Действительно, CAS регулярно сталкивается с делами, в которых гражданско-правовые, административные, дисциплинарные и/или уголовные санкции были вынесены за один и тот же случай манипулирования спортивными соревнованиями (матчами) и на разных уровнях (национальный и международный, суды и спорторганы, административный или дисциплинарный), что не соответствует принципу запрета на множественность наказаний за одно и то же противоправное деяние, в связи с чем целесообразно разграничить виды ответственности, предусмотрев при этом, что если лицо привлечено к уголовной ответственности, иные виды ответственности к нему не применяются (за исключением само собой разумеющейся дисквалификации). В указанной связи немаловажно отметить важность введения преобладания гражданско-правовой ответственности в спортивной сфере над иными видами ответственности, что позволит развивать прежде всего гражданский оборот, снизить нагрузку на систему административно-правового и уголовно-правового наказания и исполнения этих видов наказания, особенно связанных с ограничением свободы.

Особую важность для целей настоящего исследования может иметь предложение относительно введения на законодательном уровне возможности для зрителей – потребителей услуг, а также, например, медиакомпаний, транслировавших матч, в последствии признанный договорным, использовать таковое решение CAS в

качестве преюдиционного при подаче исковых заявлений в суд о возмещении морального вреда (материального ущерба), причиненного им в связи с ненадлежащим предоставлением такой услуги, связанной с противоправным деянием, квалифицируемым как договорный матч. Несомненно, подобная возможность предполагается и сейчас, но судебная практика по таким делам фактически отсутствует, в связи с в свою очередь отсутствием точных (четко сформулированных) правовых оснований, которые, как мы предлагаем, должны быть определены законодательно, что позволит надлежащим образом защитить права потребителей и юристов в подобного рода ситуациях.

Обобщая сказанное, отметим, что там, где неправомерное решение арбитражного органа повлекло за собой причинение вреда (ущерба) частной жизни и развитию спортсмена, законодательно целесообразно определить механизм возмещения такого вреда за счет принявшего такое неправомерное решение арбитражного органа, что особенно важно не только в современный период враждебного санкционного воздействия на российских (и не только) спортсменов, но и в последующем, в целях усиления ответственности арбитражных органов и судей, а также лиц, участвующих в процессе, способствующих вынесению неправомерного решения.

Библиографический список

1. Васильев И. А., Шевелева Н. А. Отстранения российских спортивных федераций и спортсменов: неправомерные ULTIMA RATIO // Закон. 2022. № 8. С. 60 – 70.
2. Гуцин Н. На каком правовом основании отстранили российских спортсменов от участия в международных соревнованиях? [Электронный ресурс] // Sports.ru. 17.04.2022. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/droitsportif/3034455.html> (дата обращения: 26.05.2023).
3. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А. Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 96 – 102.
4. Рябова Е. В. Развитие института исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов как гарантия эффективной судебной защиты // Финансовое право. 2023. № 1. С. 9 – 13.
5. МОК: требующие отстранить россиян от Олимпиады страны игнорируют права человека [Электронный ресурс] // НТВ. 15.02.2023. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2747906/> (дата обращения: 26.05.2023).
6. Cernic J. L., Emerging fair trial guarantees before the court of arbitration for sport. European Society of International Law, 10th Anniversary Conference, 4 – 6 September, Vienna, 9/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2546183 (дата обращения: 26.05.2023).
7. Diaconu M., Kuwelkar S., Kuhn A. The court of arbitration for sport jurisprudence on match-fixing: a legal update [Электронный ресурс] // Springer. 01.03.2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40318-021-00181-3> (дата обращения: 26.05.2023).
8. Rigozzi A., Quinn B. (2014) Evidentiary Issues Before the CAS. In: Bernasconi M. (Ed) International sports law and jurisprudence of the CAS, 4th CAS & SAV/FSA conference Lausanne 2012. Weblaw, Bern. P. 1 – 54.

РИМСКИЕ ЧАСТНЫЕ ДЕЛИКТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Зыков С. В., научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено влияние римских частных деликтов на правовое регулирование соответствующих отношений в отечественном праве. На примере «Кормчей книги» сделан вывод об их присутствии в праве даже в период максимальной криминализации правонарушений. Одновременно в работе демонстрируется актуальность римского учения о частных деликтах применительно к современным проблемам ответственности за причинение вреда.

Ключевые слова: римские частные деликты, гражданские деликты, ответственность за причинение вреда, источник повышенной опасности, возмещение «внедоговорных» убытков, рецепция римского права.

ROMAN PRIVATE TORTS IN NATIONAL LAW

Zykov S. V., Research Associate
Institute of philosophy and law Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

Abstract. The article considers the influence of Roman private torts on the legal regulation of the relevant relations in domestic law. On the example of the Pilot's Book, a conclusion was made about their presence in law even in the period of maximum criminalization of offenses. At the same time, the work demonstrates the relevance of the Roman doctrine of private torts in relation to modern problems of liability for causing harm.

Keywords: roman private torts, civil torts, liability for causing harm, source of increased danger, compensation for «non-contractual» losses liability, reception of Roman law.

Важнейшим источником римского права, который повлиял на законодательство и правоприменение в России, является Прохирон, вошедший в качестве «Закона Градского» в «Кормчую книгу». Внимание к данному источнику обусловлено тем, что данный акт, как содержащий нормы материального гражданского права, действовал, пожалуй, самый долгий срок в нашей стране.

Сразу следует отметить, что если другие частноправовые отношения, особенно семейно-брачные и наследственные, получили в нём самую подробную регламентацию, не были забыты и основные договоры римского классического права, то с частными деликтами всё обстояло значительно сложнее.

Титул XXXIX именуется «De roenis» (в переводе – грань «о казнях»). Данный раздел посвящён уголовному праву. М. И. Бенеманский отмечает его «сравнительную юридическую высоту», при этом «более частые случаи, по сравнению с остальными титулами отступлений от Юстинианова права» [1, с. 374]. По мнению исследователя, он оказал значительное влияние на церковное судопроизводство и в России, и в других славянских государствах византийского влияния [1, с. 432].

Нет оснований оспаривать в целом уголовно-правовой характер раздела, появление составов и наказаний, которые отсутствовали в классическом римском праве. Происходящее ужесточение, в частности, развитие членовредительских наказаний, в Прохироне, равно как и в непосредственно предшествующей ему Эклоге, которое, по мнению М. И. Бенеманского, значительно отличает их от предшествующих правовых памятников [1, с. 406], может быть объяснено утратой стабильности по сравнению с эпохой расцвета империи. Но одновре-

менно отметим присутствие, пусть с изменениями, правовых норм, соответствующих римским частным деликтам.

Заметим, что многие сдвиги в сторону публичного права, ужесточение произошло значительно раньше и коснулось не только деликтов, но и семейного права. Так, если в классическом римском праве последствия прелюбодеяния имели имущественный характер, то ещё в позднем законодательстве Юстиниана были установлены уголовно-правовые санкции, которые закреплены и в Прохироне (Tit. XXXIX cap. 43, 59).

Тем не менее, обнаруживаются и частные деликты.

Как известные классическому римскому праву, сохранялись и более древние ноксальные иски, в частности, при воровстве рабом вместо штрафа допускалась его выдача (D. 9.4.38); это положение закреплено и в Прохироне Tit. XXXIX cap. 58 («в совершенное обладание крадением понесшего» – грань лф.нн Закона Градского).

Как известно, в римском праве за явное воровство при пожаре, землетрясении, кораблекрушении предусматривался штраф в четырехкратном размере (от стоимости похищенного), а по истечении года – в однократном (D. 47.9.1). Аналогичное положение попало в Прохирон (Tit. XXXIX cap. 25) и Закон Градский. При этом применялись последствия известного классическому праву давностного годовичного срока, только уменьшение происходило не до однократной, а до двукратной стоимости похищенного, т. е. в два раза («четвертицею» и «сугубицею» соответственно – грань лф.кэ Закона Градского).

За тайное воровство (*furtum nec manifestum*) – двойной штраф, установленный согласно Гаю ещё в Законах 12 таблиц (G.3.190) «да возвративше украденное и сугубо толикожде да воздать», только при невозможности такой выплаты предусматривалось телесное наказание (грань лф.мн Закона Градского).

Среди «казней» мы обнаруживаем и причинение ущерба в договорных отношениях. Если потребуется кому-то конь, который погибнет, то «цена да воздастся, и годна коня без пагубы да устроит» (грань лф.н Закона Градского). Таким образом, мы видим повышение ответственности в договорных отношениях: в классическом римском праве ответственность за гибель лошади в рамках отношений ссуды наступала только при нарушении условий пользования (D.13.6.5.7). Но интересно, что и рассматриваемом источнике, и в Дигестах в качестве объекта, пользование которым предполагает оговорки, рассматривается конь – уязвимый объект пользования. Вероятно это и причина вынесения договорных отношений в деликтные.

В постпетровский период вектор частноправового регулирования сместился от римского права в византийской форме к классическому римскому праву Дигест и Институций, имея в виду их реципированный западноевропейскими континентальными государствами вид. По причине ограниченности объёма настоящей работы ограничимся замечанием О. И. Сухомлинова о том периоде, что «нормы обязательственного права в значительной мере основывались на положениях римского права» [5, с. 7]. Далее, отмечая явно меньший интерес цивилистов той эпохи к данной тематике, исследователь не соглашается с мнением А. М. Гуляева об основанности современного обязательственного права «на римских положениях» в силу того, что они «наименее способны воспринять национальный отпечаток», однако противопоставляет ему позицию Г. Ф. Шершеневича, который также не отрицал основополагающего влияния римского права на современное регулирование обязательств [5, с. 9 – 10]. Одним словом, в указанные периоды развитие деликтов продолжало находиться в поле римского права, хотя в несколько иной формации.

Переходя к современному праву, разумеется, следует отметить, что римское право повлияло на базовые категории деликтной ответственности. Так, Г. П. Бычкова указывает со ссылкой на Дигесты (D.16.3.32), что римские юристы выработали «фигуру абстрактной личности – субъекта, относящегося к делам с обычной заботливостью, как этого требует природа людей» [2, с. 35], которая в последующей дискуссии как дореволюционного, так и советского периода была осмыслена как обусловленная наличием у должника реальных возможностей для надлежащего исполнения, при непринятии всех необходимых мер к недопущению нарушений или предотвращению вреда и легла в основу статьи 71 Основ гражданского законодательства союз ССР и республик. Аналогичный подход заложен и в ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ). На наш взгляд, спорным является понимание вины в римском праве исключительно в психологическом аспекте, как делают некоторые авторы: «Вина в нормах римского частного права понималась прежде всего как осознание своих противоправных действий и предвидение наступившего от них вреда»

[3, с. 159], далее противопоставляя вине, по мнению исследователя, «значительной модернизированной»: «в нормах современного российского гражданского права понимается не как неосознание действия и непредвидение последствий, а как несовершенство действий». Средства, которыми располагают гражданское право и процесс, очень ограничено позволяют выявить непосредственные мотивы лица, поэтому делают это через его поведение в данных условиях.

Самая известная работа, посвящённая влиянию римского права на действующий Гражданский кодекс РФ, написана Е. А. Сухановым и Л. Л. Кофановым. Они указывают, что большая часть римских деликтов (*iniuria, furtum, rapina*) рассматривается в Уголовном кодексе Российской Федерации, но нанесение вреда без намерения воровства (*damnum iniuria datum*) достаточно подробно представлено в ГК РФ (ст. ст. 1064 – 1101). Там же исследователи обнаруживают нормы, близко стоящие к квазиделиктам: применительно к *iudex litem suam fecit* («судья делает спор своим») проводят аналогию с современными нормами об ответственности органов следствия, прокуратуры и суда за вред, причинённый в результате незаконного осуждения; к *actio de effusis et deiectis* («иск о вылитом и выброшенном») и *actio de positis et suspensis* («иск о поставленном и подвешенном») – со статьями о нанесении непредумышленного увечья или повреждении здоровья. Ответственность юридического лица за вред, причинённый его работником, ответственность родителей за вред, причинённый несовершеннолетними, по мнению авторов, соотносимы с римским институтом ответственности господина (отца) за действия своего слуги и сына [4, с. 15 – 16]. По изложенному можно возразить только относительно отнесения *iniuria* исключительно к уголовной сфере: посягательство на личность (как физическое, так и психологическое) с денежной оценкой, исходя из конкретных обстоятельств дела, вполне соотносится с современной компенсацией морального вреда. В отношении квазиделиктов явно просматривается связь с современными специальными деликтами.

И это не единственный пример «недооценённости» римских частных деликтов в контексте современного российского права. Практически во всех отечественных (да и многих зарубежных) современных учебниках либо отсутствует, либо содержится лишь мимолётное указание на деликт, причинённый «четырёхногими» («*quadrupes*»), под которыми имелись в виду домашние четвероногие животные (первоначально только *res mancipi*, возможно включая также пасущихся – *pecudes*), в последующем распространившись на собак и на диких животных. Обязательным условием данного деликта является независимость причинения вреда от поведения владельца животного, т. е. вред причинён исключительно непредсказуемостью поведения животного, его «дикостью» (*feritas*), если же его физически нанесли упряжные животные, но произошло это в результате ошибочных действий их погонщика, то применялся обычный иск о возмещении вреда – *damnum iniuria datum* (D.9.1.1.4). Является совершенно очевидной аналогия с ответственностью за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1079 ГК РФ). Различия есть, но они нюансовые: если современное право освобождает владельца по причине выбытия источника повышенной

опасности в результате противоправных действий других лиц только с клаузулой о его вине в таком изъятии, то в римском праве утративший владение диким животным безоговорочно освобождался от ответственности (D.9.1.1.13). Изучение данного деликта поможет обучающимся в последующем овладеть гражданским правом, а именно институтом ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности.

Цели подготовить к решению сложных современных проблем может служить и изучение других аспектов римских частных деликтов. Скажем, традиционные институты обязательств из причинения вреда направлены на охрану абсолютных прав (вещных или нематериальных благ) и не рассчитаны на защиту прав относительных, которые не всегда могут защищаться договорными механизмами. В этой связи, например Т. В. Шепель делает вывод о том, что «обязательства по возмещению внедоговорных убытков не могут считаться видом обязательств из причинения вреда» и предлагает главу 59 ГК РФ «дополнить параграфом о возмещении убытков, причинённых относительным имуществом правам, возникшим не из договора» [6, с. 195]. Заметим, что именно такой характер носили большинство деликтов преторского права: metus (угрозы), dolus (обман), сделки, совершённые во вред кредитору (fraus creditorum). За исключением гарина (грабежа), преторские деликты собственно и были связаны с посягательством на относительные отношения, которые не могли быть защищены средствами соответствующего договора. Более того, ряд приводимых примеров злоупотребления правом, случаев недействительности сделок совпадает с конкретными римскими составами преторских деликтов.

Таким образом, учение о римских частных деликтах не только сыграло свою роль в становлении российского гражданского права, но и посредством правильно выстроенного юридического образования и использования в научном обороте способно обеспечить его дальнейшее развитие.

Библиографический список

1. Бенеманский М. И. О ПРОХЕИРОС НОМОС императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Выпуск первый. Сергиев Посад: Типография Св.Тр. Сергиевой лавры. 1906. 556 с.
2. Бычкова Г. П. Развитие положений римского частного права о вине в российском гражданском праве // Сибирский юридический вестник. 1992. № 2 (5). С. 35 – 39.
3. Голубцова Ю. А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Выпуск 4 (22). С. 155 – 161.
4. Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // IUS ANTIQUA = Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 7 – 17.
5. Сухомлинов О. И. Правовое регулирование обязательств из причинения вреда в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 7 – 16.
6. Шепель Т. В. Переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 188 – 200.

ВРЕД, УЩЕРБ, УБЫТКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ

Кайль Я. Я., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена теория и правоприменительная практика, связанные с разграничением таких понятий как вред, ущерб, убытки. Проанализированы постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся содержания рассматриваемых понятий. Приведены примеры гражданских и уголовных дел судов общей юрисдикции, иллюстрирующие содержание понятий вред, ущерб, убытки.

Ключевые слова: вред, ущерб, убытки, упущенная выгода, судебная практика.

HARM, DAMAGE, LOSSES: THE MODERN CONTENT OF THE CONCEPTS

Kail Ya. Ya., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the theory and law enforcement practice related to differentiation of such concepts as harm, damage, losses. The resolutions of plenums of Supreme Court of the Russian Federation, concerning the content of the considered notions are analysed. Examples of civil and criminal cases of courts of general jurisdiction, illustrating the interpretation of the concepts of harm, damage and losses are cited.

Keywords: harm, damage, losses, lost profits, judicial practice.

Понятие «вред» используется в различных отраслях права, а в экономических отношениях он может быть причинен как организации, так и публично-правовым образованиям в виде убытков, потери прибыли или в форме других экономических последствий. В медицинской сфере вред может быть причинен неблагоприятными последствиями лечения или ошибками в диагностике, в экологических отношениях вред может быть причинен окружающей среде, такой как загрязнение воздуха, воды или почвы, и может оказать влияние на здоровье людей и животных.

Понятие «ущерб» используется в юридических, экономических и страховых сферах. Понятие «убытков» используется в различных областях бизнеса и экономики, таких как страхование, финансы, производство, торговля и т. д. В страховании убытки могут возникнуть в результате страховых случаев, таких как аварии, пожары и другие несчастные случаи. В финансовой сфере, убытки могут возникать в результате инвестиционных рисков, связанных с торговлей акциями, облигациями, валютой и другими финансовыми инструментами. В производственной сфере убытки могут возникать в результате производственных неполадок, дефектов продукции, отсутствия спроса на продукцию и т. д. Также понятие убытков используется в налоговом законодательстве для определения налоговой базы и налогооблагаемой прибыли.

Вред, ущерб и убытки являются ключевыми терминами, используемыми в договорных и деликтных обязательствах. Взаимодействие между ними может различаться в зависимости от контекста, в котором они используются.

В цивилистической науке самое широкое понятие отводится вреду. В словаре Д. Н. Ушакова под вредом понимается порча, ущерб, убыток [5, с. 211]. М. М. Агарков определил вред как «всякое умаление того или иного личного или имущественного блага» [1,

с. 317]. Еще одно тому подтверждение о всеохватывающем понятии «вред» можно выяснить, обратившись к содержанию ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ), в которой одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей установлен факт причинения именно вреда, никакие другие формулировки, описывающие неблагоприятные последствия, в этой норме не используются.

Однако, уже в ст. 12 ГК РФ при перечислении способов защиты гражданских прав вводится как термин «вред», так и дефиниция «убытки». Причем термин «вред» применяется только к компенсации морального вреда, а убытки взыскиваются без пояснения, за какое правонарушение. Примечательно и то, что, используя термин «вред» в приведенной норме, законодатель указывает на его компенсацию, а применительно к «ущербу» – возмещение. Можно сделать промежуточный вывод, что вред – это категория, не поддающаяся точной стоимостной оценке, а «ущерб» можно точно подсчитать. В ст. 37 ГК РФ можно выяснить более подробное раскрытие вреда, в которой законодатель указал на его отдельные виды, а именно: вред, причиненный здоровью и вред, причиненный смертью кормильца. В содержании ст. 208 ГК РФ появляется ещё и понятие «вред, причиненный жизни». Именно такой состав рассматриваемой дефиниции используется в содержании норм Гражданского кодекса РФ.

Итак, вред может быть причинен: жизни, здоровью, потерей кормильца, а также он может включать в себя физические и нравственные страдания (охватываемые общим понятием «моральный вред»). По мнению С. В. Рогозиной, которое она высказала в своем комментарии в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» в 2019 году, «присутствующие в законе термины «вред» и «ущерб» хотя и являются словами различными по произношению и написанию, но они имеют одинаковое лексическое значение, закон не связывает с

ними разное понимание. И материальный, и нематериальный вред в законе нередко определяются через понятие «ущерб». Убытки, в соответствии со ст. 15 ГК РФ, являются денежной формой выражения вреда и ущерба».

В гражданско-правовом понимании «вред, причиняется физическим или юридическим лицом, государственным или муниципальным органом либо его должностным лицом, и представляет собой умаление имущественных или связанных с ним личных неимущественных прав (благ) гражданина или юридического лица в результате осуществления властной или иной, как противоправной, так и правомерной деятельности» [3, с. 31].

Вред может быть причинен жизни или здоровью (§ 2 гл. 59 ГК РФ). Практика последних лет изобилует исками о взыскании вреда здоровью, причиненного военнослужащим. Например, М. проходил военную службу по призыву, а рядовой А., действуя неосторожно, произвел выстрел из автомата, чем причинил истцу тяжкий вред здоровью в виде сквозного огнестрельного ранения левого бедра, повлекший стойкую утрату общей трудоспособности. Приговором ответчик признан виновным. В связи с полученным ранением истец претерпел нравственные и физические страдания, более 4 месяцев находился на лечении в военных госпиталях Минобороны России, испытывал сильные боли и практически не мог спать. Решением районного суда г. Иваново от 30.12.2019 по делу № 2-2439/2019 иск был удовлетворен частично и в пользу истца взыскано в счет компенсации морального 500000 рублей с Минобороны вместо заявленных 3 млн. рублей.

Лишь иногда лица, проходящие срочную службу, требуют не только компенсировать моральный вред, но и возместить вред, причиненный здоровью. Например, решением районного суда Ставропольского края от 24.12.2019 по делу № 2-2571/2019 Минобороны РФ было обязано выплатить С. компенсацию морального вреда в размере 300000 рублей и возместить вред, который был причинен в результате повреждения здоровья, – 17400,31 рублей. Основанием взыскания послужил перелом руки, полученный при прохождении сборов. Гипс был наложен не в военном госпитале, а в районной поликлинике. Кроме того, с гипсом истец был вынужден работать водителем, дневальным роты, выезжать на стрельбище. Выполнение обязанностей происходило под давлением командира, так как он угрожал расценить травму как членовредительство. В результате неправильного сращения костей после окончания срока службы истцу было необходимо сломать кости и ставить аппарат Илизарова, с которым он ходил длительное время.

Взыскание вреда возможно в случае причинения смерти. В таком случае за компенсацией обращаются близкие родственники. Например, Ф. обратилась в суд с иском к Минобороны России о компенсации морального вреда. В суде она заявила, что ее супруг проходил военную службу и погиб при исполнении в результате избиения сослуживцами. В связи с потерей близкого человека она с дочерью испытывает глубокие переживания. Решением Красноармейского районного суда г. Волгограда от 10.01.2019 по делу № 2-170/2018 с Минобороны России взыскано в качестве компенсации морального вреда по 1000000 рублей в пользу матери и дочери.

Понятия «вред», «убытки», «ущерб» используются не только в цивилистике, но только в этой правовой науке осуществляется ясное и системное их разграничение. Понятие вреда шире по своему содержанию, чем категория убытки. Вред часто не поддается денежной оценке в отличие от убытков, которые возможны исключительно в денежном эквиваленте.

В рамках неимущественного вреда выделяют вред физический (жизни и здоровью) и моральный (ст. 151 ГК РФ). Такой вред нельзя возместить, его можно только компенсировать. Причем одно и то же действие способно вызвать как материальный, так и нематериальный вред [3, с. 84].

Имущественный вред выражается в возникновении у потерпевшего реального ущерба, в лишении его возможности получить запланированные доходы, в осуществлении каких-либо дополнительных материальных расходов. Главной особенностью имущественного вреда является то, что он может быть выражен конкретной денежной суммой [3, с. 85].

В п. 2 ст. 15 ГК РФ раскрывается содержание понятия убытки и их составные части. Убытки могут быть реальными, а также включать упущенную выгоду. Следовательно, убытки общее понятие, а ущерб выступает составной частью убытков.

Если проанализировать практику, то именно взыскание средств, а не восстановление в натуре, является самым распространенным формой возмещения убытков. Этот довод хорошо характеризует следующий пример из правоприменительной практики. Решением районного суда Костромской области от 21.07.2021 по делу № 2-525/2021 было отказано во взыскании упущенной выгоды в связи с неверным ее исчислением с обоснованием, что «размер упущенной выгоды должен быть установлен с учетом дохода от деятельности по перевозке за период с 01.01.2018 по 24.04.2018, издержек, которые истец понес бы при осуществлении этой деятельности (расходы на обслуживание техники, бензин, заработная плата сотрудникам) и налоговых издержек. При производстве расчета упущенной выгоды вместо дохода от деятельности, также подлежащего расчету с учетом всех необходимых обстоятельств, истцом использовался потенциальный вмененный доход. Не были учтены расходы, которые истец понес бы при осуществлении деятельности, не учтены налоги, которые он должен был уплатить за рассматриваемый период».

В Гражданском кодексе РФ часто наравне с понятием «вред», используется также термин «убытки», который употребляется законодателем в нескольких аспектах. Их необходимо доказать в делах о причинении вреда, и одновременно их наличие выступает основанием возникновения гражданско-правовой ответственности.

В абзаце 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ указан минимальный предел размера упущенной выгоды – не менее чем доходы, полученные нарушителем. Такое положение в полной мере согласуется с принципом добросовестности, установленным в ст. 10 ГК РФ; никто не может злоупотреблять правом и извлекать прибыль, нарушая права потерпевшего [3, с. 88].

О максимальном размере убытков или ином их ограничении в нормах Гражданского кодекса РФ ничего не сказано. Комментируя такого рода ситуацию,

О. С. Иоффе отмечал значение принципа полного возмещения убытков и подчеркивал, что, только руководствуясь им, можно восстановить положение, которое существовало на момент правонарушения; только благодаря этому принципу обеспечивается всесторонняя охрана интересов тех, кто терпит убытки от неисправности своих контрагентов; только следуя ему, наступившие убытки удаётся целиком отнести на счет их причинителя [2, с. 767].

Однако обратимся к судебной практике и увидим, что полного возмещения добиться потерпевшему подчас достаточно сложно. В качестве иллюстрации неполного возмещения можно привести следующий пример. А. обратился в суд с иском к Г. о взыскании расходов на лечение в сумме 39966,42 рублей, компенсации в связи с утратой общей трудоспособности в размере 2256 рублей ежемесячно, а также компенсации морального вреда 100000 рублей. Свои требования А. мотивировал тем, что ответчик Г. осужден за причинение телесных повреждений, которые квалифицировались как вред здоровью средней тяжести. Суд решением от 27.02.2020 по делу № 2-17/2020 удовлетворил требования частично и взыскал в счет возмещения расходов на лечение и оплату проезда 8069,08 рублей, а в удовлетворении требований о компенсации морального вреда отказал.

Понятие «ущерб» используется для обозначения имущественного вреда, причем реального. Чаще всего этот термин встречается в трудовом или уголовном праве. Например, Д. совершила кражу с банковского счета с причинением значительного ущерба гражданину. Исковые требования приговором по делу № 1-703/2019 были удовлетворены, и в пользу потерпевшего взыскан ущерб с подсудимого в размере 19 187,47 рублей.

Если причиняется ущерб, то потерпевший вправе требовать не только полного возмещения имущественных потерь, но также вправе претендовать и на компенсацию морального вреда в случаях, предусмотренных законом (ст. ст. 151, 1099 – 1100 ГК РФ). Такой вред компенсируется независимо от возмещения имущественного вреда, то есть как наряду с ним, так и самостоятельно.

Е. В. Гаврилов, анализируя арбитражную практику, в своем исследовании приходит к выводу, что в зависимости от избранного истцом способа защиты нарушенного права компенсация вреда, причиненного деловой репутации, может иметь вид: компенсации «материальных убытков», сходной с упущенной выгодой, либо вид компенсации «нематериальных убытков», к которым не применим термин «упущенная выгода», либо вид компенсации нематериального вреда, не имеющего вообще какого-либо денежного эквивалента (публичное опровержение сведений и т. д.) [4, с. 117].

Компенсация морального вреда – это денежная выплата, предназначенная для возмещения страданий, психических травм, унижений и других негативных эмоций, вызванных нарушением прав и интересов граждан. Она была введена в содержание Гражданского кодекса РФ с момента его принятия и разрабатывалась в основном цивилистами, поскольку нормы о компенсации длительное время находились только в гражданском законодательстве. В дальнейшем возможность

компенсации морального вреда была установлена и в других нормах материального права, например, в ст. 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и ст. 237 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ).

Как раз ст. 237 ТК РФ очень часто используется в правоприменительной практике, что видно из следующего примера. Истица обратилась в суд с иском к своему работодателю с требованием выплатить ей задолженность по зарплате и компенсировать моральный вред в размере 5000 рублей. В исковом заявлении эта сторона по делу пояснила, что о факте появления приказа об ее увольнении она узнала по телефону. Работодатель уведомления о прекращении трудового договора в её адрес не направлял и не сообщал о необходимости явиться за трудовой книжкой. В своем заявлении об увольнении истец указала, что просит направить трудовую книжку почтовым отправлением по адресу ее проживания. Районный суд г. Омска решением от 06.07.2020 по делу № 2-1492/2020 удовлетворил все заявленные истцом требования в полном объеме, в том числе о компенсации морального вреда.

В определении Верховного Суда РФ от 11.09.2015 № 305-КГ15-6506 по делу № А40-84941/2014 указано, что в налоговом законодательстве «из системного толкования Налогового кодекса РФ Верховным судом РФ был сделан вывод, что понятия «убытки» и «ущерб» являются равнозначными, и их возникновение влечет одинаковые налоговые последствия для налогоплательщика». Например, УФНС России обратилось в суд с иском о взыскании материального ущерба в размере 32756628 рублей, который образовался у ООО «ЭлитСтрой» ввиду задолженности по налогам. Иск был удовлетворен в полном объеме.

Как указал Буйский районный суд в решении от 27.05.2020 по делу № 2А-69/2020, если налоговый орган обращается с требованием об оплате транспортного налога, то, возлагая такую обязанность на ответчика, этот факт не препятствует ему защищать свои права путем взыскания убытков».

Подводя итог о соотношении понятий «вред», «ущерб», «убытки», можно констатировать, что в гражданском праве этот вопрос на протяжении многих десятилетий остается дискуссионным, поскольку законодатель не дал им легального определения и разграничения. Однако этим дефинициям дается определение в науке гражданского права, которые обобщенно выглядят следующим образом. Вред – это материальный (например, порча имущества) или нематериальный (например, испорчена деловая репутация), нанесенный правомерным или неправомерным действием третьего лица. В случае договорных обязательств, вред может быть причинен нарушением сторонами условий договора; в деликтных обязательствах – это нарушение права, приводящее к причинению ущерба другому лицу, который является основой для привлечения к ответственности деликвентов. Ущерб – это конкретная сумма или стоимость утраты чего-либо, причиненная каким-либо действием или бездействием, и, соответственно, относительно понятия вреда понимается бо-

лее узко и применяется только к материальным потерям (прямым или косвенным). Убытки – это фактические потери или расходы, которые возникли у стороны в результате нарушения договора или иных обязательств. Убытки могут включать в себя финансовые потери, издержки, связанные с восстановлением утраченного имущества.

В судебной практике понятия «вред» и «ущерб» чаще всего выступают синонимами, а «вред» и «убытки» – нет. В общем смысле, вред, ущерб и убытки – это понятия, связанные с обязательственными правоотношениями, выступающие формами ущерба, которые могут быть причинены и требуют компенсации. В договорных и деликтных обязательствах ущерб и убытки могут рассматриваться как разные виды ущерба и подлежать разной форме компенсации; важно учесть все три понятия и правильно определить размер возмещения, которое может включать как убытки, так и возмещение вреда или ущерба.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М.: Статут, 2012. 535 с.
2. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4-х т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 837 с.
3. Кайль Я. Я. Российская Федерация как должник в обязательствах вследствие причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 211 с.
4. Гаврилов Е. В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 314 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. 85 000 слов. М.: Издательство «Юнвес/Лад-Ком/Стандарт», 2019. 768 с.

УТРАТА СПОСОБНОСТИ К ДЕЙСТВИЮ, НАПРАВЛЕННОМУ НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОЛЕЗНОГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ, В ОБЪЕМЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Колесниченко О. В., кандидат юридических наук, доцент
Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
г. Рязань, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию утраты способности к получению полезного результата в сфере занятости как самостоятельной потери, выражающейся в прекращении возможности использования свойств организма потерпевшего для участия в повседневных занятиях, направленных на организацию бытового обслуживания совместно проживающих членов семьи, ухода и присмотра за нетрудоспособными лицами, прямого удовлетворения некоторых базовых потребностей. Обосновывается содержание критериев разумности и обоснованности применительно к данной потере.

Ключевые слова: утрата способности, возмещение вреда, вред здоровью, трудоспособность, объем возмещения вреда, формы занятости.

LOSS OF ABILITY TO ACTION AIMED AT OBTAINING A USEFUL RESULT IN THE SPHERE OF EMPLOYMENT, IN THE VOLUME OF HEALTH COMPENSATION

Kolesnichenko O. V., Candidate in Law, Associate Professor
Ryazan branch of Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
Ryazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the loss of the ability to obtain a useful result in the field of employment as an independent loss, expressed in the termination of the possibility of using the properties of the victim's body to participate in everyday activities aimed at organizing consumer services for cohabiting family members, care and supervision of disabled persons, direct satisfaction of some basic needs. Substantiates the content of the criteria of reasonableness and validity in relation to this loss.

Keywords: loss of ability, compensation for harm, harm to health, ability to work, amount of compensation for harm, forms of employment.

Согласно действующему гражданскому законодательству единственной разновидностью выплат, связываемых с утраченными способностями потерпевшего, является возмещение утраченного заработка (дохода) (речь идет о связи с категорией трудоспособности). Несмотря на различия в понимании правовой природы данного компонента возмещения, сама возможность его экономической оценки не оспаривается в доктрине и на практике. Этого нельзя сказать о других формах занятости, не обусловленных получением имущественного представления в виде заработной платы, оплаты оказанных услуг или выполненных работ, к которым ст. 2 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» позволяет отнести, в частности, уход за ребенком или иными нетрудоспособными членами семьи, обучение по очной форме, выполнение функций учредителя некоторых типов организаций без выплаты вознаграждения (созданных для удовлетворения потребностей граждан). Качественными характеристиками, позволяющими относить перечисленные здесь неоплачиваемые формы активности к полноценным формам занятости, служат, как представляется, всеохватывающий характер, исключаящий воз-

можность совмещения конкретной деятельности с работой по трудовому договору, предпринимательской деятельностью и т. п., социальная значимость и (или) индивидуальная полезность достигаемого результата для самого потерпевшего. Несмотря на эти обстоятельства, в отечественной судебной практике факторы, свидетельствующие о невозможности продолжения некоторых неоплачиваемых форм занятости, если и упоминаются при выдвигании исковых требований, то чаще всего для обоснования заявленного размера компенсации морального вреда. Наем третьего лица для оказания замещающих услуг также не является предпосылкой для признания соответствующих требований имеющими материальное значение (показательным примером является, в частности, решение Ванинского районного суда Хабаровского края от 13 января 2021 г. по делу № 2-64/2021).

Отдельные зарубежные правопорядки демонстрируют попытки содержательного обоснования самостоятельной составляющей возмещаемого вреда применительно к исследуемой потере. К примеру, в гражданском праве Австрии, Германии и Швейцарии непосредственно потеря способности к домашнему труду становится предметом рассмотрения в ходе судебного разби-

рательства, причем фактические расходы служат средством измерения причиненного вреда, а не обстоятельством, подтверждающим его наличие. Вместе с тем пострадавший обязывается подтвердить, что соответствующие функции выполнялись им лично, в рамках конкретных обязанностей по обустройству домашнего быта или ведению домашнего хозяйства [2, с. 30 – 44].

Для итальянской юриспруденции отказ от использования конструкции общей трудоспособности при разрешении соответствующих требований связывается с появлением концепции *danno biologico* («биологический вред» – итал.), впервые позволившей исследовать повреждение здоровья как явление, отличное от субъективных страданий и имущественных убытков в классическом понимании. Вред от ограничения или лишения способности к обычной деятельности по ведению домашнего хозяйства, однако, не интегрируется в состав биологических повреждений. Согласно преобладающей доктринальной позиции, потеря такого рода признается самостоятельной разновидностью материального вреда ввиду наличия конкретного экономического эффекта от принятия на себя домашних обязанностей одним из членов семьи – считается, что благодаря этому у другого появляется возможность получения дохода от оплачиваемой деятельности вне семейной сферы [4, с. 201 – 209].

Классический «убыточный» подход к определению «ценности» домашнего труда (вред здоровью равно косвенные имущественные потери от физического повреждения) и подход исследования потери самостоятельной способности парадоксальным образом соединяются в общем праве, виной чему оказывается процессуальная классификация возмещаемых убытков (вреда) на общие и особенные. В отношении вреда, учитываемого на будущее время после даты судебного разбирательства (общий ущерб), предполагаемые затраты на замещающие услуги служат лишь средством измерения понесенных потерь, что подтверждается отсутствием контроля за целевым расходованием полученной суммы. С другой стороны, неспособность к выполнению домашней работы до даты завершения судебного разбирательства может быть принята во внимание в составе особого ущерба лишь при условии, что пострадавшим были понесены вышеупомянутые затраты либо один из родственников, принявший на себя его обычные домашние обязанности, полностью или частично утратил собственный заработок. О самостоятельной ценности домашней работы, однако, здесь свидетельствует правило о признании родственников потерпевшего, пользовавшихся домашним трудом последнего до его смерти, иждивенцами умершего с правом взыскания соответствующей компенсации [1, с. 389 – 390].

Признание свойства возместимости утраченной способности к некоторым полезным, но не оплачиваемым формам активности потерпевшего, с одной стороны, ставит проблему поиска справедливого экономического эквивалента для расчета суммы взыскания, а, с другой стороны, открывает путь для обоснования и применения нестандартных методик учета наличия определенного объема оцениваемой домашней и иной неоплачиваемой работы. Любопытным примером такой методики являются принятые в Германии таблицы Шульц-Борк / Пардей [5, с. 1 – 64], сочетающие в себе обобщенные данные об ограничении способности к выполнению домашней работы при некоторых типичных травмах с

показателями количества часов на выполнение такой работы в неделю в зависимости от типа домохозяйства, количества и возраста детей. Указанные таблицы служат ориентиром для судов при расчете компенсации, не снимая, однако, с пострадавшего обязанности по доказыванию характера травмы и степени ее влияния на способность к выполнению домашних обязанностей. Эффективность применения подобных инструментов становится отчетливо видна при разборе ситуации, в которой пострадавший проживает один и, с одной стороны, не выполняет домашних обязанностей по отношению к другим членам семьи, а, с другой, не пользуется услугами последних в быту. Альтернативу рассмотренной методике составляет подход, принятый в Швейцарии, где в основу порядка определения суммы взыскания для таких случаев положена статистическая закономерность, согласно которой большинство граждан живут в одиночестве в возрасте от 25 до 35 лет, а в дальнейшем создают домохозяйства в составе четырех членов семьи. Здесь же для характеристики утраты способности к домашнему труду предусматриваются перечни видов работ, с помощью которых данная потеря ограничивается от утраты личной автономии и способности к занятию хобби [3, с. 245 – 274].

Особое внимание представляется необходимым уделить методу определения условного экономического эквивалента утраченной способности потерпевшего к осуществлению неоплачиваемой производительной деятельности. Поскольку чаще всего такая утрата рассматривается применительно к компоненту способности к ведению домашнего хозяйства, используемыми методами служат: 1) метод рыночной оценки, в соответствии с которым учитывается средняя стоимость необходимых услуг (работ) на рынке, причем из общей суммы взыскания не исключаются уплачиваемые исполнителем обязательные страховые взносы и налоги; 2) метод замещения, когда экономическим эквивалентом становится фактическая утрата дохода одного из членов семьи (близких лиц), вынужденно отказавшегося от оплачиваемой деятельности в интересах потерпевшего (ограничением суммы взыскания и в этом случае является средняя стоимость возмездных услуг, оказываемых третьими лицами); 3) метод фиктивного дохода, в рамках которого оценочным средством служит прожиточный минимум или средняя зарплата неквалифицированного работника, иной условный расчетный показатель, заимствованный из области социального обеспечения.

Применение метода замещения представляется необоснованным в связи с тем, что возмещаемая способность потерпевшего к соответствующим формам занятости в принципе не может иметь своим экономическим эквивалентом способность задействованного третьего лица к его основной трудовой (оплачиваемой) деятельности. В то же время, признание утраченной способности возмещаемым вредом (при условии включения необходимых изменения в п. 1 ст. 1085 Гражданского кодекса РФ) не препятствует взысканию в пользу третьего лица экономического эквивалента такой способности (ее компонента), частично или полностью возмещенного в пользу потерпевшего в натуральной форме. Метод фиктивного дохода, в свою очередь, видится чрезмерно абстрактным с позиции обеспечения полноты

компенсации, и это не случайно, учитывая формирование его базовых расчетных показателей для целей их использования в социально-обеспечительных отношениях. Наиболее предпочтительным выглядит метод рыночной оценки, вместе с тем, нельзя не отметить и некоторые объективные сложности, возникающие при его практическом применении. В особенности, автономный расчет стоимости услуг соответствующих специалистов на рынке труда, привлекаемых по принципу соответствия их работ (услуг) каждой из функций потерпевшего, способен привести к сверхкомпенсации, поскольку не позволяет учесть выполнение данных функций одним лицом в пределах ограниченного бюджета времени. Во избежание такого результата целесообразно ориентироваться на среднерыночную стоимость услуг многопрофильных специалистов, привлекаемых для оказания помощи по хозяйству, либо опираться на учет средних затрат на привлечение того типа работников, в которых в большей степени нуждается потерпевший. Ориентир на среднерыночную стоимость замещающих услуг представляется обоснованным и в тех случаях, когда утраченными формами занятости потерпевшего являются участие в деятельности производственных или потребительских кооперативов, выращивание садово-огородных культур для собственного потребления, уход за детьми и т. п. Исключение касается, пожалуй, лишь способности к обучению, однако при ближайшем рассмотрении она и не может быть признана самостоятельной разновидностью производительной активности потерпевшего хотя бы потому, что весь процесс обучения, независимо от уровня образования и формы, так или иначе связан с развитием умений и формированием навыков, необходимых для квалифицированной или неквалифицированной трудовой и иной оплачиваемой деятельности, т. е. в действительности речь идет лишь об одном из факторов развития общей или профессиональной трудоспособности.

Таким образом, использование параметра трудоспособности в качестве единственного параметра «способности», учитываемого при определении размера возмещения вреда здоровью, можно считать данью периоду создания первых гарантий в области социального страхования рабочих и служащих, когда создание минимальных гарантий обеспечения на случай болезни считалось первостепенной задачей. В современных усло-

виях утрата способности к получению полезного результата в сфере занятости должна учитываться в качестве самостоятельной материальной потери, выражающейся в ограничении или прекращении возможности использования врожденных и приобретенных полезных свойств организма потерпевшего для участия в повседневных занятиях, направленных на организацию необходимого бытового обслуживания совместно проживающих членов семьи, ухода и присмотра за нетрудоспособными лицами, наконец, прямого удовлетворения некоторых потребностей без обращения к рынку соответствующих товаров, работ или услуг по самому факту обладания ими на момент происшествия. Проверку таких требований целесообразно производить с использованием традиционных критериев разумности и обоснованности. Критерий разумности возмещения, в частности, будет означать, что учету должны подлежать те компоненты способности, использование которых в конкретных формах разумно ожидать от потерпевшего в отсутствие события правонарушения. Критерий обоснованности предполагает, что сумма взыскания определяется на основании экспертных свидетельств о невозможности использования врожденных и приобретенных полезных свойств, и возможностей организма потерпевшего для участия в конкретных видах повседневных занятий, сведений о количестве часов, в течение которых предполагается осуществление такой активности (объеме работ), среднерыночной стоимости замещающих услуг для каждого вида работы.

Библиографический список

1. Askeland B., Cardi W., Green M. D. et al. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. Venn: Jan Sramek Verlag, 2015. 912 p.
2. García P. El Trabajo Doméstico En El Derecho Europeo De Daños (Housekeeping Capacity and Tort Law in Europe) // InDret. 2014. Vol. 4. P. 3 – 54.
3. Karner E., Oliphant K. Loss of Housekeeping Capacity. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. 339 p.
4. Neto R. L. Dano biológico e quantificação standard // Revista Jurídica da UniFil. 2019. Vol. 15. No. 15. P. 195 – 212.
5. Schulz-Borck H., Pardey F. Der Haushaltsführungsschaden: Entgelttabellen TVöD/Bund zur Bewertung von Personenschäden in der Haushaltsführung. – Karlsruhe: VVW GmbH, 2022. 64 p.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА БЕСПРЕПЯТСТВЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Крайнов А. В., судья Арбитражного суда Волгоградской области Волгоград, Россия

Аннотация. Будучи универсальной мерой защиты гражданских прав, возмещение убытков не во всех случаях является средством устранения препятствий к осуществлению гражданских прав. Осуществлением права требования в обязательстве может считаться только его исполнение в натуре. Из этого следует, что возмещение убытков выступает в качестве осуществления обязательственных прав только в одном виде обязательств – денежных, поскольку денежное предоставление адекватно предмету основного обязательства.

Ключевые слова: принцип беспрепятственности осуществления гражданских прав, возмещение вреда, деликт, убытки.

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF UNIMPEDED EXERCISE OF CIVIL RIGHTS IN TORT LIABILITIES

Krainov A. V., Judge at the Arbitration Court of the Volgograd Region Volgograd, Russia

Abstract. Being a universal measure of protection of civil rights, compensation for damages is not in all cases a means of eliminating obstacles to the exercise of civil rights. Only its fulfilment in kind can be considered as the exercise of the right of claim in an obligation. It follows from this that compensation for damages acts as the realisation of obligatory rights only in one type of obligations - monetary, because the monetary provision is adequate to the subject of the main obligation.

Keywords: principle of unhindered exercise of civil rights, compensation for damages, tort, losses.

Как представляется, применительно к анализу препятствий, возникающих при осуществлении гражданских прав в целом и обязательственных прав, в частности, необходимо прежде всего иметь в виду, что сам смысл понятия «препятствие» в этом контексте следует интерпретировать несколько иначе по сравнению с общепринятым его пониманием (то, что заграждает путь, задерживает движение, преграда, помеха и т. п.).

Например, по мнению В. Ю. Панченко, в процессе осуществления субъектом права своих интересов «необходима целая система юридических фактов (фактический состав), где один из них должен быть обязательно решающим. Как раз именно такого факта подчас и не хватает субъекту для дальнейшего движения интереса к ценности, способной его удовлетворить. Отсутствие подобного решающего юридического факта выступает в роли препятствия, которое необходимо рассматривать с двух точек зрения: с содержательной (социальной, материальной) и с формальной (правовой). С точки зрения содержания препятствием будет выступать неудовлетворение собственных интересов субъектом, а также общественных интересов. В формально же правовом смысле препятствие выражается в отсутствии решающего юридического факта» [3, с. 11].

Является ли отсутствие юридического факта, который нужен для удовлетворения интересов, препятствием с точки зрения принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав? В социальном смысле – возможно, однако это не может квалифицироваться как препятствие в контексте данного принципа, поскольку он предполагает исключение препятствий, но гражданское право не может гарантировать никому наличия всех юридических фактов, необходимых для удовлетворения его интересов (именно поэтому закон

предусматривает беспрепятственное осуществление только прав, но не законных интересов).

Необходимо также соотнести по смыслу такие понятия, как препятствия к осуществлению гражданских прав, с одной стороны, и нарушение прав, с другой.

Очевидно, что в значительной своей части эти явления совпадают постольку, поскольку гражданско-правовые нормы закрепляют субъективные права и их гарантии, а нарушение этих норм влечет за собой полную или частичную невозможность осуществить соответствующие гражданские права.

Вместе с тем следует указать на нетождественность понятий нарушения права и препятствия к его осуществлению.

Прежде всего, препятствие к осуществлению субъективного права может иметь место только в тех обстоятельствах, когда имеется намерение воспользоваться этим правом. Как верно замечает И. В. Пикулева, «юридические препятствия в реализации прав и законных интересов становятся таковыми не сами по себе, а лишь в процессе использования в правовой деятельности различных субъектов права, т. е. неразрывно связаны с деятельностью юридическими препятствиями, из чего следует необходимость установления такой связи при характеристике того или иного правового режима» [4, с. 74]. Таким образом, право с объективной точки зрения может быть нарушено, но если его носитель не планирует его осуществлять, то подобное нарушение не может рассматриваться в качестве препятствия.

Так, в соответствии со ст. 684 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), по истечении срока договора найма жилого помещения наниматель имеет преимущественное право на заключение договора найма жилого помещения на новый срок. Не

позднее чем за три месяца до истечения срока договора найма жилого помещения наймодатель должен предложить нанимателю заключить договор на тех же или иных условиях либо предупредить нанимателя об отказе от продления договора в связи с решением не сдавать в течение не менее года жилое помещение внаем.

Предположим, что наниматель не выполнил свою обязанность, не предложил наймодателю заключить новый договор, а предоставил жилое помещение внаем другому лицу. Такое поведение объективно является нарушением гражданских прав наймодателя, независимо от того, планировал ли он продолжать договорные отношения с нанимателем. Однако препятствием к осуществлению гражданских прав это нарушение будет только в том случае, если наниматель собирался заключить договор с наймодателем. Это подтверждается следующим положением той же ст. 684: «Если наймодатель не выполнил этой обязанности, а наниматель не отказался от продления договора, договор считается продленным на тех же условиях и на тот же срок». Таким образом, при отказе нанимателя от продолжения обязательства такое нарушение со стороны наймодателя не влечет никаких правовых последствий.

Аналогичные суждения высказывает Л. А. Чеговадзе применительно к обязательствам из причинения вреда: «Актом причинения вреда деликтное обязательство не порождается уже хотя бы потому, что причинитель вреда может остаться неизвестным, а также потому, что потерпевший может и не проявить свою волю на защиту в силу самых разных причин. Как известно, в гражданском праве, в отличие от публичного, именно правообладателю предоставлена возможность ставить вопрос о придании обстоятельствам произошедшего юридического характера. Акт причинения вреда (деяние) дает такую возможность, однако сам по себе обязательство из причинения вреда не порождает, для этого требуется сравнительно-правовая оценка (юридическая квалификация) произошедшего» [5, с. 18].

Иначе говоря, причинение вреда, оставшееся без возмещения, является прямым нарушением п. 1 ст. 1064 ГК РФ и соответствующего субъективного права, но при этом оно может не быть препятствием к осуществлению права в том случае, если потерпевшее лицо не намерено требовать такого возмещения.

Кроме того, препятствия к осуществлению гражданских прав могут и не носить характера правонарушения (деликта). Например, лицо не может выполнить свое денежное обязательство по той причине, что его денежные средства приобретены кем-либо путем неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1102 ГК РФ); не будучи нарушением гражданских прав, неосновательное обогащение в этом случае носит характер препятствия к их осуществлению.

Будучи универсальной мерой защиты гражданских прав, возмещение убытков не во всех случаях является средством устранения препятствий к осуществ-

лению гражданских прав. Осуществлением права требования в обязательстве может считаться только его исполнение в натуре. Из этого следует, что возмещение убытков выступает в качестве осуществления обязательственных прав только в одном виде обязательств – денежных, поскольку денежное предоставление адекватно предмету основного обязательства.

А. А. Громов и А. Г. Карапетов указывают еще на один негативный аспект возмещения убытков, если рассматривать их как ведущий способ защиты прав, а именно на трудности адекватного установления размера возмещения: «Нередко позитивный интерес кредитора не может быть адекватно измерен в деньгах, определение денежного эквивалента затруднено из-за уникальности предмета предоставления, многие реально возникающие убытки в результате срыва договорной программы не удастся доказать в силу отдаленности причинной связи, а также в силу ряда иных объективных сложностей» [1, с. 370].

Как верно отмечает А. В. Майфат, «замена реального исполнения возмещением убытков допустима только по воле кредитора, которая проявляется в предъявлении требования о возмещении убытков. Возможность замены исполнения возмещением убытков не входит в субъективное право должника как стороны обязательственного правоотношения» [2, с. 138].

Например, в договорных отношениях купли-продажи применительно к правам продавца возмещение убытков будет и мерой защиты, и средством преодоления препятствий, а применительно к правам покупателя – только мерой защиты, но не средством преодоления препятствий, поскольку покупатель вступает в обязательственные правоотношения ради приобретения вещи, и возмещение убытков не способствует реальному осуществлению его нарушенных субъективных прав, а лишь покрывают его имущественные потери.

Библиографический список

1. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 – 328 и 407 – 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1494 с.
2. Майфат А. В. Судебная неустойка: некоторые вопросы теории и правоприменения // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 136 – 144.
3. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3. С. 10 – 18.
4. Пикулева И. В. Роль юридических препятствий в реализации прав и законных интересов в установлении видов правовых режимов // Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. Красноярск, 2015. С. 68 – 76.
5. Чеговадзе Л. А. От притязания до права в деликтных обязательствах // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 1. С. 16 – 21.

ДЕЛИКТНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ, ЧЛЕНОВ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД С ПОЗИЦИИ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Красильникова Т. К., кандидат юридических наук, доцент
Волжский филиал Волгоградского государственного университета
г. Волжский, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа советского законодательства и судебной практики 70 – 80 годов XX столетия рассмотрена роль регрессных исков организаций к своим работникам (членам кооператива) в случае причинения ими вреда организации или третьим лицам. Автор раскрывает дискуссионные вопросы соотношения институтов материальной и гражданско-правовой ответственности работника или члена кооперативной организации в случае причинения ими вреда третьим лицам.

Ключевые слова: регрессный иск, материальная ответственность, деликтная ответственность, третьи лица, кооперативная организация, трудовые отношения, работник организации.

TORT AND MATERIAL LIABILITY OF WORKERS AND EMPLOYEES, MEMBERS OF COOPERATIVE ORGANIZATIONS: A RETROSPECTIVE APPROACH FROM THE POSITION OF SOVIET LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

Krasilnikova T. K., Candidate in Law, Associate Professor
Volzhsky branch of Volgograd State University
Volzhsky, Russia

Abstract. Based on the analysis of Soviet legislation and judicial practice of the 70 – 80s of the twentieth century, the article examines the role of recourse claims of organizations against their employees (members of the cooperative) in case they cause harm to the organization or third parties. The author reveals the debatable issues of the relationship between the institutions of material and civil liability of an employee or a member of a cooperative organization in case they cause harm to third parties.

Keywords: recourse claim, liability, tort liability, third parties, cooperative organization, labor relations, employee of the organization.

Решение вопроса о соотношении деликтной ответственности и материальной ответственности приобрело особую значимость при наличии взаимосвязанных между собой институтов различной отраслевой принадлежности. К числу таких институтов относилась, в частности, материальная ответственность работников, регулируемая нормами трудового права, и деликтная ответственность, попадающая под действие норм гражданского законодательства. И советский законодатель, и советский суд порой подменяли друг другом эти институты. Что подтверждалось регрессными исками со стороны работодателей к своим работникам, по вине которых причинялся вред третьим лицам. Эти ошибки легко было понять, если учесть, что ответственность работодателя перед потерпевшим – третьим лицом за ущерб, который был причинён по вине его работника при выполнении им своих обязанностей в сфере трудовых отношений, устанавливалась ст. 88 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик от 10.04.1962 г., ст. 445 ГК РСФСР от 11.06.1964 г. Отсюда имело место естественное стремление переноса на регрессные требования организаций к своим работникам общих положений деликтной ответственности и разрешение их на основе гражданско-правовых норм. Именно

эти ошибки чаще всего и имели место в практике судебных органов при разрешении указанной категории дел. То, что подобные ошибки были не таким уж редким явлением в практике советских судов подтверждалось постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1963 г. (в редакции от 30.03.1973 г.) «О судебной практике по искам о возмещении вреда», в котором говорилось о том, что условия и пределы материальной ответственности работников за ущерб, причиненный ими предприятию, учреждению, организации, определялись по нормам трудового законодательства. Это получило подтверждение в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 г., специально посвященного применению судами законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации. Такие иски опирались на положение ст. 49 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде от 15.07.1970 г.; Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.07.1976 г., и ст. ст. 118 – 129 КЗоТ РСФСР 1971 г.

В ст. 49 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде было установлено следующее правило: за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации при исполнении трудовых обязанностей, рабочие и служащие, по вине которых был причинен ущерб, несли материальную ответственность. Применение этого правила об имущественной ответственности работников организаций к регрессным искам, вытекающим из причинения ими вреда третьим лицам, на практике вызывало определённые трудности, а иногда приводило и к серьёзным ошибкам. Они объяснялись главным образом тем, что суды несколько прямолинейно понимали указанное положение закона и не учитывали особенностей причинения организации материального ущерба её работником при выполнении им своих обязанностей. В ст. 49 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде от 15.07.1970 г. устанавливалась имущественная ответственность работника, имея в виду, прежде всего, конечно случаи причинения им ущерба при выполнении своих обязанностей, непосредственно перед организацией, в то время как в случае предъявления регрессного иска признавался факт причинения ущерба работником третьему лицу, возмещение которого должно было лечь как на саму организацию в пользу потерпевшего – третьего лица, в силу ст. 444 и ст. 445 ГК РСФСР, так и одновременно на работника – в пользу самой организации [1, с. 72; 3, с. 105 – 106].

Необходимость предъявления таких исков была обусловлена наличием ущерба, который несла организация по вине своего работника (члена кооператива). Организация должна была возместить ущерб, причинённый её работником третьему лицу. Поскольку такой ущерб являлся следствием нарушения работником (членом кооперативной организации) конкретной обязанности, как стороны правоотношения, которым он был связан с организацией, эта ответственность рассматривалась как договорная по своей природе и, следовательно, должна была определяться нормами, регулирующими нарушенное правоотношение. А так как речь шла о нарушении трудовых (или членских) обязанностей, при разрешении таких споров должны были применяться соответственно нормы трудового или иного (например, колхозного) законодательства, определяющие взаимоотношения сторон.

Но проблема разграничения рассматриваемых видов ответственности иногда возникала и при рассмотрении прямых исков организаций к своим работникам (членам) о возмещении ущерба, причиненного ими непосредственно организации. Вот характерный пример. Участковый материальный склад ст. Бельцы Одесско-Кишиневской железной дороги обратился с иском к Т. о взыскании 4478 рублей. Т. работал в качестве водителя бензовоза и вследствие неправильной его эксплуатации допустил утечку перевозимого топлива, чем причинил истцу материальный ущерб. Суд г. Бельцы, руководствуясь нормами о деликтной ответственности по Гражданскому кодексу Молдавской Союзной Республики, иск удовлетворил. Верховный Суд республики решение указанного суда не отменил. Эту ошибку исправила лишь Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР, которая, указав на неправильное применение к подобным отношениям норм деликтной ответственности, и своим определением отменила

ранее вынесенные по этому делу судебные постановления, а также в соответствии с нормами трудового законодательства снизила размер взыскания с Т. до 1/3 его тарифной ставки [2, с. 52 – 54].

Подобные ошибки, хотя и были сравнительно редким явлением в судебной практике, основывались как раз на неправильном понимании самой природы материальной ответственности работников (членов кооператива) перед своей организацией.

Значительно чаще трудности такого рода возникали при рассмотрении судами исковых заявлений о возмещении ущерба, причиненного предприятию работником или членом кооператива при не исполнении ими своих служебных обязанностей. Какими нормами гражданского или трудового права определялись условия и объём ответственности работника в этом случае? При ответе на этот вопрос следовало, прежде всего, различать вред, причиненный работодателю неисполнением обязанностей, вытекающих для работника из трудового правоотношения, с одной стороны, и вред, причиненный работником нанимателю вне договорных отношений, с другой [6, с. 205]. В рассматриваемом случае законодатель имел в виду причинение работником организации именно «внедоговорного» вреда. Вот почему Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде от 15.07.1970 г., а также Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации от 13.07.1976 г. и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 г., предусматривая общеисковый порядок разрешения таких споров, ничего не говорили о характере подлежащего возмещению ущерба, ограничиваясь лишь указанием на полную материальную ответственность работника, что соответствовало принципу возмещения вреда по правилам гражданского законодательства (ст. 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. ст. 444, 457 ГК РСФСР).

Кроме того, возникал вопрос: на основании каких правил следовало решать вопрос о противоправности поведения и виновности причинителя ущерба в таком случае? На основании правил и норм трудового законодательства? Очевидно, нет, ибо нельзя было говорить о нарушении работником (членом кооперативной организации) обязательных для него правил, так как ущерб был причинен им третьему лицу не при выполнении трудовых (служебных) обязанностей. Речь должна была бы в этом случае идти о гражданско-правовой деликтной ответственности. Условия применения этой ответственности определялись ст. 88 и ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. ст. 444, 454 ГК РСФСР). Подобно тому, как были различны основания ответственности предприятия (организации) перед работником в зависимости от условий причинения ему вреда (в связи с работой или при иных обстоятельствах), нужно было различать и основания ответственности работника за ущерб, причиненный им предприятию (организации), в сфере трудовых отношений и вне этой сферы. В первом случае причинение ущерба было связано с нарушением работником своих трудовых обязанностей. Во втором же случае причинение ущерба имело место за пределами выполнения работником своих трудовых обязанностей. Из этого исходил и Верховный Суд СССР, позиция которого

нашла своё отражение в определении по иску отделения Госбанка к Г. о возмещения ущерба, причиненного гибелью лошади, по вине ответчика. Отменяя все состоявшиеся по делу решения, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР в своём определении прямо указала, что если Г. выезжал по делам, связанным с работой, и, таким образом, ущерб был нанесён им при исполнении служебных обязанностей, то при установлении его вины в гибели лошади вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешён в соответствии с нормами трудового законодательства. Если же ущерб был нанесен Г. не при исполнении служебных обязанностей, то вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешён согласно нормам о деликтной ответственности на основе Гражданского кодекса РСФСР [5, с. 116 – 117].

Из этого следовало, что ответственность работников (членов кооперативных организаций) в виде возмещения ущерба, который был причинён не при исполнении ими своих обязанностей, должна была быть признана деликтной ответственностью. Поэтому нельзя было согласиться с мнением тех советских исследователей, которые считали, что «трудовое право регулировало все без исключения случаи ответственности работников за ущерб, причиненный по их вине предприятиям и учреждениям, с которыми они состояли в трудовых отношениях» [4, с. 42].

Деликтную ответственность непосредственно перед потерпевшими несли работники (члены организации) и в том случае, когда вред причинялся ими третьим лицам не в связи с исполнением своих трудовых (членских) обязанностей. За такие правонарушения своих ра-

ботников организации не несли ответственность. Это положение было отражено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1963 г., в котором отмечалось, что в соответствии с ч. 3 ст. 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик организация не должна была отвечать за вред, причиненный хотя и по вине её работников, но не в связи с исполнением ими своих трудовых (служебных) обязанностей.

Библиографический список

1. Донцов С. Е. Возмещение вреда по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1990. 271 с.
2. Донцов С. Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. М.: Юридическая литература, 1980. 144 с.
3. Донцов С. Е. Обязательства из неосновательного приобретения имущества и обязательства из причинения вреда // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 103 – 108.
4. Каринский С. С. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву. М.: Госюриздат, 1955. 243 с.
5. Смирнов В. П., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. 152 с.
6. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 239 с.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ЛЕЧЕНИИ: О ЧЕМ НЕ СКАЗАЛ ВЕРХОВНЫЙ СУД В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА № 33 (15.11.2022 г.)

Кратенко М. В., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 охватывает достаточно широкий круг ситуаций, в которых потерпевший вправе требовать компенсации морального вреда. Однако «глубина» погружения Пленума в проблематику отдельных деликтов неравномерна. Вопросам компенсации морального вреда, причиненного ненадлежащим лечением, прямо посвящены лишь два пункта постановления (48 и 49), в которых сформулированы рекомендации по распределению бремени доказывания по делу, а также определен круг потенциальных потерпевших. Ни в общих положениях о компенсации морального вреда, ни в указанных выше пунктах, к сожалению, не получили освещения другие важные вопросы: о последствиях ненадлежащего информирования пациента о предстоящем медицинском вмешательстве; об основаниях безвиновной (строгой) ответственности исполнителя медицинской услуги; о юридическом значении косвенной связи между дефектами медицинской помощи и неблагоприятным исходом лечения. Поверхностный характер рекомендаций Пленума применительно к медицинским спорам свидетельствует о том, что практика по данной категории дел находится лишь в ранней стадии формирования.

Ключевые слова: ненадлежащее лечение, моральный вред, бремя доказывания, причинная связь.

COMPENSATION FOR MORAL HARM IN MEDICAL MALPRACTICE CASES: WHAT THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DID NOT SAY IN ITS PLENARY RESOLUTION № 33 OF NOVEMBER 15, 2022

Kratenko M. V., Candidate in Law
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract. Plenary resolution of the Supreme Court of the Russian Federation № 33 of November 15, 2022 covers a wide range of situations in which the victim is entitled to claim compensation for moral damage. However, the Plenum's dive into the certain types of torts is uneven. Only two paragraphs of the Plenary resolution (48 and 49) are directly devoted to issues of compensation for moral harm caused by improper medical treatment, which formulate recommendations on the distribution of the burden of proof in a case and define the potential victims. Unfortunately, neither the general provisions on compensation for moral harm, nor the above paragraphs highlight other important issues: the consequences of not informing the patient about the medical intervention; the grounds for strict liability of the health care providers; the legal relevance of indirect link between treatment defects and adverse outcome, etc. The superficial nature of the Plenum's recommendations in relation to medical disputes indicates that practice in this category of cases is only at an early stage of formation.

Keywords: medical malpractice, moral harm, burden of proof, causal link.

Введение

Внимание Верховного Суда РФ к спорам, связанным с некачественным медицинским обслуживанием, легко объяснимо. Количество подобных дел в судах исчисляется тысячами¹; для них характерны длительные сроки рассмотрения и значительные судебные издержки; судебные акты часто обжалуются в вышестоящие инстанции и пересматриваются. В совокупности, данные факторы приводят к перегруженности судов. Каждая правовая система сталкивается с подобными проблемами и ищет свои варианты решения: создание специализированных судебных коллегий – в Японии [13], перевод части споров в административные схемы

компенсации – в Великобритании, Франции [12, 15], развитие примирительных процедур – в Германии [14]. И хотя проблема исков из медицинской небрежности не является для России столь же острой, как для США, Японии или стран Европы, попытку Верховного Суда РФ разъяснить некоторые аспекты разрешения подобных споров можно лишь приветствовать.

1. Дефекты медицинской помощи и ненадлежащее информирование пациента как основания ответственности. Случаи безвиновной (строгой) ответственности

В отечественной правовой доктрине медицинские споры, как правило, ассоциируются с недостатками

¹ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» выдает более 2 тыс. дел при поиске по контексту «ненадлежащее лечение».

собственно медицинской помощи (неполной или несвоевременной диагностикой, техническими ошибками при выполнении операции и пр.). В англоязычной литературе этой категории споров соответствуют понятия *Medical malpractice / Medical negligence*. Наряду с указанными спорами, в США и странах Европы распространены иски из ненадлежащего информирования пациента о медицинском вмешательстве (*Disclosure malpractice*), которые фактически являются альтернативной стратегией при ведении спора с медицинской организацией в случае неблагоприятного исхода лечения. В основе данных исков – право пациента на самоопределение и телесную неприкосновенность [10].

В России, с одной стороны, присутствует полноценная законодательная регламентация порядка получения информированного добровольного согласия пациента (ИДС)¹. С другой стороны, на практике преобладает формальный подход к получению ИДС: информирование сводится к подписанию пациентом рекомендованной Министерством здравоохранения РФ формы, далеко не всегда в присутствии лечащего врача. Неудивительно, что многими медицинскими работниками и пациентами оформление ИДС воспринимается как чисто бюрократическая процедура [2, с. 854]. Подобное скептическое отношение к значимости ИДС обусловлено и текущей судебной практикой. ИДС с самым общим описанием рисков (без учета состояния конкретного пациента) признается достаточным². Даже в тех случаях, когда суд устанавливает факт ненадлежащего информирования пациента о возможных рисках и осложнениях, размер присуждаемой компенсации может быть символическим.

*Пациент предъявил иск к межрайонной больнице о взыскании компенсации морального вреда в сумме 650 000 руб., мотивируя тем, что после операции по удалению паховой грыжи возникли послеоперационные осложнения (подкожная гематома в области послеоперационной раны, острая задержка мочи и пр.). Суд пришел к выводу, что ответчик нарушил требования медицинской этики – не проинформировал пациента о возможных осложнениях, и взыскал компенсацию в сумме... 3 000 руб.*³

Между тем, институт ИДС является неотъемлемой частью и гарантий соблюдения такого нематериального блага пациента как телесная неприкосновенность (ст. 150 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)). Пленуму стоило уделить внимание соответствующей категории споров, разъяснить, в частности, в каких случаях

наличие оформленного ИДС исключает ответственность медицинской организации за те или иные осложнения лечения (включая летальный исход), а в каких – нет.

Возвращаясь к спорам из категории *Medical negligence*, отметим абз. 1 пункта 12 постановления Пленума № 33, в котором воспроизводится общеизвестное правило о необходимости четырех условий для возложения ответственности за причинение вреда, из которых презюмируется лишь одно – вина делинквента (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Соответственно, три оставшихся условия, включая причинную связь, входят в предмет доказывания истца (потерпевшего). В отличие от зарубежного права, ГК РФ не предусматривает каких-либо специальных доказательственных презумпций в пользу потерпевшего (пациента)⁴. Однако, учитывая, что и в зарубежном законодательстве соответствующие нормы появились под влиянием судебной практики [14, с. 1154 – 1155], можно предположить сходное развитие законодательства в России. Уже встречаются примеры, когда неполнота истории болезни пациента, препятствующая судебно-медицинскому эксперту оценить качество лечения, толкуется в пользу потерпевшего⁵. Задачей Верховного Суда РФ является выявление соответствующих подходов в практике нижестоящих судов и формулирование соответствующих правил доказывания.

В абз. 4 пункта 12 упоминается ряд оснований, при которых компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Речь идет о причинении вреда источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), а также причинении вреда жизни или здоровью потребителя вследствие дефектов услуг (ст. 1095 ГК РФ). К сожалению, Верховный Суд РФ не уточнил сферу применения § 3 гл. 59 ГК РФ об ответственности за дефектную продукцию. Формально, под действие правил данного параграфа подпадают любые услуги, в том числе медицинские. Доводы в пользу подобного подхода можно встретить как в литературе [7, с. 31], так и в отдельных судебных решениях⁶. Тем не менее, строгий режим ответственности исполнителя медицинских услуг вызывает серьезные сомнения. В подавляющем большинстве случаев российские суды рассматривают вину медицинской организации как обязательное условие её ответственности⁷.

Точно также не ясно, в каких случаях причиненный пациенту моральный вред должен компенсироваться по правилам ст. 1079 ГК РФ. Ограничиваются ли они использованием медицинских лазеров и иных устройств, либо к источникам повышенной опасности

¹ См.: ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2021 № 88-2128/2021.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 № 88-8922/2020.

⁴ Примеры специальных доказательственных презумпций в пользу пациента можно найти в законодательстве Германии и Эстонии. Так, в соответствии с § 630h Германского гражданского уложения в случае, если врачом допущена грубая ошибка (*grobe Behandlungsfehler*), способная причинить вред жизни или здоровью пациента, то предполагается, что эта врачебная ошибка стала причиной вреда. В свою очередь, согласно п. 3 ст. 770 Обязательственно-правового закона Эстонии, если врач не документирует надлежащим образом оказываемую медицинскую помощь, именно он обязан доказать наличие оснований, освобождающих его от ответственности за неблагоприятный исход лечения (например, отсутствие причинной связи).

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 июня 2019 г. № 33-33830/2019. Удовлетворен иск пациента к центру эстетической хирургии со ссылкой на то, что ответчик не предоставил протоколы проведения операций, чем препятствовал проверке качества оказанных медицинских услуг.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 октября 2019 г. № 33-15727/2019 по делу Б.И.А. в. ГБУЗ «Детская городская поликлиника № 133».

⁷ См.: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2021 г. № 88-3085/2021 по делу № 2-28/2020 (иск пациента к медицинской организации удовлетворен, поскольку ответчик «не представил доказательств отсутствия вины в причинении вреда пациенту»); апелляционное определение Саратовского областного суда от 9 февраля 2017 г. № 33-442/2017 (в иске к медицинской организации отказано, поскольку «установлено отсутствие вины ответчика в неблагоприятном исходе»).

(ИПО) в медицине следует относить и другие предметы: вакцины и анестетики, которые могут вызвать у пациента анафилактический шок или другие серьезные осложнения? Доктрина и судебная практика по данному вопросу остаются крайне неоднозначными.

Ряд авторов предлагают относить вакцины к ИПО в связи с наличием риска поствакцинальных осложнений даже при условии соблюдения всех медицинских стандартов и инструкций производителя вакцины [4, с. 64; 5, с. 33]. Встречаются судебные решения по спорам, связанным с поствакцинальными осложнениями (после БЦЖ, АКДС, Диаскинтеста и пр.), в которых компенсация морального вреда взыскивается со ссылкой на ст. 1079 ГК РФ¹. Более того, в 2013 г. сам Верховный Суд РФ отменил вынесенные по делу судебные акты, указав, что не были исследованы должным образом доводы истца об отнесении вакцинации БЦЖ-М к источнику повышенной опасности².

Существует и противоположная судебная практика, в которой деятельность по вакцинации не признается ИПО. Судьи исходят из того, что поствакцинальные осложнения являются неизбежными и в то же время «одобренными» (уполномоченными органами в сфере здравоохранения) последствиями применения соответствующего препарата. На случай наиболее серьезных осложнений законодательством об иммунопрофилактике предусмотрена выплата государственных пособий³. Соответственно, при отсутствии вины в действиях медицинской организации (отсутствии противопоказаний для вакцинации, своевременном купировании возникших осложнений) в иске о возмещении вреда отказывают, предлагая воспользоваться мерами социальной поддержки⁴. Справедливо указывается и на то, что причиной поствакцинальных осложнений у пациента являются не столько действия медицинских работников, сколько рецептурные (биологические, химические) свойства самой вакцины. Поэтому если и говорить о безвиновной ответственности за поствакцинальные осложнения, она должна формироваться в привязке к ст. 1095 ГК РФ, а соответствующие иски потерпевших должны быть адресованы производителям и поставщикам (импортерам) небезопасных вакцин.

2. Причинная связь между дефектами медицинских услуг и неблагоприятным исходом

В пункте 18 Пленум определил причинную связь в самом общем виде – как наступление негативных последствий (физических и нравственных страданий) вследствие противоправного поведения причинителя вреда. В этом определении нет указания на то, что подобная связь носит закономерный (необходимый) или предсказуемый характер, не осложнена какими-либо

привходящими обстоятельствами. Верховный Суд РФ воздержался от того, чтобы отдать предпочтение какой-либо из существующих в отечественной или зарубежной доктрине теорий причинной связи – «необходимой и случайной», «прямой и косвенной» и пр. [8]. Также не была воспроизведена позиция, ранее сформулированная Пленумом Верховного Суда РФ применительно к ответственности за нарушение обязательств, – о возможности презюмировать (предполагать) наличие причинной связи в случаях, когда кредитор требует возмещения таких убытков, которые являются обычным последствием допущенного должником нарушения⁵.

Применительно к «врачебным делам» такая лаконичность вряд ли благоприятно скажется на сроках и качестве их рассмотрения. В судебные постановления по гражданским делам прочно вошла формулировка о наличии не прямой (косвенной) связи⁶ как достаточном основании для взыскания компенсации морального вреда [6, с. 72]. Пленум Верховного Суда РФ прямо не высказался по данному вопросу и своим «молчанием» фактически одобрил складывающуюся практику. Показательно следующее определение Верховного Суда РФ по конкретному делу.

Басова обратилась с иском к ГБУЗ «Сортвальская ЦРБ» о взыскании компенсации морального вреда в связи со смертью её супруга, наступившей вследствие послеоперационных осложнений. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций в иске Басовой отказали, сославшись на заключение судебно-медицинской экспертизы об отсутствии прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступлением смерти супруга Басовой. Верховный Суд РФ с этим не согласился, указав, что законодательство не определяет, какой характер причинной связи (прямая или косвенная) является юридически значимой и достаточной для возложения ответственности за причинение вреда. Характер причинной связи, по мнению Верховного Суда РФ, может влиять на размер ответственности. Кроме того, нижестоящие суды неверно распределили бремя доказывания по делу, «фактически возложив на Басову обязанность по доказыванию обстоятельств, касающихся качества оказания медицинской помощи пациенту и наличия причинной связи между оказанной помощью и смертью пациентки»⁷.

В литературе по судебной медицине также не сложилось единого мнения относительно значения косвенной (опосредованной) связи между дефектами лечения и неблагоприятным исходом [3, с. 45; 9, с. 8 – 9]. Очевидно, что для целей уголовного преследования юридическое значение имеет лишь прямая причинная

¹ См., например: решение Советского районного суда г. Брянска от 18 декабря 2009 г. (по иску Б. к МУЗ «Родильный дом № 2 г. Брянска»); решение Анапского городского суда Краснодарского края от 24 июня 2011 г. по делу № 2-98/2011 (по иску Поздняковой к МУЗ «Родильный дом»). Тексты судебных решений размещены на сайте: <http://sovetsky.bryj.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=216>.

² Определение ВС РФ № 2-КГ13-4 от 26 июля 2013 г. по делу Шадринной в. МБОУ «Родильный дом».

³ Об иммунопрофилактике инфекционных болезней [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 316-ФЗ). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс». Ст. ст. 18 – 21.

⁴ См.: решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 30 ноября 2005 г. по иску О. к ФГУ УНИИ ОММ; апелляционное определение Алтайского краевого суда от 19 июня 2019 г. № 33-5469/2019

по иску П.М. к КГБУЗ "Городская больница им. Л. Я. Литвиненко" и МБОУ "СОШ № 10 г. Новоалтайска".

⁵ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств: постановления Пленума Верховного Суда № 7 от 24 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». П. 5.

⁶ См.: определения Красноярского краевого суда от 16 декабря 2019 г. № 33-17381/2019, 10 февраля 2020 г. № 33-1935/2020; определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 ноября 2019 г. № 88-34/2019, от 2 марта 2020 г. № 88-2577/2020. Во всех перечисленных судебных актах сделан вывод о том, что наличие косвенной (опосредованной) причинной связи не исключает ответственность медицинской организации.

⁷ Определение ВС РФ № 75-КГ21-4-К3 от 21 февраля 2022 г.

связь¹. Её отсутствие, как правило, исключает уголовную ответственность медицинского работника. В свою очередь, применительно к гражданским делам вопрос о характере юридически значимой связи остается открытым, и разъяснения Пленума в этой части не добавляют ясности.

В пункте 48 постановления Пленума разъясняется необходимость оценки того, повлияли ли дефекты оказания медицинской помощи на правильность диагностики и назначения соответствующего лечения – способствовали ухудшению состояния здоровья, повлекли неблагоприятный исход и т. д. Вместе с тем, остается неясным, исключает ли доказанность данного обстоятельства (неизбежность летального исхода), при наличии дефектов медицинской помощи, удовлетворение иска к медицинской организации. Практика нижестоящих судов свидетельствует о том, что даже в этих случаях может быть присуждена компенсация морального вреда.

Г. обратилась с иском к областному клиническому центру (Центр) о возмещении ущерба и компенсации морального вреда. Иск мотивирован тем, что супругу истицы была оказана некачественная медицинская помощь, несвоевременно диагностировано заболевание в виде расслаивающейся аневризмы аорты (не проведена КТ-ангиография либо МРТ), что в конечном итоге привело к смерти пациента. Решением суда в иске отказано. Суд принял во внимание заключение судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с которым ненадлежащие действия медицинских работников Центра в причинно-следственной связи с наступлением смерти пациента не состоят; «наступление смерти в связи с имевшимся у пациента заболеванием (расслаивающейся аневризмы грудной аорты) и его осложнением (разрыв стенки) в данном случае носило непреодолимый характер, шансов на благоприятный исход у пациента не имелось». Апелляционным определением, оставленным без изменения кассационной инстанцией, решение отменено, иск Г. удовлетворен, взыскана компенсация морального вреда в сумме 50 тыс. руб. Коллегия указала, что «установленные дефекты оказания медицинской помощи (не проведена КТ-ангиография или МРТ) являются достаточным основанием для взыскания компенсации морального вреда»².

Многие медицинские организации обжалуют судебные решения по искам, связанным с гибелью пациента в ходе медицинского вмешательства, именно со ссылкой на неизбежность летального исхода (в силу запущенности заболевания, неизлечимости болезни и т. д.), полагая, что отсутствие прямой причинной связи исключает их ответственность. Пленум, однако, не сформулировал четкую позицию по данной проблеме: должна ли компенсация морального вреда присуждаться и в этих случаях, влияют ли факторы летальности заболевания или тяжелого исходного состояния здоровья пациента на размер компенсации?

3. Лица, ответственные за причинение морального вреда

В силу ст. 1068 ГК РФ вред, причиненный работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, возмещается его работодателем. Эта норма практически дословно воспроизведена в пункте 20 постановления Пленума № 33. Соответственно, конкретный врач или иной медицинский работник, допустивший ошибку и причинивший вред здоровью пациента, по общему правилу не считается субъектом гражданско-правовой (имущественной) ответственности перед потерпевшим. Возможны ли исключения из этого правила?

В зарубежной литературе активно обсуждается проблема ответственности работодателя перед третьими лицами в некоторых нетипичных ситуациях: при совершении работником умышленного преступления, в случае удаленного режима работы и пр. [11, с. 39 – 40]. В отечественной доктрине дискуссии разворачиваются в основном применительно к вопросу о том, исполнял ли работник в момент причинения вреда трудовые обязанности (находился на рабочем месте, использовал принадлежащие работодателю орудия труда и т. д.)³. Ситуации, когда суд считает допустимой имущественную ответственность врача перед пациентом, носят экстраординарный характер и вряд ли могут служить неким общим ориентиром.

М. приговором суда осужден по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности). В рамках уголовного дела удовлетворен гражданский иск потерпевшей Т. к М. о взыскании компенсации морального вреда в сумме 500 000 руб. Второй кассационный СОЮ отменил приговор в части разрешения гражданского иска потерпевшей, указав на то, что в силу ст. 1068 ГК РФ вред в данном случае подлежит возмещению работодателем – медицинской организацией (ООО «М.»), в которой М. исполнял трудовые обязанности на момент совершения преступления.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, отменил кассационное определение и указал, что ранее Т. уже обращалась с иском к ООО «М.» в порядке гражданского судопроизводства, однако производство по делу было прекращено в связи с исключением ООО «М.» из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица. В подобной ситуации, после исчерпания или объективной невозможности реализации установленных механизмов взыскания платежей с организации-работодателя, потерпевший вправе требовать возмещения вреда непосредственно от лица, совершившего преступление⁴.

Учитывая, что основными субъектами на рынке медицинских услуг являются государственные и муниципальные бюджетные учреждения здравоохранения (ГБУЗ, МБУЗ), гораздо больший практический интерес представляет следующее дело, в котором компенсация морального вреда была взыскана не только с медицинского учреждения, но также в субсидиарном порядке –

¹ В соответствии с пунктом 9 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522, в ред. от 17.11.2011) учитывается только вред, вызванный травмой и причинно с ней связанный.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 сентября 2021 г. № 88-19950/2021 по делу № 2-3282/2020.

³ См., например: определение ВС РФ № 305-ЭС18-16466 от 26 октября 2021 г. по делу Евстигнеев в. ПАО «Сбербанк России».

⁴ Кассационное определение ВС РФ № 5-УД22-91-К2 от 29 сентября 2022 г.

с соответствующего муниципалитета (собственника учреждения).

Истец обратился с требованием о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в сумме 3 млн. руб. к ГБУЗ СПб. «Городская больница № 26». Решением суда иски удовлетворены частично, с ответчика взыскана компенсация морального вреда в сумме 1,3 млн. руб. Судом апелляционной инстанции сумма компенсации снижена до 800 тыс. руб., поскольку истцом не доказано, что при более точной диагностике пациента можно было бы спасти. Кроме того, решение дополнено указанием на то, что «при недостаточности имущества ГБУЗ СПб. "Городская больница № 26", на которое может быть обращено взыскание, в порядке субсидиарной ответственности отвечает Санкт-Петербург в лице Комитета имущественных отношений»¹.

Можно ли рассматривать данный пример как ориентир при разрешении медицинских споров с участием бюджетного медицинского учреждения? В условиях отсутствия обязательного страхования гражданской ответственности лиц, оказывающих медицинские услуги, ответ может быть положительным.

4. Размер компенсации морального вреда

В разделе «Способ и порядок компенсации» постановления Пленума № 33 не указывается на возможность судов опираться на средние значения компенсаций, взыскиваемых судами по аналогичным спорам, в том числе разработанные профессиональными юридическими ассоциациями таблицы². Вместо этого, в пунктах 26 – 30 приводится обширный перечень обстоятельств, имеющих целью конкретизировать установленные законом критерии размера компенсации (ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Осмелимся предположить, что подобная детализация критериев ничуть не упростит для судей выбор адекватной суммы компенсации, соразмерной характеру и тяжести причиненного морального вреда, и приведет лишь к удлинению мотивировочной части судебного акта. Мы по-прежнему будем сталкиваться с примерами, когда суммы присуждаемой компенсации за врачебную ошибку, повлекшую летальный исход, будут различаться в несколько раз [1, с. 51 – 52].

Отсутствие таблиц средних значений также существенно затруднит страховщикам, осуществляющим деятельность в сфере страхования профессиональной ответственности, расчет экономически обоснованных страховых тарифов по соответствующим рискам. В обсуждаемом в литературе проекте Модельного закона об обязательном страховании профессиональной ответственности субъектов медицинской деятельности (для государств-членов СНГ)³ предлагается включить в страховое покрытие компенсацию морального вреда пациенту, поскольку 99 % исков пациентов или их близких включают данное требование. Эконо-

мическое обоснование возможности введения подобного страхования в качестве обязательного также предполагает определенность в некоторых базовых значениях компенсации – при причинении вреда небольшой или средней тяжести, тяжкого вреда или наступления смерти пациента. Примечательно, что в тех странах, где существует обязательное (или вмененное) страхование ответственности субъектов медицинской деятельности или же страхование рисков пациента страховщики используют при осуществлении страховых выплат соответствующие таблицы средних размеров компенсаций⁴.

Заключение

В части распределения бремени доказывания в медицинских спорах разъяснения Пленума Верховного Суда РФ представляются излишне осторожными. Пленум хотя и перечислил условия ответственности за причинение вреда, включая причинную связь, не попытался их раскрыть при помощи существующих в доктрине подходов или наглядных примеров из практики, не определил стандарт их доказывания. В отличие от разъяснений по вопросам применения ответственности за нарушение обязательств, Пленум не высказался о том, можно ли презюмировать наличие причинной связи в спорах о возмещении вреда и в каких случаях. Исключение составляет лишь позиция Пленума применительно к спорам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Однако, как раз, в этой сфере переложение бремени доказывания на ответчика (медицинскую организацию) оправданно лишь в некоторых случаях, например, при отсутствии или искажении медицинской документации. В иных же ситуациях это может привести к формальному подходу при разрешении соответствующих споров – присуждению компенсации морального вреда при наличии любого, даже самого незначительного дефекта медицинской услуги. В целом, в части медицинских деликтов разъяснения Пленума могли бы быть более развернутыми, затронуть и другие важные аспекты оказания медицинской помощи – требования к информированному добровольному согласию (ИДС) пациента на медицинское вмешательство, критерии правомерного вреда в медицинской практике, основания освобождения субъекта медицинской деятельности от ответственности или снижения её размера.

Библиографический список

1. Антонова Т. А. Правовое регулирование компенсации морального вреда пациенту // BENEFICIUM. 2020. № 3 (36). С. 48 – 54.
2. Белов С. А., Ревазова Е. А., Руднева Е. А. Правовые нормы vs. представления врачей и пациентов о содержании и значении информированного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. № 4. С. 847 – 864.

¹ Определение Третьего кассационного СОЮ от 01.02.2023 № 88-1174/2023.

² Одна из таких Методик, включая таблицы средних значений, была разработана в 2020 г. специальной комиссией Ассоциации юристов России. Доступ по ссылке: URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredele-niyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n.

³ Проект подготовлен в рамках договора № 248-д от 03.09.2021 г. между ФГБОУ ВО СПбГУ и Секретариатом Совета МПА государств-

участников СНГ, авторы – Н. И. Дивеева, М. В. Кратенко. Текст проекта доступен по ссылке: URL: <https://events.spbu.ru/events/anons/medicine-and-law-2022/conference-materials.html>.

⁴ В частности, Финский центр страхования пациентов при осуществлении страховых выплат руководствуется Принципами (таблицами значений) компенсации дорожно-транспортных травм. Актуальная редакция размещена на официальном сайте центра: URL: <https://www.liikennevahinkolautakunta.fi/Guidelines>.

3. Божченко А. П. Проблемы и недостатки экспертного установления причинной связи // Медицинское право. 2020. № 4. С. 44 – 49.
4. Каменева З. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью медицинскими услугами ненадлежащего качества // Адвокат. 2015. № 12. С. 60 – 64.
5. Козьминых Е. Обязательства вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 32 – 34.
6. Кратенко М. В., Луйк О.-Ю. Возмещение вреда, причиненного вследствие ненадлежащего медицинского вмешательства: сравнительный анализ опыта России и Эстонии // Закон. 2020. № 7. С. 69 – 83.
7. Левушкин А. Н., Бирюкова Е. Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 28 – 33.
8. Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82 – 144.
9. Шмаров Л. А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. № 64 (1). С. 5 – 11. DOI: 10.17116/sudmed2021640115.
10. Faden R. R., Beauchamp T. L. (1986). A history and theory of informed consent. New York: Oxford University Press. (In Engl.).
11. Giliker P. Vicarious Liability or Liability for the Acts of Others in Tort: A Comparative Perspective // JETL. 2011. Issue 2. P. 31 – 56. DOI: 10.1515/jetl.2011.31.
12. Goldberg. R. Medical Malpractice and Compensation in the UK // Chicago-Kent Law Review. 2012. Vol. 87. Issue 1. P. 131 – 161. DOI: 10.1515/9783110270235.439.
13. Leflar R. B. The Law of Medical Misadventure in Japan // Chicago-Kent Law Review. 2012. Vol. 87. Issue 1. P. 79 – 110. DOI: 10.1515/9783110270235.239.
14. Stauch M. S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review. 2011. Vol. 86. Issue 3. P. 1139 – 1168. DOI: 10.1515/9783110270235.179.
15. Watson K., Kottenhagen R. Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe // European Journal of Health Law. 2017. Vol. 25. Issue 1. P. 1 – 23. DOI: 10.1163/15718093-12460348.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД ПРИЧИНЁННЫЙ, ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Кузбагаров М. Н., кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
Кузбагарова Е. В., кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос правового регулирования ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом. Анализируются правовые подходы привлечения к ответственности, как разработчика программы, так и лиц, управляющих искусственным интеллектом. Делается вывод об обстоятельствах неопределённости, связанных с причинением вреда искусственным интеллектом и имеющих существенное значение для совершенствования законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, возмещение вреда, деликт, гражданско-правовая ответственность, вред.

TORT LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED, ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kuzbagarov M. N., Candidate of Law, Associate Professor
North-Western Institute of Management – branch of RANEPA
Kuzbagarova E. V., Candidate of Law, Associate Professor
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the issue of legal regulation of liability for damage caused by artificial intelligence. Legal approaches of bringing to responsibility both the program developer and the persons managing artificial intelligence are analyzed. The conclusion is made about the circumstances of uncertainty related to the harm caused by artificial intelligence and of significant importance for the improvement of legislation.

Keywords: artificial intelligence, compensation for harm, tort, civil liability, harm.

Современное состояние рынка высокотехнологичных устройств набирает все большие обороты, потребителю предлагаются товары и услуги, управляемые искусственным интеллектом (далее по тексту – ИИ). Тем не менее, несмотря на стремительное развитие технического прогресса, все еще есть риск случайной ошибки. Многие устройства ИИ находятся в стадиях разработки или тестирования, что не может не повлечь за собой возможные негативные последствия. Также нельзя не отметить, что полагаться исключительно на «идеальность» технологий ни в коем случае нельзя, и задачей права является разработка эффективного регулирования обязательств из причинения вреда системой ИИ. Так, подлежит определению субъект, на которого будет возлагаться ответственность в случае ошибки в системе.

На сегодняшний день не существует ясного ответа на вопрос, кто будет являться таким деликтоспособным лицом. Встает ряд проблем, таких как: если это несколько возможных лиц, то как определить виновного в причинении ущерба? Как вообще был причинен вред – вследствие рядовой технической ошибки или принятым, на основе изученных и проанализированных данных, решением машины?

Ни юридическая наука, ни законодатель еще не определились со степенью автономности систем ИИ и оптимальным способом правовой регламентации ответственности за причиненный ИИ вред. Так, отечественный законодатель считает, что на сегодняшний день будет достаточно доработать отдельные элементы гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный ИИ, обладающим «высокой степенью автономности», а кардинально изменять законодательство не требуется. Необходимо, по мнению законодателя, определить, во-первых, субъектов, которые будут нести ответственность за систему, а во-вторых, меры по возмещению причиненного вреда.

Субъектами ответственности в гражданско-правовом понимании являются должник и кредитор, которыми, в свою очередь, могут быть физические, юридические лица и публично-правовые образования – участники гражданских правоотношений. Должником, в случае причинения вреда, который впоследствии должен понести ответственность, в силу ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), является лицо, причинившее вред.

Субъектами ответственности в гражданско-правовом понимании являются должник и кредитор, которыми, в свою очередь, могут быть физические, юридические лица и публично-правовые образования – участники гражданских правоотношений. Должником, в случае причинения вреда, который впоследствии должен понести ответственность, в силу ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), является лицо, причинившее вред.

В законе установлены случаи, когда одно лицо несет ответственность за другое. Например, в соответствии со ст. 1068 ГК РФ, за неправомерные действия работника отвечает юридическое лицо, в котором тот работает по трудовому или гражданско-правовому договору. По-иному может обстоять дело, когда вред нанесло устройство, функционалом которого не предусматривалось действие «на свое усмотрение».

В теории существует ряд дискуссий, участники которых предлагают возложить ответственность на того или иного субъекта гражданского оборота, однако подходы к определению должника сильно разнятся. Различные международные и зарубежные комитеты и комиссии

также предлагают свое видение проблемы и ее регулирование.

Так, Европейский парламент принял Резолюцию от 20.10.2020 с рекомендациями Комиссии по режиму гражданской ответственности за искусственный интеллект (2020/2014(INL)), в содержании которой специалисты Комиссии отметили, что технические действия ИИ, хоть и служат следствием причинения вреда, все же не позволяют возложить ответственность за вред на систему. В этом акте предлагается возложить ответственность на фигуру производителя, под которой будет расширительно пониматься, как компания, в которой конструируется ИИ, так и разработчики, программисты, операторы сервисной части и даже поставщики услуг. Основным ответственным лицом в документе предлагается считать оператора ИИ или команду операторов при солидарной ответственности, так как именно указанное лицо контролирует процесс работы ИИ, а, соответственно, и риски ошибки ИИ. Оператор ИИ несет ответственность по аналогии с водителем транспортного средства. Оправданным, на наш взгляд, в рассматриваемой Резолюции видится предложение, установленное в п. 9 по возложению вины за причинение вреда вследствие взлома системы на недобросовестное лицо.

Таким образом, Европейский парламент переключился на более умеренную линию предполагаемого регулирования, отказавшись от тезиса о несении ответственности системами ИИ самостоятельно, как полноценными участниками правоотношений, склоняясь к идее, что ответственность за деликт будет нести лицо, которое непосредственно управляло ИИ, либо разрабатывало. Такой подход представляется более верным, в силу того, что ИИ является сложным набором информационных данных, алгоритмов и вычислений.

Тем не менее, в теории до сих пор идет дискуссия на тему надления ИИ статусом субъекта или квазисубъекта права с тем, чтобы он сам нес деликтную ответственность за совершенное правонарушение [12, с. 41]. Объясняется такая позиция тем, что фиктивно к лицам помимо физических приравниваются еще и разного рода социальные, к которым право относит: публично-правовые образования, юридические лица, международные организации. Указанные субъекты по своей сути являются образованием из круга граждан, наделенных определенными полномочиями в силу социальных, экономических и политических нужд. Это подразумевает, что, в конечном счете, какие-либо негативные последствия примут на себя не фиктивные лица, а конкретные граждане. Также и за деликт ИИ примет на себя ответственность в любом случае гражданин или группа лиц. Автор изучаемой работы считает нецелесообразным также возносить ответственность исключительно на лиц, сконструировавших ИИ, ведь результат выполнения работы может быть непредсказуемым в силу сложности системы. Более того, такой ИИ можно наделить имуществом в силу положительных последствий его работы, например, вследствие получения прибыли от реализации результатов его деятельности, и наоборот, применять меры материального характера в случае наступления негативных последствий, в которых ИИ будет признан виновным. Таким образом, ИИ гипотетически может нести бремя гражданско-правовой ответственности самостоятельно [5, с. 28].

Представляется, что такую позицию принять сложно в силу того, что наделять техническую систему

статусом квазисубъекта кажется нерациональным. Техническое устройство не поймет социальную значимость возложенного на нее наказания, она не умеет чувствовать и переоценивать свое поведение, не испытывает вины как основной составляющей юридической ответственности. Такой подход также видится выгодным исключительно компаниям, создающим и внедряющим технологии ИИ, поскольку позволит оспаривать свою причастность к ошибкам в системе и тем самым избегать ответственности. Соответственно, подход, согласно которому ИИ можно наделять статусом субъекта, представляется нерациональным и даже вредоносным для интересов граждан.

Остальные теоретические подходы варьируются между возложением обязательств из деликта на организации [10, с. 93], занимающиеся разработкой, внедрением, реализацией ИИ, фигуру непосредственного разработчика ИИ и пользователя [7, с. 172; 11, с. 44]. В этом случае следует отметить, что субъекты, занимающиеся непосредственно конструированием и внедрением ИИ, являются по своему правовому статусу, скорее, сотрудниками компаний-разработчика, осуществляющими свои трудовые функции, которые если и будут нести ответственность, то в рамках своих должностных обязанностей и договоров [4, с. 80].

Логичную позицию отстаивают некоторые специалисты, согласно которой ответственность несет непосредственный владелец системы ИИ [9, с. 54]. Указанный подход уточняется Д. А. Матанцевым, который считает, что деликтная ответственность должна возлагаться на владельцев, а не непосредственных пользователей по смыслу ст. 1079 ГК РФ [6, с. 172]. Тем не менее, вполне допустимо согласиться с автором, что у владельца ИИ не всегда есть объективная возможность отследить процессы, происходящие в системе и вовремя предотвратить ошибку в силу технической сложности системы.

Интересным представляется рассмотреть позицию, согласно которой предлагается квалифицировать ИИ как источник повышенной опасности и распространить на него соответствующий правовой режим [2, с. 140]. В соответствии со ст. 1079 ГК РФ, субъекты, чья деятельность относится к повышенной для окружающих опасности, обязаны возместить возникший в связи с их деяниями вред, если не докажут, что неблагоприятные последствия наступили вследствие умысла потерпевшего или обстоятельств непреодолимой силы.

В указанной норме перечислены виды действий, с которыми законодатель связывает риск для окружающих и, важно отметить, указанный перечень носит открытый характер. Исходя из этого, видится целесообразным внести изменения в текст этой статьи и добавить туда систему ИИ. Этой же позиции придерживается А. А. Антонов, который указывает также и на то, что в теории отсутствует единообразное понимание источника повышенной опасности. В подтверждение своей позиции он ссылается на мнение М. М. Агаркова, который признавал источником повышенной опасности деятельность по использованию вещи. В оппозицию этому тезису приводится суждение Т. Б. Мальцмана, который к источникам повышенной опасности относил вышедшие из-под контроля человека вещи или вещи, которые изначально не были подчинены ему, причинившие вред лицу, взаимодействующему с ними [1, с. 70]. Также в силу того,

что в ст. 1079 ГК РФ перечислен только примерный перечень предполагаемых источников повышенной опасности, а законодатель четкого определения таким вещам также не дает, существует возможность расширительного толкования названной статьи.

Однако все еще не представляется понятным, кто будет субъектом деликтного обязательства, если непосредственным «причинителем» вреда фактически является система. Например, если ИИ неверно вычислил расстояние от пешеходного перехода до пересекающих пешеходную зону граждан и не успел вовремя затормозить, вследствие чего автопилотное транспортное средство сбило человека. Возникает вопрос: ошибку в расчетах в таком случае допустила система или это техническая недоработка программиста? Действующее законодательство верно возлагает ответственность только на обладающее деликтоспособностью лицо, в то время как ИИ – объект гражданских прав. Тем не менее, стоит акцентировать внимание на том, что ИИ в силу сложности своей конструкции может неправильно вычислять и интерпретировать объективную реальность, что неизбежно ведет к ошибкам. Именно в целях предотвращения таких случаев в Германии был разработан нормативный акт, согласно которому беспилотное транспортное средство не может принимать решения, которые могут повлечь за собой необратимые для жизни граждан последствия. В машине всегда должен находиться человек, который в случае возникновения чрезвычайной ситуации возьмет управление на себя [3, с. 120]. Печально известным, однако, показательным, является дело, когда при тестировании беспилотный автомобиль Uber сбил переходящую в неположенном месте дорогу женщину. ИИ был спрограммирован на распознавание людей, соблюдающих правила дорожного движения. Система ИИ допустила задержку в распознавании объекта, что имело фатальные последствия. Суд первой инстанции признал виновной пилота-испытателя, в задачи которой входило взять управление на себя в случае чрезвычайной ситуации. Из материалов дела следовало, что она не следила за движением, а играла в телефон. Впоследствии было выяснено, что противоправное деяние произошло в результате недоработки программного обеспечения. Инженеры Uber внедрили в беспилотную машину новую систему экстренного торможения, заменив предыдущую, что привело к задержке остановки беспилотного средства. Однако компания и ее сотрудники ответственности не понесли, в силу того, что по мнению прокуратуры, предотвратить аварию было в компетенции тестирующего автомобиль лица [8].

Законодатель предусмотрел, помимо ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, также вариант наступления деликта в случае недостатков товаров, услуг или работ. ИИ, по своей сути, является товаром, способным к обороту, что подразумевает возможность привлечь к ответственности в случае неблагоприятных последствий его изготовителя или продавца (ст. 1095 ГК РФ). Однако, наличие недостатка в ИИ необходимо будет доказать, что в силу конструктивных особенностей системы будет крайне сложным.

Представляется, что в зависимости от степени автономности ИИ, целей создания, а значит, и функций, которые он должен выполнять, необходимо выработать стандарт, из которого будут исходить общие характеристики ИИ, правила и принципы его работы и т. п. Такой норматив позволит компаниям-разработчикам ориентироваться на правила, в том числе определять субъекта

ответственности в зависимости от сферы его применения и функциональных возможностей.

Таким образом, имеют значение обстоятельства, в которых ИИ был допущен ущерб – было это в рамках договора или вне этих обязательств. Представляется, что в условиях неопределенности правового регулирования, исходя из условий, предусмотренных договором, ответственность за «действия» ИИ ляжет на управомоченное лицо. Если имело место причинение вреда, не охватываемое договорными правоотношениями, то вопрос о деликтоспособном лице требует уточнения в законодательстве. Стоит согласиться с позициями, где указывается, что таковым может быть владелец или правообладатель или же субъект ответственности может меняться, исходя из сферы использования ИИ, по аналогии с иными электронными системами. Так, возможно делегировать ответственность на непосредственного пользователя системы ИИ, управляющего ей оператора и иного работающего непосредственно с ИИ лица.

Библиографический список

1. Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69 – 74.
2. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135 – 141.
3. Коробеев А. И., Чуцаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 117 – 132.
4. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79 – 102.
5. Липчанская М. А. Проблемы определения ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 26 – 31.
6. Матанцев Д. А. Перспективы деликтной ответственности роботов-агентов // Аграрное и земельное право. 2021. № 9 (201). С. 170 – 174.
7. Перекрестова Е. А. Правовая природа и разграничение ответственности систем искусственного интеллекта // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 14 (48). С. 171 – 173.
8. Прокуратура сняла с Uber ответственность за гибель пешехода в ДТП с беспилотником [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2019/03/06/795806-uber> (дата обращения: 05.06.2023).
9. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
10. Холодная Е. В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89 – 96.
11. Цуканова Е. Ю., Скопенко О. Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4 А. С. 42 – 48.
12. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36 – 55.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Николичев Д. Н., старший преподаватель
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Каморник О. А., нотариус Нотариального бюро № 5 г. Витебска
г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье через структурные элементы обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, раскрыта особенность деликтной ответственности нотариуса по законодательству Республики Беларусь, определяется основание такой ответственности, зависимость формы вины от порядка и размера вреда, подлежащего возмещению.

Ключевые слова: нотариус, нотариальное действие, нотариальный акт, деликт, возмещение вреда.

TORT LIABILITY OF A NOTARY ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Nikolichev D. N., Senior Lecturer
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Kamornik O. A., Notary of the Notary Bureau No. 5 of Vitebsk
Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. The article, through the structural elements of the obligation arising from the infliction of harm, reveals the peculiarity of the tort liability of a notary according to the legislation of the Republic of Belarus, determines the basis for such liability, the dependence of the form of guilt on the order and amount of harm to be compensated.

Keywords: notary, notarial action, notarial deed, tort, compensation for harm.

Гражданские кодексы Российской Федерации и Республики Беларусь одинаково определяют правило генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ и ст. 933 ГК РБ). Общность подхода прослеживается и в нормативной системе закрепления деликтных обязательств. Кодексы, в отступление от общих правил, регулируют отдельные виды внедоговорных обязательств, именуемые в научной литературе как специальные деликты. Различие последних определяется содержанием структурных элементов, образующих состав деликтного обязательства, что позволяет закрепить особенность в правилах возмещения вреда, привлечении лица к деликтной ответственности.

Важность проработки специального деликта при определении внедоговорной ответственности нотариуса обусловлена, в первую очередь, максимальной степенью абстрактности генерального деликта. При таком подходе любой факт недобросовестности в действиях нотариуса, совершившего нотариальное действие, повлекшее для клиента имущественные потери, может быть расценен как последним, так и третьими лицами основанием для возмещения вреда в натуре или причиненных убытков (ст. 1082 ГК РФ и ст. 951 ГК РБ).

Во-вторых, и это, пожалуй, наиболее существенно, увеличение совершаемых нотариусам видов нотариальных действий, в том числе с использованием IT-технологий, совершение нотариальных действий дистанционно требуют исследования вопроса о возможной деликтной ответственности нотариуса за причинение вреда в результате совершения таких действий.

Заметим, что в отношении гражданско-правовой ответственности нотариуса А. А. Моховым и П. В. Рабочим справедливо обращается внимание на

двойной аспект нотариальной деятельности – договорный и законный, что несколько затрудняет решение вопроса о применении к нотариусу, ненадлежащим образом исполнившему свои обязанности и причинившему вред клиенту, норм деликтной или договорной ответственности. Вместе с тем данные авторы обоснованно считают, что ответственность нотариуса правильно будет рассматривать исключительно как деликтную ответственность [3, с. 335].

Совершенствование законодательства в области регулирования деликтной ответственности нотариуса позволит установить определенность основания и условий привлечения его к ответственности, закрепить порядок возмещения причиненного вреда.

Разработанная в научной литературе и используемая законодателем модель генерального деликта создает условия для выделения специального деликта при формировании правил, определяющих особенность деликтной ответственности нотариуса.

Сторонами деликтного обязательства выступают: кредитор – потерпевший и должник – причинитель вреда. Очевидна определенность ответственного лица – нотариус, статус которого закреплен пунктом 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» с учетом ограничений, установленных ст. 29 данного Закона. Потерпевшими выступают граждане или юридические лица, имуществу (в том числе имущественным правам) которых нотариусом причинен вред вследствие осуществления нотариальной деятельности. В то же время результат признания совершенного нотариусом нотариального акта не соответствующим законодательству может создать негативные последствия не только

клиенту, но и третьим лицам, на что указывается в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.09.1998 № 7 «О практике рассмотрения судами дел по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении», согласно которому с жалобой на действия нотариусов и должностных лиц, правомочных совершать нотариальные действия, вправе обращаться в суды заинтересованные лица, в отношении которых были совершены нотариальные действия либо получившие отказ в их совершении, а также лица, интересы которых ущемлены в связи с совершением нотариального действия, а также прокурор, в случаях, предусмотренных нормами ГПК и Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь».

Поскольку генеральный деликт связывает ответственность лица за причиненный вред при его наличии, то и вопрос об ответственности нотариуса заключается в том, что будет являться основанием возникновения деликтной ответственности нотариуса: совершенное им нотариальное действие (издание незаконного акта), бездействие или возникший вред?

Возникновению вреда, причиненного нотариусом, предшествует совершение нотариального действия (удостоверение, выдача), результатом которого является создание (образование) нотариального акта (сделка, свидетельство о праве на наследство и др.) либо отказ в совершении нотариального действия (бездействии). Самим нотариальным действием или отказом в его совершении вред не причиняется, поскольку следует презумпция правомерности такого акта. Однако такой акт образует необходимую для деликтного обязательства связь с противоправностью в действии нотариуса: нарушение нотариусом законодательства при осуществлении нотариальной деятельности и субъективного права потерпевшего. Противоправное поведение причинителя вреда – это действие (бездействие), нарушающее нормы законодательства и субъективные права потерпевшего. Бездействие является противоправным, если лицо не совершило действий, которые было обязано совершить в соответствии с законодательством [1, с. 77].

Бездействие нотариуса проявляется не только в отказе в совершении нотариального действия, но и неисполнении им своих обязанностей, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности».

Противоправность в действии (бездействии) нотариуса представляет собой правонарушение, выразившееся в нотариальном действии, признанным незаконным и повлекшим за собой последствие в виде возникновения вреда. На противоправность, как основание деликтной ответственности нотариуса, обращается внимание в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2011 г., утвержденном Президиумом ВС РФ от 7 декабря 2011 г., где указано, что поведение нотариуса можно считать противоправным, если он при совершении нотариальных действий нарушил правовые нормы, устанавливающие порядок осуществления нотариальных действий, в результате чего произошло нарушение субъективного права.

Непосредственное возникновение вреда (его реальность) у потерпевшего происходит в результате при-

знания судом нотариального акта незаконным при одновременном определении размера причиненного вреда (реального ущерба).

Законность нотариального действия должна проверяться судом, поскольку требует проверки не только нарушения нотариусом законодательства при осуществлении нотариальной деятельности, но и установления всех условий, образующих основание и условия деликтной ответственности нотариуса в конкретном случае.

Основание деликтного обязательства – наличие вреда. Характеристика вреда, его размер, причиненный в результате признания нотариального действия, нотариального акта незаконным, во многом зависит как от последствий такого признания, так и от содержания нарушенных прав и обязанностей потерпевшего. В результате последствий признания нотариального действия, нотариального акта незаконным лицо либо утрачивает право, приобретенное на основании совершенного нотариального акта, либо не приобретает право, в результате отказа в совершении нотариального действия. Ответственность нотариуса представляет собой пример установления абсолютной защиты относительных прав: так, не будучи стороной удостоверенного им договора, нотариус может «уничтожить» права, возникшие из него, если совершенное им действие незаконно, и, как следствие, удостоверенная сделка будет недействительной [2, с. 98].

Деликтная ответственность нотариуса имеет непосредственную связь с установлением объема причиненного вреда, его размера и порядка возмещения.

Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» не предусматривает правила об определении размера причиненного нотариусом вреда в результате признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности в отличие от Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, согласно части 8 ст. 17 которых «при определении размера причиненного действиями (бездействием) нотариуса вреда, связанного с применением последствий недействительности сделки, предмет которой подлежал оценке, общий размер ответственности нотариуса в связи с признанием сделки недействительной не может превышать итоговую величину стоимости предмета оценки, данную ему ее участниками (сторонами)».

Действительно, значительный объем нотариальных действий связан с нотариальным удостоверением сделок. Закрепленный же в российском законодательстве подход определения размера причиненного нотариусом вреда решает задачу частично, поскольку в остальных случаях, не оговоренных в части 8 ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, размер причиненного нотариусом вреда – усмотрение потерпевшего. Полагаем, что в целях установления границы при определении размера причиненного нотариусом вреда целесообразно ввести общее правило, согласно которому причиненный нотариусом вред подлежит возмещению в размере реального ущерба и определяется исходя из объема утраченного либо не приобретенного права потерпевшим при признании нотариального действия, нотариального акта не соответствующим закону.

Данное правило требует дополнительной аргументации, поскольку имеет место особенность в определении вины нотариуса и порядка возмещения причиненного вреда. Согласно п. 3 ст. 25 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» нотариус несет гражданскую ответственность за вред, причиненный по его вине. Аналогичный подход закреплен в ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Наличие вины является одним из оснований ответственности нотариуса за причиненный вред. Гражданское законодательство предусматривает различные формы вины в виде умысла, неосторожности, грубой неосторожности. Для определения деликтной ответственности нотариуса за вред, причиненный имуществу граждан и юридических лиц, определенность формы вины имеет огромное значение, так как находится в прямой связи с порядком возмещения вреда, который предусматривает несколько уровней и осуществляется, прежде всего, за счет страхового обеспечения. Возмещение вреда, причиненного нотариусом имуществу (в том числе имущественным правам) гражданина или юридического лица, осуществляется за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, а в случае недостаточности такого страхового возмещения – за счет страхового возмещения по дополнительному договору страхования гражданской ответственности нотариусов – членов Белорусской нотариальной палаты за причинение нотариусами вреда имуществу (в том числе имущественным правам) гражданина или юридического лица, в связи с осуществлением ими нотариальной деятельности (дополнительный договор страхования гражданской ответственности нотариусов). В случае недостаточности страхового возмещения, вред возмещается за счет имущества нотариуса.

Назначение института страхования – обеспечить имущественный интерес страхователя, вызванный риском наступления неблагоприятных последствий. В том же случае, когда действие нотариуса содержит признак умышленной вины, такой интерес не должен подлежать страховому обеспечению. Опережая законодателя, некоторые страховые организации, обеспечивая уже свой имущественный интерес, предусмотрели в правилах страхования свое право: требование к нотариусу, ответственному за причинение вреда, в пределах выплаченного страхового возмещения, если страховой случай наступил в результате умышленных действий нотариуса. Одновременно не признается страховым случаем факт причинения нотариусом вреда имуществу (в том числе имущественным правам) выгодоприобретателя, если случай наступил вследствие умысла нотариуса, выгодоприобретателя, представления выгодоприобретателем ложных сведений нотариусу, если это способствовало наступлению страхового случая (п. 9 Правил № 13 добровольного страхования гражданской ответственности нотариуса за причинение нотариусом вреда имуществу (в том числе имущественным правам)

гражданина или юридического лица в связи с осуществлением нотариальной деятельности, утвержденных приказом БУСП «Белгосстрах» от 30.12.2020).

Итак, привлечение нотариуса к деликтной ответственности за вред, причиненный имуществу (в том числе имущественным правам) граждан или юридических лиц, определяется условиями специального деликта.

Ответственным за причиненный при исполнении своих обязанностей вред является нотариус, правовое положение и статус которого закреплен в Законе Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности». Потерпевшими выступают граждане или юридические лица, имуществу (в том числе имущественным правам) которых, нотариусом причинен вред вследствие осуществления нотариальной деятельности.

При определении судом противоправности в действии (бездействии) нотариуса следует учитывать не только нарушение закона, но и связь с нарушенным субъективным правом.

Важное значение для привлечения нотариуса к деликтной ответственности имеет определенность в форме его вины, в связи с чем, целесообразно конкретизировать в законодательстве правило, согласно которому при наличии умышленной вины нотариуса, установленной судом, обязанность по возмещению вреда возлагается на нотариуса. Такой подход позволит дополнить складывающееся в страховых правоотношениях правило (не признавать страховым случаем факт причинения нотариусом вреда имуществу (в том числе имущественным правам) выгодоприобретателя, если случай наступил вследствие умысла нотариуса), конкретизировать обязанность суда, разрешающего вопрос об ответственности нотариуса, определять форму его вины.

С целью установления границы при определении размера причиненного нотариусом вреда целесообразно ввести общее правило, согласно которому причиненный нотариусом вред подлежит возмещению в размере реального ущерба и определяется исходя из объема утраченного либо не приобретенного права потерпевшим при признании нотариального действия, акта не соответствующим закону.

Библиографический список

1. Годунов В. Н. Обязательства вследствие причинения вреда: общие положения // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2010. С. 71 – 86.
2. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате / под ред. д. ю. н., проф. Д. Я. Малешина. М.: Статут, 2018. 719 с.
3. Мохов А. А. Рабочий П. В. К вопросу об ответственности нотариуса за вред, причиненный имуществу или личности клиента // Проблемы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 334 – 335.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Новиков М. В., кандидат юридических наук, преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении злоупотребления правом с деликтом в обязательствах из причинения вреда. Для решения этого вопроса автором анализируется правовая природа злоупотребления правом как формы поведения, апостериорно проводится сравнительный анализ категорий злоупотребления правом и деликта. По результатам исследования делается вывод, что злоупотребление правом при определенных условиях следует расценивать в качестве деликта или акта злоупотребления правом, возникающего на основании деликта.

Ключевые слова: злоупотребление правом, осуществление гражданских прав, недобросовестность, противоправное поведение, деликт, деликтные обязательства, вред.

ABUSE OF RIGHT IN TORT OBLIGATIONS

Novikov M. V., Candidate in Law, Lecturer
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

Abstract. The article considers the issue of correlation of abuse of right and tort in obligations from infliction of harm. To address this issue the author analyzes the legal nature of the abuse of right as a form of behavior, conducts a posteriori comparative analysis of the components of the abuse of right and tort. According to the results of the study, it is concluded that the abuse of law under certain conditions should be regarded as a tort or an act of abuse of law arising on the basis of a tort.

Keywords: abuse of right, exercise of civil rights, bad faith, unlawful conduct, tort, tort obligations, damages.

Злоупотребление правом является амбивалентной юридической категорией с признаками противоправного и правомерного поведения. Такой бесспорный вывод следует из содержания ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ): «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)... В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом... Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков».

Из буквального смыслополагания его составляющих словообразований «не допускается осуществление гражданских прав», «иное недобросовестное осуществление гражданских прав» и «причинение вреда» следует: с одной стороны, резюмируется осуществление гражданских прав как дозволительное поведение; с другой стороны, порицается осуществление гражданских прав, если такое осуществление недобросовестно, последствия которого причиняют или могут причинить вред правам других лиц.

Дословно получается, что злоупотребление правом – это противоправная форма поведения, завуалированная под правомерную форму поведения.

Импонирует правовая позиция арбитражного суда Московского округа, отраженная в постановлении от 08.12.2021 № Ф05-29085/2021 по делу № А40-186573/2020, в которой было указано: «Злоупотребление правом носит противоправный характер и представляет собой особый тип гражданского правонарушения, который выражается в использовании управомоченным лицом недозволенных конкретных форм поведения в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения... Нарушение (ненадлежащего исполнения) своих обязанностей или же осуществления своего права будет противоправным и влечет обязанность по возмещению вреда».

С правопониманием злоупотребления правом как противоправной формы в правомерной форме поведения солидарно большинство цивилистов [1, с. 406 – 407; 3, с. 57].

Для квалификации любого поведения в качестве противоправного поведения необходимо установить его состав, включающий в себя следующие элементы: наличие вреда; противоправность поведения причинителя вреда, установленная законом; причинно-следственная связь между противоправным поведением причинителя вреда и возникшим вредом; вина лица, причинившего вред.

По всей справедливости, первым признаком, априори указывающим на возможное противоправное поведение участника гражданского оборота, выступает причинение вреда. Под вредом понимаются неблагоприятные, отрицательные последствия имущественного или неимущественного характера, которые наступают у потерпевшего в результате нарушения принадлежащих ему имущественных или личных неимущественных

прав или благ. В п. 6 ст. 8 ГК РФ определено, что одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей является причинение вреда другому лицу.

В правовой литературе принято считать, что гражданские права и обязанности, возникающие вследствие причинения вреда, именуется деликтными обязательствами. Понимание деликтного обязательства следует из доктринального истолкования п. 2 ст. 307 и п. 1 ст. 1064 ГК РФ – обязательства, в том числе, возникают из причинения вреда, и такой вред, причиненный лицам, подлежит возмещению причинителем вреда. Необходимо отметить, что злоупотребление правом в их числе не названо в качестве деликта.

Деликтным обязательствам посвящена глава 59 ГК РФ, в которой перечислены возможные виды деликтов, такие как: причинение вреда в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и иные. С учетом положений приведенных норм об обязательствах из причинения вреда наличие вреда правам и интересам других лиц, наступившее в результате осуществления гражданских прав лицом, что однозначно приводит к злоупотреблению правом, позволяет последнее отнести к деликту.

Среди цивилистов ведется спор о соотношении злоупотребления правом с деликтом. Ряд ученых отождествляют злоупотребление правом, прежде всего, шикану (причинение вреда с исключительным намерением причинить вред другому лицу), с деликтом на основании признака наличия вреда другому лицу [4, с. 87; 5, с. 27; 7, с. 9]. Некоторые полагают, что злоупотребление правом можно считать деликтом исключительно во внедоговорных обязательствах [6, с. 307]. Наоборот, А. В. Волков разграничивает между собой злоупотребление правом и деликт, по его мнению, нормы о деликтных обязательствах имеют субсидиарный характер к правовым последствиям злоупотребления правом в части возмещения вреда [2, с. 302].

Нам наиболее близка позиция, согласно которой злоупотребление правом является деликтом при определенных обстоятельствах. Формально составы злоупотребления правом и деликта совпадают, поскольку в своей сущности имеют противоправный характер. Вместе с тем, состав злоупотребления правом, по сравнению с перечисленными в главе 59 ГК РФ составами деликтов, обладает усложненным характером доказывания обстоятельств совершения неправомерных действий в связи с дифференцированностью объективной стороны поведения, выражающейся в противоправных действиях, осуществляемых в правомерной форме.

В силу своего универсального характера злоупотребление правом, как недобросовестное осуществление гражданских прав, проявляется безотносительно в любых правоотношениях, в вещных правоотношениях, договорных и внедоговорных обязательствах. Деликт, в отличие от злоупотребления правом, имеет место только во внедоговорных обязательствах.

Для деликта обязательно наличие фактического вреда, в отличие от него, для квалификации деяния в качестве злоупотребления правом возможно наличие как фактического, так и потенциального вреда. Последнее отмечается в п. 2 ст. 10 ГК РФ, в случаях, когда реализация права на защиту права может повлечь злоупотребление правом, лицу отказывается в защите права.

Объективная сторона деликта характеризуется в виде действий или бездействия. Объективная сторона злоупотребления правом – исключительно в виде действий, поскольку недобросовестное осуществление гражданских прав может быть результатом только действий, бездействие не может повлечь недобросовестное осуществление гражданских прав, вследствие этого причинение вреда.

Кроме того, злоупотребление правом может выступать не только в качестве деликта, но и возникать на основании деликта в случаях: заявление требования о необоснованном возмещении вреда в обязательствах из причинения вреда; совершение действий, способствующих наступлению или ненаступлению обязательств из причинения вреда и иные.

В качестве примера, связанного с заявлением требования о необоснованном возмещении вреда в обязательствах из причинения вреда, можно процитировать мотивировочную часть постановления девятого арбитражного апелляционного суда от 19.11.2012 № 09АП-29895/2012-ГК по делу № А40-66695/11-30-558: предъявление требования о выплате страхового возмещения, заявленного именно истцом, как лицом, которому не причинен вред и обязанность которого возместить вред не следует из деликтных отношений, по сути, является злоупотреблением правом, направленным на получение не принадлежащего истцу страхового возмещения, в отсутствие на стороне истца безусловного обязательства возместить вред, причиненный имуществу других лиц, что следует из ст. 10 ГК РФ.

Другим примером из правоприменительной практики является случай, когда лицо предприняло недобросовестные действия с целью уклониться от возникновения обязательств из причинения вреда.

Как отмечено в постановлении седьмого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2014 № 07АП-7636/14 по делу № А45-4856/2014, арбитражный суд законно и обоснованно признал недействительным решение № 2808А от 05.02.2014 о государственной регистрации прекращения деятельности юридического лица – ООО Компания «ЮАР плюс» в связи с его ликвидацией. По мнению арбитражного суда апелляционной инстанции, арбитражным судом первой инстанции правомерно расценены действия ООО Компания «ЮАР плюс», выразившиеся в принятии решения о ликвидации организации, как злоупотребление правом, целью которого является уклониться от ответственности и избежать исполнения деликтных обязательств, поскольку исходя из положений подпункта б п. 1 ст. 8 ГК РФ обязательства вследствие причинения вреда (деликтные обязательства) возникают с момента совершения деликта (правонарушения), независимо от момента признания его судом, в связи с чем, между заявителем и ООО Компания «ЮАР плюс» имеются обязательственные отношения.

Таким образом, злоупотребление правом в деликтных обязательствах может рассматриваться с двух сторон: в качестве деликта при определенных обстоятельствах, когда злоупотребление правом проявляется во внедоговорных обязательствах и имеется фактический вред; в качестве самостоятельного акта злоупотребления правом, возникающего на основании деликта.

Библиографический список

1. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2009. 432 с.
2. Волков В. А. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 452 с.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2022. 414 с.
4. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. 160 с.
5. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 52 с.
6. Некрасова Е. В. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и обязательств вследствие причинения вреда // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 304 – 309.
7. Яценко Т. Е. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М.: Статут, 2003. 157 с.

ПОЗИТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЧАСТНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ

Осадченко Э. О., кандидат юридических наук, доцент
Квициния Н. В., кандидат юридических наук
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем исследовании анализируются условия для развития и регулирования экологического предпринимательства в России. Авторы делают вывод, что в целом государство ведет работу по развитию этого направления, и в течение нескольких последних лет были приняты несколько нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере. Однако остаются недостаточно разработанными проблемы «зеленого» финансирования в сфере экологического бизнеса и банковского кредитования.

Ключевые слова: частное право, экологическая опасность, экологические деликты, превенция.

POSITIVE INSTRUMENTS OF PRIVATE LAW IN THE SPHERE OF PREVENTION AND PREVENTION OF ENVIRONMENTAL HAZARDS

Osadchenko E. O., Candidate in Law, Associate Professor
Kvitsinia N. V., Candidate in Law
Volograd State University
Volograd, Russia

Abstract. This study analyzes the conditions for the development and regulation of environmental entrepreneurship in Russia. The author concludes that, in general, the state is working on the development of this area, and over the past few years several normative legal acts have been adopted in this area. However the problems of «green» financing in the field of environmental business and bank lending remain insufficiently developed.

Keywords: private law, environmental hazard, environmental torts, prevention.

Экономические и экологические обстоятельства служат факторами активного развития предпринимательства повсеместно во всем мире. Многие исследователи приходят к выводу, что рост экономики в нынешних реалиях полностью зависит от «усиления экологической безопасности и социальной справедливости» [1, с. 73]. Помимо этого, в развитых странах, ввиду ухудшения экологической обстановки, проблемы превенции деликтов в экологии приобрели острый характер и потребовали неотложных мер реагирования. Во многих государствах предпринимательство, ориентированное на экологические превенции наступления вреда, развивается активными темпами и характеризуется устойчивым ростом реализации соответствующей продукции и внедрением экологически ориентированных технологий.

В России действует большое количество законодательных актов, регулирующих правоотношения по профилактике наступления и предотвращения экологического вреда. Современные направления государственной экологической политики в контексте обеспечения экологической безопасности определены переходом к «зеленой» экономике и отражены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия); в Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (далее – Основы) и других документах стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней.

Гармонизация взаимоотношений экологии, экономики и социума с целью недопущения экологических деликтов является в настоящее время приоритетной целью государственной политики РФ. Этот тезис находит подтверждение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития. Россию нельзя назвать страной с внушительным количеством юридических лиц, осуществляющих выпуск экологической продукции (к примеру, биоудобрений), занимающихся переработкой твердых бытовых отходов и др. Безусловно, такие организации функционируют, но их число невелико.

Несмотря на высокую социальную значимость экологического предпринимательства, в нормативно-правовых актах РФ, а также в международных правовых актах законодатель не указывает критерии разграничения экологического предпринимательства от других видов предпринимательской деятельности.

Вышеуказанное подчеркивает необходимость разработки эффективных средств и механизмов гражданско-правового регулирования, при этом необходимые предпосылки для формирования институтов экологического предпринимательства остаются не развитыми. В первую очередь, следует обратить внимание на отсутствие концептуальных основ экологического предпринимательства в законодательстве. Отсутствие официально закрепленной дефиниции «экологическое предпринимательство», критериев оценивания экологической ориентированности предпринимателей препятствует активному развитию «зеленого финансирования».

Тем не менее, активное применение в практической плоскости нашли природоохранные мероприятия. При этом под природоохранными мероприятиями понимают научно-обоснованную плановую деятельность органов государств, государственных, кооперативных, общественных организаций, учреждений, проводимую с целью предупреждения и устранения вредных последствий рекреационной и хозяйственной деятельности человека и воспроизводства природных ресурсов [2, с. 37].

В экономике природопользования природоохранные мероприятия выступают как виды хозяйственной деятельности, которые могут непосредственно решить определенные природоохранные задачи. В этом смысле указанные меры направлены на решение только одной конкретной задачи по охране окружающей среды. Такой подход предоставляет возможности конкретизировать расходы на проведение мероприятия и соответственно определить результат от его реализации.

В общем понимании результат природоохранного мероприятия рассматривается как эффект от его внедрения, который может выражаться материально, социально и в денежном эквиваленте. Среди такой деятельности особое значение имеет предотвращение загрязнения окружающей среды, целью которого является сохранение окружающей среды и здоровья человека.

Предотвращение загрязнения – это использование процессов, методов, средств, материалов, продукции, услуг или энергии для предотвращения, уменьшения или регулирования (отдельно или в сочетании) образования или сброса любого вида загрязняющих веществ или отходов, чтобы уменьшить неблагоприятные воздействия на окружающую среду. Предотвращение загрязнения может касаться ослабления или устранения источника загрязнения, изменения в процессе изготовления продукции или оказании услуг, эффективного использования ресурсов, замены неэкологичных материалов и отказа от грязных видов энергии, повторного использования, восстановления, рециклизация, утилизация и обработки отходов и бытового мусора.

Природоохранная деятельность, как правило, ассоциируется с деятельностью государства, и представляется как совокупность всех мероприятий государства, направленных на сохранение, восстановление и улучшение благоприятных природных условий, обеспечения рационального природопользования и предотвращения экологической опасности [3, с. 28].

Помимо широкого применения публичных природоохранных мер, нам видится эффективным прибегать к использованию позитивных инструментов гражданского права, как не статического, а динамичного общественного явления, которое направлено на создание положительного результата в социальной и общественно-политической жизни общества и государства.

Вопросы действия частного права в сфере экологического предпринимательства и зеленого финансирования, урегулированность во взаимосвязи с трендами экологии, тесно связаны с механизмами правопонимания [5, с. 135]. Очевидно, что посредством применения такого механизма возможно достижение определенных социально значимых результатов в сфере профилактики экологической опасности.

Опираясь на опыт развития экологического предпринимательства в России прошлого столетия, можно утверждать о существовании двух тенденций в

правовой регламентации экологических отношений: 1) применение положений позитивных норм гражданского права; 2) регламентация императивными нормами экологического права.

Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые утверждают, что «предпринимательство» предопределяет инициативность и широкий спектр действий участников гражданского оборота при соблюдении частных интересов в извлечении выгоды [2, с. 39 – 40]. Позитивное правовое регулирование должно включать гражданско-правовую регламентацию согласования, заключения и исполнения сделок, являющихся этапами долгосрочных проектов развития имущественных комплексов хозяйствующих субъектов и (или) общественной инфраструктуры, предусматривающих минимальный ущерб окружающей природной среде. Императивное публично-правовое регулирование должно включать правовую координацию взаимодействия публичных (органов власти) и частных (хозяйствующих) субъектов, участвующих в указанных проектах развития.

Анализируя условия для развития «зеленого» регулирования в РФ, можно прийти к выводу, что в целом государство ведет работу по развитию этого направления, в частности, в течение нескольких последних лет были приняты несколько нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере. Тем не менее, остаются недостаточно разработанными проблемы «зеленого» финансирования в сфере экологического предпринимательства и банковского кредитования [4, с. 143]. Государство должно стимулировать развитие банковского кредитования экологического предпринимательства, поэтому необходимо подчеркнуть ведущую роль государства в указанном направлении.

Развитие экологического предпринимательства, как одной из форм профилактики экологических деликтов, в России сдерживается несовершенством законодательства в сфере охраны окружающей природной среды, наличием административных барьеров, сложностью решения организационных вопросов, а также низкой эффективностью государственной инновационной политики и др. Задача государства состоит в более активной и действенной поддержке позитивного экологического мышления, которая будет способствовать переходу к «зеленой» экономике.

Библиографический список

1. Варенникова Е. В. Экологически ориентированное и экологическое предпринимательство как экономические категории // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 4 (28). С. 71 – 77.
2. Иванова Д. В. К вопросу о понятии экологического предпринимательства в юридической науке // Гражданское право. 2021. № 6. С. 36 – 40.
3. Косенко Т. Г. Управление природоохранной деятельностью // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2016. № S2. С. 28 – 33.
4. Тютюкина А. А. Институциональные инструменты развития и регулирования зеленого финансирования // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 137 – 143.
5. Яковлева О. А. Экологическое предпринимательство (правовой аспект) // Правовая парадигма. 2018. Т. 18. № 2. С. 134 – 138.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ И ПЛАНИРОВКИ ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ДЕЛИКТОВ

Осетрова А. Ю., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье автор определяет виды деликтов, которые входят в круг видов градостроительных правонарушений. По его мнению, такой деликт, закрепленный ст. 59 Градостроительного кодекса Российской Федерации, носит публичный характер, ввиду того, что гражданско-правовая ответственность наступает у специального субъекта – органа публичной власти и исключительно при осуществлении территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории, и ее основания отличаются от оснований общего (генерального) деликта по российскому гражданскому праву. В этом случае квалифицирующее значение имеет факт утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов градостроительных документов.

Ключевые слова: возмещение вреда, публичные деликты, градостроительная деятельность, градостроительный деликт, специальный деликт, деликтное право.

COMPENSATION FOR DAMAGE IN THE IMPLEMENTATION OF TERRITORIAL PLANNING, URBAN PLANNING ZONING AND TERRITORIAL PLANNING: FEATURES OF URBAN PLANNING DELICTS

Osetrova A. Yu., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

Abstract. In the article, the author defines the types of torts that are included in the range of types of urban planning offenses. In his opinion, such a tort, enshrined in article 59 of the Urban Planning Code of the Russian Federation, is of a public nature, due to the fact that civil liability comes from a special entity – a public authority and exclusively in the implementation of territorial planning, urban zoning and planning of the territory, and its grounds differ from the grounds of the general (general) tort under Russian civil law. In this case, the fact of approval of urban planning documents that do not meet the requirements of technical regulations is of qualifying importance.

Keywords: compensation for harm, public torts, urban planning activities, town planning tort, special tort, tort law.

Градостроительная деятельность осуществляется в соответствии с требованиями Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 (далее – ГрК РФ). Центральными участниками градостроительной деятельности являются органы публичной власти и их должностные лица. Их роль особенно важна при наступлении деликтов в градостроительной сфере. Д. В. Осинцев акцентирует внимание на том, что в п. 12 ст. 2 ГрК РФ закреплен принцип полного возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам в результате нарушений требований законодательства о градостроительной деятельности [6, с. 155]. По этому поводу А. П. Анисимов отмечает, что «Градостроительный кодекс РФ включает в себя нормы гражданского права, посвященные вопросам возмещения вреда, причиненного градостроительными правонарушениями, что дает основания говорить о «гражданизации» градостроительного права» [1, с. 76]. На наш взгляд, давно назрела необходимость корректировки ст. 58 ГрК РФ, так как в этой норме указывается, что «лица, виновные в нарушении градостроительной деятельности, несут дисциплинарную, имущественную, административную, уголовную ответственность в соответствии с законода-

тельством РФ. Правоведы отмечают, что «отечественная юридическая наука не оперирует понятием «имущественная ответственность» [3, с. 56]. И дефиницию «имущественная» необходимо заменить словами «гражданско-правовую».

Исследуя принцип возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам в результате нарушений требований законодательства о градостроительной деятельности, А. Я. Рыженков отмечает, что одним из вариантов дальнейшего развития исследуемого правового института, «можно считать предложенную в научной литературе концепцию «массового деликта в сфере градостроительной деятельности (градостроительного деликта)», под которым предлагается понимать как единичный случай причинения вреда большому количеству людей, так и деяние, повлекшее вред окружающей среде и, опосредованно, жизни, здоровью и имуществу граждан (имуществу юридических лиц)» [7, с. 30]. Градостроительные деликты относятся к специальным деликтам, поскольку в законе дополнительно определены органы публичной власти в качестве лиц, возмещающих вред. А. К. Губаева относит градостроительные деликты к разновидности публичных деликтов [4, с. 38].

К градостроительным правонарушениям следует относить следующие виды деликтов:

– деликты, возникающие в результате территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории (ст. 59 ГрК РФ);

– строительные деликты (вследствие разрушения, повреждения объекта капитального строительства, нарушения требований безопасности при строительстве, сносе объекта капитального строительства, требований к обеспечению безопасной эксплуатации здания, сооружения) (ст. 60 ГрК РФ);

– деликты, возникающие вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения членом саморегулируемой организации обязательств по договору подряда на выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации, договору строительного подряда, договору подряда на осуществление сноса, заключенным с использованием конкурентных способов заключения договора (ст. 60.1 ГрК РФ).

Ученые-юристы, комментируя положения ст. 59 ГрК РФ, отмечают, что она кажется содержательной и значимой; но более глубокий ее анализ вскрывает непростые вопросы, которые могут возникнуть перед правоприменителем при ее практической реализации. В контексте вопроса о правовой квалификации геологических рисков и значении документов территориального планирования, С. Н. Карпенко, напротив, рассуждает об абстрактности содержания анализируемой статьи [5, с. 29].

В ст. 59 ГрК РФ устанавливаются особенности возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц при осуществлении территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории. Так, в силу ч. 1 ст. 59 ГрК РФ возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц в результате утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов документов территориального планирования РФ, документации по планировке территории, утверждаемых органами исполнительной власти, осуществляется РФ в полном объеме.

Градостроительный деликт невозможно рассматривать как разновидность деликтов, за которые предусмотрена ответственность по основаниям ст. 1069 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), поскольку действия (бездействия) органов публичной власти при осуществлении территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории не обязательно оцениваются по критерию законности, важен факт утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов градостроительных документов.

В ч. 3 ст. 59 ГрК РФ предусматривается, что возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц в результате утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов документов территориального планирования муниципальных образований, правил землепользования и застройки, документации по планировке территории, утверждаемых органами местного самоуправления, осуществляется муниципальными образованиями в полном объеме.

Причинителем вреда в соответствии с указанной нормой является орган муниципального образования, однако гражданско-правовая ответственность возлагается на муниципальное образование, поскольку в соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред в таких случаях возмещается за счет казны муниципального образования. Важен тот факт, что современное отечественное законодательство не закрепляет понятие муниципального образования, а лишь предусматривает отдельные виды муниципальных образований. Естественно, что утверждение документов территориального планирования муниципальных образований, правил землепользования и застройки или документации по планировке территорий муниципальных образований отнесено к компетенции органа муниципального образования. Если документ территориального планирования муниципальных образований, правила землепользования и застройки и документацию по планировке территорий с нарушением технических регламентов утвердил единоличный орган муниципального образования (должностное лицо), то возможна его регрессная ответственность перед муниципальным образованием. Если же утверждение состоялось со стороны коллегиального органа (к примеру, правила землепользования и застройки утверждаются (принимаются) коллегиальными органами муниципальных образований), то регрессная ответственность коллегиального органа исключается. Вред не возмещается, например, в случае, если в результате утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов документов территориального планирования муниципальных образований, правил землепользования и застройки, документации по планировке территорий у физического или юридического лица возникают затруднения в продаже земельного участка, возникает земельно-правовой спор по поводу границ земельного участка, поскольку во всех этих случаях нет факта причинения вреда жизни, здоровью или имуществу соответствующих лиц.

В юридической литературе высказываются предложения о том, что действие ст. 59 ГрК РФ должно распространяться на случаи установления охранных зон: «собственники земельных участков часто узнают о введенных ограничениях на пользование принадлежащим им земельным участком через несколько лет, когда построен жилой дом или иной объект капитального строительства. В этой связи возмещать вред должны те государственные органы и должностные лица, которые устанавливали охранные зоны с нарушением порядка их государственной регистрации. Обычно эти лица по сообщениям их руководителей привлекаются к дисциплинарной ответственности или переводятся на другие должности, что не устраняет те проблемы, которые они создали гражданам и юридическим лицам» [2]. Утверждение не соответствующих требованиям технических регламентов документов территориального планирования само по себе, конечно, является действием, но не таким, каким причиняется вред охраняемым законом благам. Реально вред жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических и юридических лиц причиняется исполнением не соответствующих техническим регламентам документов территориального планирования.

В заключение отметим, что деликт, закрепленный ст. 59 ГрК РФ, носит специальный и публичный ха-

рактар, ввиду того, что гражданско-правовая ответственность наступает у специального субъекта – органа публичной власти и исключительно при осуществлении территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории, и ее основания отличаются от оснований общего (генерального) деликта по российскому гражданскому праву: важен факт утверждения не соответствующих требованиям технических регламентов градостроительных документов.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.

2. Баранов В. А., Приженникова А. Н. Частные и публичные интересы в земельных правоотношениях // Современный юрист. 2015. № 3. С. 28 – 43.

3. Гогин А. А., Федорова А. Н. Некоторые спорные положения Градостроительного кодекса Российской Федерации // Эксперт: теория и практика. 2021. № 1 (10). С. 50 – 58.

4. Губаева А. К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития // Закон. 2020. № 3. С. 38 – 48.

5. Карпенко С. Н. Вопросы квалификации геологического риска // Правовые вопросы строительства. 2012. № 2. С. 23 – 29.

6. Осинцев Д. В. К вопросу об иррациональных формах собственности (экономико-правовой этюд) // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 153 – 165.

7. Рыженков А. Я. О принципе возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам в результате нарушений требований законодательства о градостроительной деятельности // Юрист. 2018. № 4. С. 25 – 32.

НОВОЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ О СПОСОБАХ И РАЗМЕРЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Острикова Л. К., кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются новеллы в судебной практике о способах и размере компенсации морального вреда. Акцентируется внимание на особенности компенсации морального вреда, предоставляемой деликвентом на добровольной основе во внесудебном порядке в рамках реализации принципа полного возмещения причиненного вреда. Автор обосновывается утверждение об увеличении размера присуждаемой денежной компенсации посредством толкования содержания принципов общего уровня жизни и общего уровня доходов граждан.

Ключевые слова: способы компенсации, общий уровень жизни, общий уровень дохода.

NEW IN JUDICIAL PRACTICE ABOUT THE METHODS AND AMOUNT OF COMPENSATION FOR NON-PECUNIARY DAMAGE

Ostrikova L. K., Candidate in Law, Associate Professor
Kutafin Moscow State Law University (MGU)
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses novelties in judicial practice on the methods and amount of compensation for moral damage. Attention is focused on the specifics of compensation for moral damage provided by a delinquent on a voluntary basis in an out-of-court procedure within the framework of the implementation of the principle of full compensation for the damage caused. The author substantiates the statement about the increase in the amount of monetary compensation awarded by interpreting the content of the principles of the general standard of living and the general level of income of citizens.

Keywords: methods of compensation, general standard of living, general level of income.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает основные положения компенсации морального вреда, среди которых установлено правило о компенсации морального вреда в денежной форме. Учитывая общие и специальные критерии определения размера компенсации морального вреда, установленные в ст. 151 и ст. 1101 ГК РФ, судебная практика выработала подходы к установлению её размера. Вместе с тем новая редакция Конституции РФ, проведенная реформа Гражданского кодекса РФ, современный гражданский оборот потребовали новых рекомендаций от высших судебных органов для определения способов и размера компенсации морального вреда.

Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 (далее – Постановление № 33) указано, что причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества (транспортного средства, бытовой техники и т. д.), в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего.

Идея о компенсации морального вреда как в денежной, так и иной форме не нова. В ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. допускалось компенсировать моральный вред не только в денежной, но и в иной материальной форме, определяемой судом. По мнению профессора К. Б. Ярошенко, не должна абсолютно исключаться возможность с согласия потерпевшего произвести компенсацию морального вреда в какой-либо иной материальной форме

(например, приобретением жилья, автомобиля и т. п.) [3, с. 267].

Возвращаясь к идее о разнообразии форм (способов) компенсации морального вреда, Пленум Верховного Суда РФ приходит к выводу, что в современных социально-экономических условиях инициатива установления формы (способа) компенсации может быть предоставлена деликвенту, который вправе добровольно во внесудебном порядке предоставить денежную или неденежную компенсацию в форме предоставления какого-либо имущества, выполнения самостоятельно или за его счет какой-либо работы потерпевшему или оказания ему услуги или её оплаты.

Однако факт добровольной компенсации морального вреда во внесудебном порядке, а равным образом заявление потерпевшего о полной компенсации ему причиненного морального вреда в рамках уголовного судопроизводства, еще не означает для деликвента прекращения возложенной на него обязанности компенсировать причиненный моральный вред.

В Постановлении № 33 рекомендовано судам установить контроль за реализацией принципа полного возмещения причиненного вреда при компенсации морального вреда во внесудебном порядке. Оценивая компенсацию морального вреда, выплаченную или предоставленную в неденежной форме потерпевшему во внесудебном порядке, исходя из обстоятельств дела с учетом общих и специальных критериев определения размера компенсации морального вреда, суд вправе взыскать компенсацию, если придет к выводу, что предоставленная компенсация не восполняет в полном объеме причиненные нравственные и физические страдания потерпевшему.

Примечательно, что судам впервые предлагается применять принцип полного возмещения причиненного вреда для определения размера компенсации морального вреда. В сложившейся судебной практике этот принцип, как правило, применяется при возмещении имущественного вреда, убытки от которого можно установить расчетным путем при предоставлении надлежащих доказательств. В отличие от расчетного способа определения размера возмещения причиненных убытков, размер компенсации морального вреда, предоставленной деликвентом во внесудебном порядке, устанавливается судом на основе сравнительной оценки компенсации вне зависимости от формы её предоставления с последствиями нарушения личных неимущественных благ и прав потерпевшего и возможностью предоставленной компенсации устранить страдания потерпевшего или снять их остроту.

Разрешая вопрос о разумности присуждаемой суммы денежной компенсации, в п. 30 Постановления № 33 предлагается ввести в судебную практику дополнительно два базовых критерия, опираясь на которые суды обязаны будут оценить значимость требуемой потерпевшим компенсации морального вреда относительно общего уровня жизни и общего уровня доходов граждан. Как представляется, оба критерия объединяет одно свойство – их общий, то есть усреднённый характер, который предполагает некий средний показатель уровня жизни и связанный с ним средний уровень дохода гражданина в современном обществе. Таким правовым приемом устанавливается нижний предел присуждаемой денежной компенсации, равный средним показателям уровня жизни и уровня дохода гражданина, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не указана им в исковом заявлении.

Уровень жизни – это категория экономической науки. В зарубежных источниках уровень жизни относится к уровню богатства, комфорта, материальных благ и предметов первой необходимости, доступных определенному социально-экономическому классу или географическому району. В отечественной экономической доктрине утверждается, что уровень жизни дает оценку экономической стороны качества жизни населения и служит критерием при выборе направлений и приоритетов экономической и социальной политики государства, центральным моментом которой является человек, его благосостояние, физическое и социальное здоровье. Уровень жизни является базой для формирования и удовлетворения человеческих потребностей более высокого уровня.

Как утверждает С. П. Спиридонов, уровень жизни – это многофакторное понятие, которое не ограничивается только материальным благосостоянием. Среди показателей, влияющих на уровень жизни, выделяют не только экономические факторы, но и общий объем потребления материальных благ и услуг, обеспеченность недвижимостью, уровень медицинского обслуживания, уровень просвещения, науки и культурного и бытового обслуживания, уровень социального обеспечения, условия труда и отдыха и т. д. К экономическим факторам, характеризующим уровень жизни, относят: материальное положение, величину прожиточного минимума, соотношение обеспеченных и бедных слоев населения, национальное богатство, уровень и динамику производительности труда и др. [2, с. 6].

Основным экономическим показателем уровня жизни является материальное положение, которое складывается из характеристики структуры денежных доходов населения и их использования. Денежные доходы населения включают выплаченную заработную плату

наемных работников, доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, пенсии, пособия, стипендии и другие социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и другие доходы, которые включают объем скрытой заработной платы. В экономике для идентификации уровня жизни используют подушевой доход, который дает усредненное представление о жизни. Среднедушевой доход рассчитывают делением совокупного национального дохода страны на численность населения. По данным Росстата в конце 2022 г. он составил 47272 руб.

Уровень жизни связан с уровнем денежных доходов граждан, который, в свою очередь, является налогово-правовой категорией. Согласно ст. 209 Налогового кодекса Российской Федерации доходы граждан от источников в Российской Федерации и доходы от источников за пределами России составляют объект налогообложения налога на доходы физических лиц, расчет которого подтверждается налоговой декларацией.

Значительную часть доходов физических лиц составляет заработная плата. По информации Росстата среднемесячная номинальная заработная плата превысила отметку шестьдесят тысяч рублей. Однако нам представляется ошибочным в судебной практике при определении разумности присуждаемой денежной компенсации морального вреда в качестве критерия уровня жизни учитывать показатель прожиточного минимума вместо среднемесячной номинальной заработной платы за определенный период по официальным данным Росстата. Категория прожиточный минимум, согласно ст. 1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» имеет другое назначение и определяет минимальную, а не среднестатистическую, сумму доходов, необходимую для обеспечения жизнедеятельности гражданина.

За средними значениями уровня жизни и уровня доходов гражданина стоит некий среднестатистический разумный человек со своим объемом потребностей и представлениями о качестве жизни. В этом правовопонимании представление о современном разумном человеке пересекается с категорией некоторого абстрактного человека, предложенной профессором И. А. Покровским. Он отмечал, что «весь механизм гражданско-правовых норм покоится на предположении некоторого абстрактного человека, своего рода «гражданского человека». Это есть некоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в конкретной социальной среде и в данное время человеку». В то же время этот ученый предостерегал от забвения конкретного живого человека за этим абстрактным, «гражданским человеком» [1, с. 6 – 7].

Таким образом, новеллы в судебной практике, предложенные Пленумом Верховного Суда РФ, позволят сформировать новые подходы к установлению компенсации морального вреда и увеличить её присуждаемый размер.

Библиографический список

1. Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1913. 24 с.
2. Спиридонов С. П. Уровень жизни населения как основополагающий аспект качества жизни // Актуальные вопросы экономических наук. Материалы Международной научной конференции. Уфа: Издательство: «Лето», 2011. С. 5 – 7.
3. Ярошенко К. Б. Совершенствование гражданско-правовых форм защиты личных неимущественных прав граждан по советскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. 362 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Романова Г. В., кандидат юридических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен основополагающий институт деликтного права – возмещение морального вреда. Автором сделан акцент на важность знать и понимать особенности компенсации морального вреда, что в свою очередь является важным для правового, демократического общества и укрепления правовых основ Российской Федерации.

Ключевые слова: деликтное право, моральный вред, институт компенсации морального вреда.

CURRENT STATUS OF THE INSTITUTE FOR COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Romanova G. V., Candidate in Law, Associate Professor
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia

Abstract. The article considers the fundamental institution of tort law – compensation for moral harm. The author emphasizes the importance of knowing and understanding the features of compensation for moral damage, which in turn is important for a legal, democratic society and strengthening the legal foundations of the Russian Federation.

Keywords: tort law, moral damage, institution of compensation for moral damage.

Компенсация морального вреда на сегодняшний день остается весьма актуальной темой для граждан и вместе с тем проблемным вопросом как в материальном, так и в процессуальном праве. Довольно небольшой процент предъявляемых исков не содержит требований о компенсации морального вреда, о чем свидетельствует судебная практика.

В Российской Федерации заложены конституционные основы к возмещению морального вреда, но косвенно. Компенсация морального вреда в значительном размере для причинителя этого вреда могла бы стать решающим стоп-фактором, способным заставить последнего воздержаться от противоправных действий. Речь отнюдь не идет лишь о преступных деяниях, ведь моральный вред причиняется человеку в любом случае нарушающим его права и законные интересы поведением. Скорее речь о том, что в случае, если бы стороны, преимущественно ответчики (как физические, так и юридические лица, в том числе должностные лица государственной власти, к которым направлены обоснованные претензионные требования граждан, чьи права и законные интересы, по их мнению, нарушены действиями либо бездействием таких лиц), знали, что в случае игнорирования таких требований их ждут серьезные в выражении денежной суммы компенсации морального вреда, то стали бы более расположены к досудебному или скорее внесудебному урегулированию возникшего спора.

Последим «совершенствованием» института морального вреда и непосредственно компенсации морального вреда, безусловно, является последнее же постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», касающееся рассмат-

риваемого автором вопроса и заменяющее собой утраченное силу в связи с принятием нового постановления постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

Как отмечают А. С. Собачкин [4], Е. В. Брянская [1], Е. С. Верховец [2] и многие другие авторы, проблемы в данной области остались, более того, они мало чем отличаются от существовавших до выхода нового постановления, из чего следует, что проблематика сферы компенсации морального вреда остается неразрешенной.

Попробуем дать определение моральному вреду так, как это видит автор данной работы. Моральный вред – это не физические или нравственные страдания, а скорее, как отмечает А. А. Курдюмова, – «это вред, посягающий на систему воззрений жизненного назначения человека, вред, угнетающий представления о справедливости, совести, смысле жизни. Моральный вред подрывает веру человека в этические ценности общества, в конечном счете, наносит ущерб всему обществу» [3].

Моральный вред, с точки зрения автора, – это длительное, негативное психоэмоциональное состояние человека, возникающее с момента, когда человеку стало известно о том или ином нарушении его законных прав и свобод и продолжающееся до момента их восстановления путем удовлетворения требований претерпевшего лица, в том числе при помощи денежной компенсации морального вреда.

Негативное психоэмоциональное состояние человека в медицине определяется как депрессия; симптомы депрессии наиболее схожи с правовыми критериями определения морального вреда. Депрессия – это

психическое расстройство, основными признаками которого являются сниженное, угнетённое, подавленное, тоскливое, тревожное, боязливое или безразличное настроение и снижение или утрата способности получать удовольствие¹.

Моральный вред – это первый вред, который претерпевает человек при нарушении любых его прав и свобод, будь то правонарушение или преступление, совершенное в отношении человека. Оценка имущественного ущерба, а также неимущественного, такого как здоровье, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни и т. д., происходит много позже, но моральный вред человек начинает испытывать сразу же, как только ему стало известно о нарушении его как имущественных, так и неимущественных прав.

При определении суммы компенсации морального вреда суды должны учитывать материальное положение ответчика, и здесь наблюдается необъяснимый «перекося», поскольку судьи, по необъяснимой причине, учитывают только неблагоприятное материальное положение ответчика, а в случае, если материальное положение ответчика является благоприятно стабильным или если ответчик является лицом, обладающим крупным в денежном выражении состоянием, т. е. является лицом богатым, то тогда судьи руководствуются справедливостью и разумностью, при этом возмещая смехотворные суммы претерпевшей стороне, о чем свидетельствует обширная судебная практика, в том числе персональная практика автора данной работы.

Устранить эту неопределенность помогло бы, во-первых, внесение соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации, а именно закрепление термина «компенсация морального вреда» путем добавления части второй к ст. ст. 52 и 53 Конституции Российской Федерации.

Кроме этого, назрела абсолютная необходимость в принятии федерального закона, регулирующего правоотношения в сфере компенсации морального вреда, где будут подробно приведены все основания для компенсации морального вреда, а также собраны положения из уже изданных нормативно-правовых актов, в том числе из Конституции РФ, постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и имеющейся судебной практики. В нем будет дано определение морального вреда, охарактеризованы виды, степени тяжести морального вреда и т. д.

Так, степени тяжести морального вреда автор предлагает представить в том же виде, в котором представлены формы вины в ст. 15 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), ведь в своем Постановлении от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» Верховный Суд РФ указывает на то, что при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает форму и степень вины причинителя вреда, о чем также говорится в ст. 1101 Гражданского кодекса РФ.

В зависимости от характера и степени причиненного морального вреда, а также формы вины все деяния, в результате которых человеку был причинен моральный вред, должны подразделяться на следующие категории:

1. Моральный вред небольшой тяжести.
2. Моральный вред средней тяжести.
3. Тяжкий моральный вред.
4. Особо тяжкий моральный вред.

Степеням тяжести причиненного морального вреда автор предлагает присвоить следующие определения (или комментарии к каждой степени).

1. Моральный вред небольшой тяжести – в случае, если гражданину был причинен моральный вред без вреда для здоровья и/или жизни, чести и/или достоинству, деловой репутации, не был причинен имущественный вред и т. д. Например, если вылет самолета был перенесен на час раньше назначенного срока, но авиапассажир не был своевременно оповещен о переносе рейса и узнал об этом по факту, прибыв в аэропорт вылета, то здесь очевидно, что в результате того, что пассажир прибыл в место назначения на час позже какой-либо иной вред, кроме морального, у него может отсутствовать, но пассажир имеет право на компенсацию морального вреда в размере не ниже минимального прожиточного минимума в регионе ответчика – причинителя такого вреда.

2. Моральный вред средней тяжести – применяется в случае, если гражданину был причинен моральный вред, связанный с ущемлением чести и достоинства, нанесением оскорбления личности, либо в результате ущемления прав потребителя, но без ущерба для здоровья и/или жизни, без ущерба деловой репутации, повлекшего серьезные последствия в виде репутационных рисков и имущественных потерь, или был причинен незначительный имущественный вред и т. д.

3. Тяжкий моральный вред – это вред, возникший в результате причинения ущерба для здоровья и/или жизни, деловой репутации, когда был причинен значительный имущественный вред и т. д., в соответствии с правонарушениями, проступками и преступлениями, предусмотренными соответствующими кодексами Российской Федерации и санкциями, соответствующими каждому отдельному событию.

4. Особо тяжкий моральный вред – соответственно п. 3 предложенных автором комментариев. Кроме того, это состояние человека, возникающее из-за совокупности длящихся негативных обстоятельств, вызывающих страдания человека.

Данные степени должны применяться во всех отраслях судопроизводства – в уголовном, гражданском, административном и арбитражном, как в зависимости от тяжести преступления, запрещенного под угрозой наказания УК РФ, так и от проступков и иных правонарушений, предусмотренных другими кодексами и нормативно-правовыми актами.

В Законе «О компенсации морального вреда» необходимо определить нижний предел размера компенсации морального вреда, а именно установить данный предел на уровне минимального прожиточного минимума. Поскольку размер минимального прожиточного минимума устанавливается каждым субъектом Российской Федерации индивидуально, автор предлагает применять данный нижний предел по месту регистрации либо

¹ Приказ Минздрава России от 29.12.2012 № 1661н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при депрессии (рецидив) в стационарных условиях» (Зарегистрировано в Минюсте

России 07.03.2013 № 27565). Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2023).

по месту нахождения ответчика. Соответственно, например, если ответчик зарегистрирован либо его местом нахождения является город Москва, то и нижний предел компенсации морального вреда будет устанавливаться на уровне минимального прожиточного минимума в городе Москве и т. д. по каждому ответчику.

Данный Федеральный закон существенно облегчит работу судов Российской Федерации, внесет ясность в институт компенсации морального вреда, существенно снизит нагрузку как на суды в целом, так и на судей, и аппаратов судов всех уровней.

Кроме этого, данный Федеральный закон заставит потенциальных ответчиков всерьез задуматься о внесудебном либо досудебном порядке урегулирования споров, институты которых в данное время находятся в упадке, поскольку стороны, а именно ответчики, предпочитают игнорировать требования граждан, будучи уверенными в том, что если наказание и последует, то в ничтожно малом размере по сравнению с понесенным моральным вредом и многомесячным путем судебных процессов, что также благоприятно скажется на всем обществе и, в частности, на работе судов Российской Федерации.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что необходимость закрепления в Конституции РФ термина «компенсация морального вреда», а

также принятие Федерального закона «О компенсации морального вреда» очевидна и своевременна, поскольку это позволит устранить существующие пробелы, внесет ясность в выносимые судьями решения, а самое главное – граждане Российской Федерации будут знать и понимать свои права на компенсацию морального вреда.

Библиографический список

1. Брянская Е. В. Проблемы справедливости компенсации морального вреда в судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 96 – 102.
2. Верховец Е. С. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 3 (60). Том 1. С. 164 – 175.
3. Курдюмова А. А. К вопросу о современном понятии морального вреда // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 52 – 56.
4. Собачкин А. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда: анализ отдельных положений // Журнал «Legal Bulletin». 2023. № 1. Том 8. С. 97 – 103.

РОЛЬ ФАКТИЧЕСКОГО СОСТАВА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Савельева М. В., кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Актуальность проблемы вынесения персонализированного решения при индивидуальном правовом регулировании и соотношении решения с общими правовыми нормами при определении деликтной ответственности продолжает оставаться насущной. В статье автор попытался определить влияние фактического состава при вынесении решения о возмещении морального вреда и зависимость размера компенсации морального вреда от наличия групп юридических фактов в содержательной части фактических обстоятельств.

Ключевые слова: фактический состав, юридический факт, возмещение вреда, моральный вред, деликтная ответственность, деликт, юридическая практика, судебная практика.

THE ROLE OF THE ACTUAL COMPOSITION IN DETERMINING THE AMOUNT OF MORAL DAMAGE

Savelyeva M. V., Candidate in Law, Associate Professor
St. Petersburg University of the MIA of Russia
St. Petersburg, Russia

Abstract. The urgency of the problem of making a personalized decision in case of individual legal regulation and correlation of the decision with general legal norms in determining delicate liability continues to be urgent. In the article, the author tried to determine the influence of the actual composition when making a decision on compensation for moral damage and the dependence of the amount of compensation for moral damage on the presence of groups of legal facts in the content of the actual circumstances.

Keywords: actual composition, legal fact, compensation for harm, moral damage, tort liability, delict, legal practice, judicial practice.

Проблема определенности права и вопрос о свободном судебном претворении являются ключевыми при индивидуальном правовом регулировании. В работе, посвященной основным проблемам гражданского права, И. А. Покровский отметил, что одной из существенных требований, предъявляемых к праву, является требования определенности правовых норм. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было ясно указано, чего от него хотят, и какие рамки ему ставят [3, с. 91].

В правовом воздействии всегда присутствует моральное измерение, а значит риск несправедливости, выраженный публично. Часто правом определяется то, что в своем индивидуальном решении судья, как правоприменитель, интерпретирует как право. Рональд Дворкин выделил три неизменные проблемы, с которыми сталкивается судья при индивидуальном правовом регулировании (решении дела): проблема факта, проблема права и парная проблема политической морали и верности закону [1, с. 19].

Проблема факта определяется вопросом: «что случилось?». Вопрос факта кажется прямолинейным. Необходимо определить реальную историю событий, о которой идет спор, имелись ли в наличии обстоятельства, которые бы позволили говорить о правовой квалификации жизненного обстоятельства.

Для возникновения правоотношения по возмещению морального вреда основанием будет являться факт причинения вреда (деликт) – всякое нарушение субъективного права, а условиями – признаки, которые

характеризуют этот факт и без которых деликтная ответственность наступить не может [4, с. 77].

Как правило, в правовом регулировании единственный юридический факт не выступает в качестве предпосылки, а входит в группу фактического состава, элементы которого связаны определенным образом в пространстве и времени и составляют сложный по структуре фактический состав. Можно привести немало примеров, писал В. Б. Исаков, когда «основной» ствол фактической предпосылки построен по принципу группы юридических фактов, а ее «периферийные звенья» – фактические составы [2, с. 24]. Сложные фактические составы состоят из нескольких обязательных признаков, охватывающих своим содержанием все фактические обстоятельства.

Определяя размер компенсации морального вреда, судья выясняет все фактические обстоятельства, имеющие отношение к рассматриваемому делу, и одновременно решает проблему политической морали и верности закону. Правоприменителю необходимо продекларировать правило, принципы и ограничения или провести детализацию в целях правильного восприятия истинных оснований права относительно формулирования его с формулировками закона, а также определить, какой фактический состав необходим для возникновения правоотношения.

Моральный вред, в соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяется физическими и нравственными страданиями лица от действий, нарушающих его личные неимущественные права либо посягающих на при-

надлежащие гражданину нематериальные блага. «Термин «страдание» с необходимостью предполагает, что действия причинителя морального вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию», подчеркнул А. М. Эрделевский [5, с. 11]. Представляется, что переживания есть ни что иное, как нравственные страдания, а вредоносные изменения в охраняемых благах, отражающиеся в сознании индивида в форме ощущений, – физические страдания.

Суд определяет, какие именно нравственные и физические страдания, полученные личностью, повлекли моральный вред и нарушили субъективное право. Наделение потерпевшего определенным правом компенсации морального вреда может иметь юридические разногласия. Такие разногласия могут быть между непрофессиональными юристами, юристами и судьями. Рональд Дворкин предлагает деление разногласий на эмпирические разногласия и теоретические разногласия [1, с. 22]. Эмпирические разногласия касаются наличия закона, содержащего оспариваемую норму. Теоретические разногласия представляют большую проблему. Если, как пишет этот ученый, у обычных людей, преподавателей юриспруденции, практикующих юристов и судей нет хорошего ответа на вопрос о том, как возможны теоретические разногласия и в чем они выражаются, то у нас нет самых основ хорошего механизма разумной и конструктивной критики того, что делают наши судьи [1, с. 29].

Юридическая практика всегда аргументирована, а судья выносит мотивированное решение, изучив все материалы дела и давая им соответствующую юридическую оценку. И, если право – социальный феномен, позволяющий регулировать общественные отношения, то люди, обосновывают и отстаивают свое право, утверждая или опровергая правовые основания, которые могут стать фактическим составом. Судейская аргументация в индивидуальном регулировании обычно более явна, и доводы судей оказывают влияние на другие формы юридической практики.

Верховный Суд в целях обеспечения единства практики применения судами норм о компенсации морального вреда в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» разъяснил необходимость судам:

1) в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда;

2) соотносить их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности;

3) учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела;

4) учесть требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав.

Определяя размер компенсации морального вреда, говорится в п. 26 вышеуказанного Постановления, суду необходимо, в частности, установить:

1) какие конкретно действия или бездействие причинителя вреда привели к нарушению личных нематериальных прав заявителя или явились посягательством на принадлежащие ему нематериальные блага;

2) имеется ли причинная связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и наступившими негативными последствиями;

3) форму и степень вины причинителя вреда;

4) полноту мер, принятых причинителем для снижения (исключения) вреда.

Заметим, что по ранее действующему постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10:

1) размер компенсации зависит от: а) характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий; б) степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований;

2) при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости;

3) степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

Сравнивая эти два интерпретационных акта можно прийти к выводу, что Верховный Суд, проанализировав судебную практику, конкретизировал требования, предъявляемые для судебной аргументации в определении возможности компенсации морального вреда и размера такой компенсации.

В судебной практике при определении морального вреда суд, оценивая доказательство по своему внутреннему убеждению, исследуя фактические обстоятельства, должен определить, каковы правоотношения между сторонами, какой закон должен быть применен по конкретному делу.

Например, в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-32882/2022 от 20.12.2022 о компенсации морального вреда родственникам погибших кассационный суд обратил внимание, что судами нарушены принципы и критерии определения размера компенсации морального вреда. В обосновании своей позиции кассационный суд указал, что нижестоящими судами не установлено, сколько всего близких родственников у погибших, каков общий размер взысканного возмещения компенсации морального вреда, не выяснена тяжесть причиненных истцам физических и нравственных страданий в связи с гибелью близкого человека, не учтены индивидуальные особенности личности истцов.

Таким образом, вопрос фактического состава при определении морального вреда становится вопросом субъективного права. Персонификация сообщества в общей системе законодательной мысли должна быть конкретизирована в принятии индивидуального правового решения.

Следует обратить внимание на тот факт, что Верховный Суд Российской Федерации не уделяет внимание пространственным и временным критериям деликтного правоотношения. В отличие от судов Великобритании и Америки.

В этой связи особый интерес представляет дело Маклофлин. Муж и четверо детей миссис Маклофлин пострадали в дорожной аварии в Англии 19.10.1973 примерно в 16:00. Находясь дома, она услышала об аварии от соседа примерно в 18:00 и немедленно отправилась в

больницу, где узнала, что дочь погибла и увидела мужа и остальных детей в тяжелом состоянии. Она испытала нервный шок и позднее подала иск против водителя, чья неосторожность привела к аварии, требуя компенсации морального вреда. Адвокат миссис Маклофлин настаивал на том, что люди ее положения имеют право на компенсацию. Судья первой инстанции полагал, что травма, полученная вдали от места происшествия, не является «предвидимой». Согласно принципу общего права, применяемому в Великобритании и в Америке, люди, действующие неосторожно, несут ответственность только за разумно предвидимый вред другим, то есть вред, который разумный человек предвидел бы, если бы подумал о ситуации. Моральный вред близким родственникам на месте происшествия, по мнению судьи первой инстанции, разумно предвидим, однако травма матери, увидевшей последствия аварии, таковой не является. Апелляционный суд подтвердил решение судьи первой инстанции, согласившись, что расширение сферы ответственности, включающей вред родственникам не на месте происшествия, усугубит перегруженность судов и откроет новые возможности для мошеннических исков, а также увеличит стоимость страховой ответственности. Палата лордов отменила решение и отправила дело на новое рассмотрение. Решение было единогласным, но их светлости разошлись во мнениях, что называется истинным состоянием права, два члена палаты лордов заявили, что неправильно отказывать в компенсации достойным истцам на основании такого рода возражений, которые заявлены Апелляционным судом; ущерб матери в больнице через несколько часов после происшествия разумно предвидим для неосторожного водителя. Перегруженность судов и рост стоимости автомобильной страховки, заявили лорды, не могут оправдать отказ от реализации индивидуальных прав и обязанностей,

признанных и реализованных ранее [1, с. 45 – 50]. Этот спор выявил важную проблему политической морали и верности закону в обоснованности вынесения решения, определил, что теория относительности играет важную роль в определении существования права. Однако представляется интересным установление степени страданий лица, в зависимости от пространственно-временных критериев полученных страданий.

Справедливость, разумность, соразмерность и реальность выступают основными критериями определения размера компенсации морального вреда.

Роль фактического состава при определении размера морального вреда приобретает особую остроту и практическое значение в тех случаях, когда закон ощущается как норма несправедливая или когда правоприменитель оставляет неясности и пробелы при вынесении решения.

Библиографический список

1. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 592 с.
2. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 143 с.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.
4. Савельева М. В. Компенсация за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием: использование судами оценочных понятий при определении её размера // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 75 – 83.
5. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно-практическое пособие. М.: Издательство БЕК, 1997. 188 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИВОТНЫМИ БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦА

Филиппова О. С., кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
г. Омск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы ответственности за вред, причиненный животными без владельца. Соотносятся понятия «безнадзорное животное» и «животное без владельца». Анализируются основания привлечения к ответственности за вред, причиненный животными без владельца. Ставится вопрос о том, всегда ли органы власти субъекта или муниципалитет должны нести ответственность за вред, причиненный животными без владельцев.

Ключевые слова: безнадзорное животное, животное без владельца, ответственность, органы власти, муниципалитет, чипирование.

RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM TO ANIMALS WITHOUT AN OWNER

Filippova O. S., Candidate of Law, Associate Professor
Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Omsk, Russia

Abstract. The article discusses the issues of liability for damage caused by animals without an owner. The concepts of "neglected animal" and "animal without an owner" are correlated. The reasons for bringing to responsibility for the harm caused by animals without an owner are analyzed. The question is raised whether the authorities of the subject or the municipality should always be responsible for the harm caused by animals without owners.

Keywords: neglected animal, animal without owner, responsibility, authorities, municipality, chipping.

В настоящей статье освещается гражданско-правовой аспект далеко не новой, имеющей комплексный характер, проблемы ответственности за причинение вреда животными без владельца. Очевидно, что теоретически животным без владельца может быть не только бездомная собака, однако автор ограничивает свое исследование только этими животными, что объясняется наибольшим числом случаев причинения вреда именно собаками.

По данным газеты «Известия» от укусов бродячих животных за первые восемь месяцев 2019 года пострадали 287 тыс. человек, около 30 % из них – дети. За весь прошлый год к медикам обратились более 385 тыс. укушенных, сообщили «Известиям» в Роспотребнадзоре. Статистику получивших тяжкие увечья или погибших в таких инцидентах не ведет ни МВД, ни Следственный комитет. Это следует из полученных «Известиями» ответов от них. Никто не считает количество уголовных дел по нападениям собак на людей. За бездомных животных отвечают муниципалитеты. Но их нормативные документы не предусматривают оперативного отлова таких собак и их проверку на бешенство [2].

На страницах «Московского комсомольца» сообщается, что количество бродячих собак в России в 2022 году достигло 735 тысяч, в Москве – ста тысяч. И это еще не предел. С каждым годом, утверждают специалисты, на улицах становится все больше бездомных «братьев меньших», многие из которых опасны для людей. Об этом, в частности, шла речь на заседании круглого стола, посвященного бродячим животным [4].

Информация о нападении бродячих собак на людей появляется на просторах всемирной паутины с

завидной регулярностью. Так, в Российской газете за 27.06.2023 сообщается о том, что в Омске Следственное управление Следственного Комитета РФ по Омской области возбудил уголовное дело о халатности после нападения собак на детей в поселке Лузино. По данным следователей, стая бродячих собак покусала троих ребятишек в возрасте 8, 9 и 11 лет. В недобросовестном отношении к должностным обязанностям по отлову бездомных животных подозревают работников администрации Омского муниципального района [1].

В действующем законодательстве можно встретить два понятия: «безнадзорное животное» (ст. 230 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) и «животное без владельца» (ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 498-ФЗ или Закон)).

В ст. 230 ГК РФ не дается определение «безнадзорное животное», вместе с тем указывается, что лицо, задержавшее безнадзорный или пригульный скот, или других безнадзорных домашних животных, обязано возвратить их собственнику. Если собственник животных или место его пребывания неизвестны, не позднее трех дней с момента задержания заявить об обнаруженных животных в полицию или в орган местного самоуправления, которые принимают меры к розыску собственника. В содержании Федерального закона № 498-ФЗ животное без владельца – это животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен.

По нашему мнению, понятия «безнадзорное животное» и «животное без владельца» не тождественны и

имеют различное содержание. Понятие «безнадзорное животное» выступает более широким, чем понятие «животное без владельца», поскольку после процедуры чипирования безнадзорного животного, есть все основания полагать, что животное все же под надзором, но без владельца.

Указанные выводы напрашиваются после системного анализа норм упомянутого Закона.

Так, в ст. 4 Федерального закона № 498-ФЗ сказано, что обращение с животными основывается на следующих нравственных принципах и принципах гуманности:

- отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания;
- ответственность человека за судьбу животного;
- воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным;
- научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

В ст. 7 этого же Закона закреплены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области обращения с животными, к которым относятся:

- установление порядка организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в них в соответствии с утвержденными Правительством РФ методическими указаниями по организации деятельности приютов для животных и нормам содержания животных в них;
- установление порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев, согласно утвержденным Правительством РФ методическим указаниям по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев;
- установление порядка предотвращения причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан в соответствии с утвержденными Правительством Российской Федерации методическими указаниями;
- утверждение положения о региональном государственном контроле (надзоре) в области обращения с животными;
- иные полномочия, предусмотренные законодательством в области обращения с животными.

Далее указывается, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе создавать приюты для животных и обеспечивать их функционирование на территории соответствующего субъекта Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе (*т. е. не обязаны – авт.*) наделять отдельными полномочиями в области обращения с животными органы местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации.

Таким образом, в анализируемом Законе закрепляется обязанность органов государственной власти субъектов РФ установить порядок осуществления деятельности по обращению с животными, установить порядок организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в них, однако, нет ни

одной нормы об ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации за причинение вреда животным без владельца.

Не устраняет выявленного пробела и Постановление Правительства РФ от 03.11.2022 № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан» (далее – Постановление или Методические рекомендации).

В соответствии с п. 3 Постановления к фактам причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан относятся:

- а) причинение животными без владельцев травм, повлекших смерть гражданина;
- б) причинение животными без владельцев травм, повлекших вред здоровью гражданина различной степени тяжести.

В Методических рекомендациях имеются в виду случаи, при которых животные без владельцев представляют угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан либо способствуют ее возникновению, в том числе следующие случаи:

- а) нахождение животных без владельцев в местах массового пребывания людей, в границах тепловых сетей и мест (площадок) накопления отходов;
- б) проявление животными без владельцев немотивированной агрессивности в отношении других животных или человека;
- в) нахождение животных без владельцев в местах, на которые их возвращать запрещено.

Меры по снижению риска причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан включают себе следующие: (1) мониторинг состояния популяции животных без владельцев; (2) выявление и отлов животных без владельцев с последующим помещением в приют для животных; (3) иные.

В ст. 18 Федерального закона № 498-ФЗ перечислены мероприятия при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев. К таковым относятся:

- отлов животных без владельцев, в том числе их транспортировку и немедленную передачу в приюты для животных;
- содержание животных без владельцев в приютах для животных;
- возврат потерявшихся животных их владельцам, а также поиск новых владельцев поступившим в приюты для животных животным без владельцев;
- возврат животных без владельцев, не проявляющих немотивированной агрессивности, на прежние места их обитания после определенных мероприятий (в т. ч. чипирования);
- размещение в приютах для животных и содержание в них животных без владельцев, которые не могут быть возвращены на прежние места их обитания, до момента передачи таких животных новым владельцам или наступления естественной смерти таких животных.

В связи с изложенным, учитывая системное толкование норм специального Закона, можно сделать вывод, что изымать из среды можно только тех животных, которые не чипированы, а также тех, кто чипирован, но при этом проявляет немотивированную агрессию. Причем специализированные организации должны

приехать для отлова таких собак именно в момент их немотивированной агрессии. На наш взгляд, это сделать достаточно сложно, поскольку животное могло демонстрировать немотивированную агрессию, а к моменту приезда специализированной организации успокоиться или вовсе убежать с «места происшествия».

Интерес представляет то, как вышеизложенный порядок применяется на практике, и кто же все-таки будет нести ответственности за вред, причиненный животным без владельца.

Общие основания деликтной ответственности сформулированы в ст. 1064 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Отметим, что вред, причиненный в результате нападения собак, может быть квалифицирован и по ст. 1079 ГК РФ, как причинение вреда источником повышенной опасности, где не учитывается вина причинителя вреда. При этом практика судов в этом вопросе не единообразна. Как указывает Н. Ю. Шишлов, часть судов относит к источникам повышенной опасности животных, принадлежащих к определённой породе или группе, другая часть судов относит животных к источникам повышенной опасности вне зависимости от их принадлежности к определённой породе или группе, а третья часть судов вообще не признают животных в качестве источников повышенной опасности [5, с. 29].

Если же анализировать практику на предмет возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан, в результате нападения животными без владельцев, то и здесь имеются разные решения, как положительные для потерпевших и их родственников, так и отрицательные.

Так, в одном из дел потерпевшая подверглась нападению стаи бездомных собак в районе железнодорожной станции в г. Саратов. Решением Волжского районного суда города Саратова от 08.10.2020, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 23.12.2020, исковые требования удовлетворены частично. С администрации муниципального образования «Город Саратов» за счет средств казны муниципального образования «Город Саратов» в пользу Н. В. Борисовой взыскана компенсация морального вреда в размере 10000 рублей. С администрации муниципального образования «Город Саратов» за счет средств казны муниципального образования «Город Саратов» в пользу ГУЗ «БСМЭ МЗ СО» взысканы расходы по экспертизе в размере 12600 рублей.

Судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 по делу № 8Г-9446/2021/88-10400/2021, сохраняя в силе решение суда первой инстанции, пришла к следующим выводам. Выделялись бюджетные средства из областного бюджета в город..., на исполнение переданных полномочий выделено ... рублей, главным распорядителем бюджетных средств муниципального образования является администрация муниципального образования, следовательно, в соответствии с положениями ст. ст. 125, 1069, 1071 ГК РФ и п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации является ответственным лицом за возмещение причиненного ущерба.

Кроме того, доводы жалобы об отсутствии причинно-следственной связи между действиями администрации муниципального образования и причинением вреда истцу не нашли своего подтверждения, опровергаются бездействием ответчика, выразившемся в непринятии мер по отлову безнадзорных животных, и причинением истцу морального вреда.

Однако в другом деле суд отказал в компенсации вреда родственнику погибшей от укусов собак. Так, в мае 2018 года судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия оставила без удовлетворения апелляционную жалобу С. В. Сорокина на решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 07.02.18. С. В. Сорокину не удалось взыскать с органов власти республики Мордовия компенсацию морального вреда, полученного вследствие гибели его супруги после укусов бездомных собак. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия ссылаясь, в том числе на то, что не доказан факт причинения смерти супруги Сорокина в результате нападения на неё именно безнадзорных собак, не имеющих владельцев.

В связи с тем, что судебная практика по исследуемому вопросу не единообразна, следует согласиться с Д. О. Маркадеевым, который предлагает законодательно закрепить презумпцию собственности муниципалитетов или уполномоченных органов государственной власти на безнадзорных собак в случае причинения ими вреда. То есть, если гражданин пострадает от безнадзорных животных, то собственником таких животных будет признаваться муниципалитет или уполномоченные органы государственной власти, если не будет доказано иное [3, с. 71].

Вместе с тем полагаем, что такая презумпция собственности должна возникать в отношении не всех, а только чипированных и/или вакцинированных собак (так можно понять с какого момента государство в лице своих органов должно будет нести ответственность за вред, причиненный таким животным, с какого момента такое животное становится не безнадзорным, хоть и не имеющим владельца), которые ранее были отловлены и потом снова возвращены в среду. В противном же случае возможны злоупотребления со стороны действительных собственников, тех, кто вчера отпустил (или выгнал) свою собаку, а завтра не захочет нести ответственность за ее действия в надежде, что за него ответит государство.

Библиографический список

1. Граф Н. В Омске возбудили дело о нападении собак на троих детей [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Московский Комсомолец». URL: <https://rg.ru/2023/06/27/reg-sibfo/v-omske-vozбудили-delo-o-napadenii-sobak-na-troih-detej.html?ysclid=lji1xjsf38465204572> (дата обращения: 05.06.2023).

2. Клин Б. Собачья воля: 290 тысяч россиян пострадали от укусов бездомных животных в этом году [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/939901/boris-kljn/sobachia-volia-290-tys-rossii-an-postradali-ot-ukusov-bezdomnykh-zhivotnykh-v-etom-godu?ysclid=lji17wiape481271172> (дата обращения: 01.06.2023).

3. Маркадеев Д. О. Признание собак источниками повышенной опасности. Законодательные меры, направленные на предупреждение вреда, причиняемого владельческими и безнадзорными животными // Вестник магистратуры. 2019. № 3-1 (90). С. 69 – 72.

4. Соколова Е. Названо количество нападений агрессивных бродячих собак на россиян [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Московский Комсомолец». URL: <https://www.mk.ru/social/2022/05/17/>

nazvano-kolichestvo-napadeniy-agressivnykh-brodyachikh-sobak-na-rossiyan.html?ysclid=lji2aly8qf868148875 (дата обращения: 05.06.2023).

5. Шишлов Н. Ю. Проблема отнесения животных к источникам повышенной опасности и проблема возложения ответственности на их владельцев // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 1 (14). С. 28 – 30.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН, ПОСТРАДАВШИХ ОТ РАДИАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Черепанцева Ю. С., кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Оренбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены принципы равенства и справедливости, заложенные в основу решения вопроса о возмещении вреда жизни и здоровью граждан, пострадавших от неблагоприятного воздействия радиации. На основе анализа закрепленного в специальном законодательстве особого механизма возмещения вреда, определяемого автором как социально-правовой, показано проявление вышеуказанных принципов.

Ключевые слова: жизнь и здоровье, возмещение вреда, радиационное воздействие, справедливость, равенство, социально-правовой механизм.

ENSURING EQUALITY AND JUSTICE IN COMPENSATION FOR HARM TO THE LIFE AND HEALTH OF CITIZENS AFFECTED BY RADIATION EXPOSURE

Cherepantseva Yu. S., Candidate in Law, Associate Professor
Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA)
Orenburg, Russia

Abstract. The article considers the principles of equality and justice, which are the basis for solving the issue of compensation for harm to the life and health of citizens affected by the adverse effects of radiation. Based on the analysis of the special mechanism of compensation for harm fixed in special legislation, defined by the author as socio-legal, the manifestation of the above principles is shown.

Keywords: life and health, compensation for harm, radiation exposure, justice, equality, social and legal mechanism.

Исходя из провозглашенного Конституцией Российской Федерации ценностного подхода в определении жизни и здоровья личности, вопросы возмещения вреда имеют существенное социальное и экономическое значение. Они защищают интересы, с одной стороны, лиц, здоровью которых причинен ущерб, а с другой – важны для обеспечения прав членов семьи, когда их кормилец умер вследствие негативного радиационного воздействия.

Проблема возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека, всегда была неоднозначна, а в условиях радиационного воздействия она приобретает специфический характер. Это связано с тем, что ее решение находится на стыке отраслевого регулирования.

Гражданский кодекс Российской Федерации дает нам представление о вреде, причиненном личности и имуществу, и согласно его правилам, вред возмещается лицом, его причинившим (ст. ст. 1064 – 1098). Однако исходя из радиационного воздействия, как наиболее опасного для человека, как по его уровню, так и по последствиям для здоровья и жизни, возмещение вреда предопределяется сложностью определения ущерба и его размера в результате подобного инцидента, установлением причинно-следственной связи, длительностью причинения вреда, а также трудностью в определении конкретного виновника. В решении данного вопроса следует опираться на ст. ст. 56 и 57 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», где указывается на особенности возмещения вреда, причиненного радиационным воздействием.

И как следует из правовой дефиниции, такой вред возмещается не только предприятием-причинителем, но и государством. Законодатель определил, что основные объемы возмещаемого вреда в рамках исполнения гражданско-правовых обязательств возложены на эксплуатирующую организацию, а то, что невозможно возместить в таком порядке (т. е. до полного размера), государство принимает на себя, как бремя ответственности перед пострадавшими гражданами.

Участие государства в возмещении радиационного вреда является дополнительной гарантией реализации данного права. Избрав подобный способ в качестве максимально возможного восстановления прав потерпевших лиц, государство основывает свою деятельность на соблюдении определенных принципов, в числе которых следует выделить принципы равенства и справедливости.

Мы не будем останавливаться на характеристике каждого из принципов в виду того, что данные вопросы уже давно являются предметом рассмотрения представителей различных наук. С точки зрения правового регулирования, нельзя не вспомнить Дигесты Юстиниана: «Право получило свое название от слова «справедливость»... » [1, с. 87].

Анализируя гражданского законодательства, не трудно заметить, что принцип справедливости находит свое проявление во многих положениях о договорных обязательствах, и непосредственно, в вопросах возмещения вреда. При этом свои особенности он проявляет непосредственно при возмещении вреда жизни и здоровью, т. к. справедливость требует возмещения такого вреда во всех случаях [5, с. 29].

Данный принцип сложно рассматривать в отрыве от принципа равенства. Более того, право рассматривается как соединение справедливости и равенства [2, с. 417]. Их единство проявляется исходя из оказываемого правового воздействия, когда оно утверждает справедливость и равенство в необходимой и достаточной степени.

Провозглашение равной ценности жизни и здоровья всех граждан заложено в основу возмещения вреда, особенно тогда, когда он причиняется под воздействием опасных поражающих факторов радиации.

При этом проявление принципов равенства и справедливости очевидны. Учитывая сами объекты воздействия, масштабы, неисчисляемость и невозможность причиненного вреда, государство пришло к пониманию недостаточности традиционных отраслевых средств. В рамках гражданско-правового регулирования возместить причиненный вред жизни и здоровью невозможно, так же как недостаточными оказываются и правовые средства иных отраслей (экологического, административного права). Исходя из возложенной на себя государством обязанности по возмещению вреда при радиационных авариях в полном объеме, избран публично-правовой способ (или его еще называют компенсаторным). При его реализации гражданам представляются компенсации и льготы в объеме возмещаемого вреда. Поэтому считаем, что подобный механизм возмещения вреда жизни и здоровью граждан следует рассматривать в качестве социально-правового. Его обоснование было дано в постановлении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П. С учетом сформулированных правовых позиций, полагаем, что его особенности заключаются в следующем.

1. Принятие специального законодательства по вопросам социальной защиты граждан, пострадавших от негативного радиационного воздействия. Такое законодательства строго категорично и охватывает тех, кто получил свое название благодаря произошедшему инциденту – чернобыльцы (катастрофа на Чернобыльской АЭС), маяковцы (авария на производственном объединении «Маяк» и сброс радиоактивных отходов в реку Теча), ветераны подразделений особого риска (участники испытаний атомного оружия на Тоцком полигоне), семипалатинцы (испытания на Семипалатинском полигоне) и др. К числу нормативных актов, составляющий этот блок социально-обеспечительного законодательства, относятся: Постановление Правительства РФ от 11 декабря 1992 г. № 958 «О мерах по обеспечению социальной защиты граждан из подразделений особого риска»; Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»; Федеральный закон от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча»; Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» и др.

2. Определен комплекс мер, включающих в себя как денежные формы обеспечения, так и натуральные. Эти меры действительно уникальны, т. к. принадлежат к системе назначаемых государством пенсий, пособий, компенсаций, единовременных денежных выплат, льгот, медицинской помощи и т. п. Набором пригодных для достижения целей защиты средств, необходимым регулятивным потенциалом, позволяющим гарантировать защиту, обладает такая отрасль как право социального обеспечения. Будучи публично-правовой отраслью, право социального обеспечения направлено не на предотвращение социального риска (он уже наступил и предотвратить его невозможно), а на компенсацию возникших у граждан последствий [3, с. 103].

3. Особый порядок установления факта причиненного вреда. В рамках реализации права на возмещение вреда создана сеть межведомственных экспертных советов по установлению причинной связи заболевания, инвалидности и смерти гражданина с воздействием радиации.

На наш взгляд, обеспечение равенства и справедливости является основой социально-правового механизма. В чем же они находят свое выражение при возмещении вреда жизни и здоровью в случаях негативного радиационного воздействия?

Прежде всего, это ответственность за риск радиационного вреда. Мы видим, что в вопросах воздействия радиации (с учетом всех ее физических, химических, биологических, медицинских характеристик) очевидны как степень ее опасности для человека, так и последующее сохраняющееся негативное влияние не только на людей, но и на окружающую среду. Поэтому отвечать только за риск причинения вреда было бы недопустимо. В вышеперечисленных нормативных правовых актах законодатель закрепляет презумпцию возникновения такого вреда уже после радиационной катастрофы.

Следовательно, возмещение гарантировано не только для тех, кто непосредственно попал под прямое воздействие поражающих факторов, но и для их потомков (дети первого и второго поколения, внуки, правнуки ликвидаторов аварии). Характеризуя это как косвенное воздействие, возмещение обусловлено деформацией генетического уровня (последующие поколения, которым передаются негативные изменения по наследству). Кроме того, на решение вопросов о возмещении и его размерах влияет и территориальный фактор (или зонирование), с учетом экологической обстановки на территории и степени радиационного воздействия.

Равенство, на наш взгляд, проявляется и в дифференцированном подходе. Мы рассматриваем это не только как особенность данного принципа, но и как положение, на котором основывается социально-правовой механизм, т. к. очевидно, что степень вреда от радиации у участников радиационного инцидента не может быть такой же, как, например, у его внуков. Тем более что и Конституционный Суд в своих решениях подтверждает возможность применения законодателем дифференцированного подхода, если он объективно оправдан, обоснован, преследует конституционно значимые цели, с ис-

пользованием для их достижения правовых средств, соразмерных им (постановления от 24 октября 2012 г. № 23-П, от 8 февраля 2018 г. № 7-П и др.).

В аспекте обеспечения равенства и справедливости нельзя не подчеркнуть и недопустимость уменьшения размера назначенных выплат при изменении законодательства. В своих решениях Конституционный Суд неоднократно подчеркивал запрет умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершении правонарушения и условий возмещения, причиненного здоровью граждан. Более того, весьма примечателен вывод о необходимости обеспечения уровня стабильности в отношениях между государством и обществом на уровне не меньшем, чем в сфере иных правоотношений [4, с. 120].

Выделенные в процессе исследования особенности, конечно, не идеальны и требуют решения собственных им насущных проблем, прежде всего, в рамках сформировавшегося специального законодательства. Но несмотря ни на что, реальная справедливость и равенство, или как минимум, стремление к ним, должны найти свое достойное место в системе возмещения вреда жизни и здоровью, полученного человеком в результате неблагоприятного воздействия радиации.

Библиографический список

1. Дигесты Юстиниана *Digesta Iustiniani*: [Пер. с лат.] / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Москва: Статут, 2002 – 2006. Т. 1, кн. 1 – 4. 2002. 583 с.
2. Елисеев Д. Б. Справедливость, равенство и здравый смысл как ценностные основания процесса медиации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 415 – 422.
3. Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: монография. Екатеринбург: Изд. УИУ РАНХиГС, 2018. 240 с.
4. Киселев И. Н. Проблемы реализации законодательства об ответственности государства за вред, причиненный катастрофой на чернобыльской АЭС // Право: история, теория, практика: Сборник статей и материалов. Выпуск 22. Брянск: ООО «Новый проект», 2018. С. 118 – 127.
5. Павлухин А. Н., Михайлова И. А., Эриашвили Н. Д. К вопросу об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности в гражданском праве // Закон и право. 2021. № 11. С. 21 – 31.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ НА СЛУЧАЙ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТОВ

Шепель Т. В., доктор юридических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме гражданско-правового регулирования обязательного страхования при причинении вреда жизни или здоровью пациентов медицинских организаций. Дан сравнительный анализ проекта Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами» 2010 г. и проекта Федерального закона «Об обязательном страховании пациентов при оказании им медицинской помощи» 2013 г. в части определения понятия страхового случая. Показано несовершенство предлагаемых в проекте дефиниций страхового случая и предложены способы его устранения.

Ключевые слова: обязательное страхование ответственности, страховой случай, профессиональная ответственность, ответственность из причинения вреда, гражданское правонарушение, врачебная ошибка.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COMPULSORY INSURANCE IN CASE OF HARM TO THE LIFE OR HEALTH OF PATIENTS

Shepel T. V., Doctor of Law, Professor
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of civil law regulation of compulsory insurance in case of harm to the life or health of patients of medical organizations. A comparative analysis of the draft Federal Law "On compulsory insurance of civil liability of medical organizations to patients" of 2010 is given and the draft Federal Law "On compulsory insurance of patients when providing them with medical care" in 2013 regarding the definition of the concept of an insured event. The imperfection of the definitions of the insured event proposed in the project is shown and ways to eliminate it are proposed.

Keywords: compulsory liability insurance, insured event, professional liability, liability for causing harm, civil offense, medical error.

Институт страхования ответственности не был известен царской России. В советский период этого института также не существовало. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) впервые содержит нормы о страховании ответственности как отдельном виде имущественного страхования.

В научной литературе вопрос о том, какая именно ответственность медицинских организаций подлежит обязательному страхованию, является дискуссионным. Одни ученые считают, что должна страховаться договорная ответственность; другие полагают, что эта ответственность является только внедоговорной – деликтной; многие специалисты в области здравоохранения расценивают её как профессиональную. У нас не вызывает сомнений, что подлежит страхованию именно деликтная ответственность за причинение вреда жизни или здоровью пациента. Статья 1084 ГК РФ устанавливает императивное правило – даже если вред жизни или здоровью причинен при исполнении договора (в том числе договора на оказание возмездных медицинских услуг), ответственность наступает по правилам главы 59 ГК РФ об обязательствах из причинения вреда.

Вопреки распространенному мнению, ответственность медицинских организаций, подлежащая страхованию, не может расцениваться как профессиональная. В данном случае страхуется не риск профессиональной ответственности (как нотариуса, оценщика

и т. д.), а риск причинения вреда личности пациента. Законодатель однозначен – в таких случаях наступает именно ответственность из причинения вреда. Кроме того, если бы мы оценивали ответственность медицинской организации как профессиональную, моментально возник бы вопрос – какими нормами ГК РФ регламентируется страхование этого вида ответственности? Законодатель о таком специальном виде страхования ответственности не упоминает, предусмотрено только два вида страхования: страхование договорной ответственности и ответственности из причинения вреда. Подтверждением тому является правило, закрепленное в подпункте 2 п. 2 ст. 929 ГК РФ, согласно которому по договору имущественного страхования может быть застрахован риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также риск ответственности по договорам.

В настоящее время наблюдается тенденция расширения установленных законом случаев обязательного страхования ответственности (владельцев транспортных средств, перевозчиков при причинении вреда пассажирам, профессионалов: нотариусов, адвокатов, оценщиков и т. д.). Одним из видов обязательного страхования ответственности должно быть страхование ответственности медицинских организаций. С 1 января

2012 года вступил в силу Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Пунктом 10 статьи 79 данного Закона закреплена обязанность медицинских организаций осуществлять страхование на случай причинения вреда жизни и (или) здоровью пациента при оказании медицинской помощи. Но реализация данной нормы возможна только на основании соответствующего Федерального закона.

Разработанный Министерством здравоохранения и социального развития РФ проект Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами» от 2 сентября 2010 г. (далее – проект ФЗ 2010 г.) [3] был отклонен вследствие его явного несовершенства. Позднее был разработан ещё один проект Федерального закона «Об обязательном страховании пациентов при оказании им медицинской помощи» (далее – проект ФЗ 2013 г.) [4]. Данный проект также до сих пор не принят.

Одной из основных причин отсутствия в России эффективного правового регулирования обязательного страхования ответственности медицинской организации является колебание законодателя в понимании *страхового случая*, при наступлении которого должны осуществляться страховые выплаты пациентам.

В соответствии с п/п 2 п. 1 ст. 942 ГК РФ страховым случаем является событие, при наступлении которого осуществляется страхование. В п. 11 ст. 1 проекта ФЗ 2010 г. страховой случай определялся как *наступление гражданской ответственности* медицинской организации за причинение вреда жизни или здоровью потерпевшего (потерпевших) при оказании медицинской помощи. При этом возможность выплаты страхового возмещения была существенно ограничена правилами о том, что вред жизни или здоровью пациента должен выразиться в смерти пациента или ухудшении его здоровья, повлекшем установление инвалидности (п. 11 ст. 1); и практически «сведена к нулю» исключением из числа страховых случаев причинения морального вреда или упущенной выгоды (п/п «б» п. 2 ст. 6). Несмотря на узость трактовки страхового случая, по крайней мере, было ясно, что страховое возмещение должно выплачиваться только при наличии основания гражданско-правовой ответственности медицинской организации – правонарушения.

В проекте ФЗ 2013 г. подход к пониманию страхового случая существенно изменился, несмотря на сохранение в нем уже названных ограничений и исключений. Согласно п. 6 ст. 1 страховой случай определяется как *причинение вреда жизни и здоровью* застрахованного лица при оказании медицинской помощи, *вследствие врачебной ошибки*. При этом впервые на законодательном уровне сделана попытка определения врачебной ошибки как действия либо бездействия медицинской организации (медицинского работника), повлекшего, *независимо от вины* медицинской организации и ее медицинского работника, причинение вреда жизни и здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи.

Такая дефиниция страхового случая вызывает серьезные возражения и, на мой взгляд, является «шагом назад» в трактовке страхового случая по сравнению даже с несовершенным и повсеместно критикуемым проектом ФЗ 2010 г.

Во-первых, в отличие от прежнего проекта, проект ФЗ 2013 г. стал относить обязательное страхование пациентов *не к имущественному* страхованию (страхованию гражданско-правовой ответственности), а *к личному страхованию*, которое может производиться на случай причинения вреда жизни или здоровью застрахованного лица (п. 1 ст. 934 ГК РФ). Действительно, российскому законодательству ещё совсем недавно были известны виды такого страхования: страхование от несчастных случаев пассажиров на транспорте; туристов и экскурсантов; работников от несчастных случаев на производстве. Однако в настоящее время они заменены или социальным страхованием за счет средств Фонда обязательного социального страхования (страхование от несчастных случаев на производстве) или обязательным страхованием ответственности (например, с 1 января 2013 г. – страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров). Существует комплекс объективных факторов, объясняющих изменение законодательных подходов к названным видам личного страхования, выяснение которых находится за рамками настоящей статьи. Однако в любом случае мы оцениваем эти изменения позитивно. В такой ситуации попытка признать страхование пациентов видом обязательного личного страхования представляется несколько поспешной. Современным реалиям в большей степени соответствовало бы *обязательное страхование ответственности* медицинской организации.

Во-вторых, если законодатель всё же вернется к концепции страхования, заложенной в проекте ФЗ 2010 г., и признает его видом имущественного страхования – страхования ответственности медицинской организации, потребует уточнения трактовка страхового случая. Как говорилось ранее, в п. 11 ст. 1 Проекта ФЗ 2010 г. страховой случай определялся как *наступление гражданской ответственности* медицинской организации за причинение вреда жизни или здоровью потерпевшего.

В литературе и на практике существуют различные подходы к такой дефиниции: одни считают, что страховым случаем является наступление гражданско-правовой ответственности; другие признают таковым совершение правонарушения в виде виновного или невиновного причинения вреда личности пациента; существует мнение о том, что им является причинение вреда в результате ошибки или упущения; некоторые расценивают в качестве страхового случая фактический (юридический) состав, т. е. совокупность юридических фактов.

На наш взгляд, страховой случай при страховании ответственности медицинской организации представляет собой *совокупность юридических фактов*: а) наличие правонарушения – основания гражданско-правовой ответственности; в) решение компетентного органа о наступлении ответственности. Остановимся на характеристике одного из юридических фактов – правонарушения.

Правонарушение проявляется в причинении вреда жизни или здоровью пациента. Однако только факта причинения вреда не достаточно для признания его правонарушением, необходимо наличие определенных условий, при которых оно может быть признано таковым: 1) противоправность поведения медицинских работников; 2) наличие имущественного или морального

вреда у пациента; 3) наличие прямой причинно-следственной связи между противоправным поведением медицинских работников и вредом пациенту; 4) по общему правилу, вред должен быть причинен их виновными действиями (бездействием).

В связи с этим возникает два вопроса:

1. *В соответствии с законом ответственность медицинской организации наступает за вину или без вины?* Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ об основаниях ответственности за причинение вреда, причинитель вреда освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Данное правило применимо к любым причинителям вреда, если только закон не предусматривает в качестве исключения случаи возмещения вреда без вины. Следовательно, по общему правилу, медицинская организация может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности только *при наличии её вины*. Потребовать от медицинской организации возмещения вреда без вины можно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом: ст. ст. 1079, 1095 ГК РФ, ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» (при оказании возмездных медицинских услуг). Другие предусмотренные законом случаи возмещения причиненного вреда без вины не применимы к медицинским организациям [1, с. 8 – 9].

2. *Возможно ли в качестве страхового случая рассматривать виновное причинение вреда жизни или здоровью пациента?* Анализируемые законопроекты не ставят возможность страхования в зависимость от наличия вины медицинской организации. Проект ФЗ 2010 г. вообще не упоминает о вине медицинской организации при характеристике страхового случая, указывая только на наличие дефекта оказания медицинской помощи и причинно-следственную связь. Проектом ФЗ 2013 г. признание страховым случаем факта причинения вреда жизни и здоровью пациента ставится в зависимость от наличия, прежде всего, врачебной ошибки, которая не связывается с виной причинителя вреда. Впервые такая система страхования была введена в Новой Зеландии. В Европе концепцию страхования ответственности перед пациентом независимо от вины первыми стали применять на практике Швеция, Финляндия, Норвегия и др. Благодаря такому подходу количество судебных процессов, связанных с выплатой страхового возмещения пациентам, пострадавшим при медицинском вмешательстве, в данных странах крайне незначительно [2].

Многие ученые и практики отрицают страхование ответственности за вину и считают возможным страхование только невиновного причинения вреда (Н. С. Малейн, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и др.). Однако представляется, что закрепление анализируемыми проектами необходимости страховых выплат пострадавшему независимо от вины медицинской организации и ее работников является их основным достоинством. Другое дело, что при виновном причинении

вреда жизни или здоровью пациентов должна быть предусмотрена возможность предъявления требования и к непосредственному причинителю вреда.

Вызывает сомнение использование в проекте ФЗ 2013 г. категории «врачебная ошибка» при характеристике страхового случая. Вопрос о её правовом значении в литературе является дискуссионным. Ряд авторов считают, что медицинская ошибка может быть проявлением неосторожного поведения деликвента (Е. О. Костикова, Е. Л. Невзгодина, Ю. С. Сидорович и др.). Многие полагают, что медицинская ошибка исключает вину причинителя вреда (В. И. Акопов, Ю. А. Звездина, В. А. Ойгензихт, В. А. Рыков, Т. В. Шепель и др.).

Но возражения против упоминания о врачебной ошибке при характеристике страхового случая вызваны отнюдь не дискуссионностью многих положений о ней. Они объясняются отсутствием практической потребности в её использовании. Если страхование ответственности медицинской организации осуществляется независимо от наличия её вины, то достаточно указать в качестве страхового случая причинение вреда жизни и здоровью пациента при медицинском вмешательстве при наличии прямой причинно-следственной связи между наступившим вредом и действием (бездействием) медицинской организации или ее медицинского работника. При этом указания на противоправность поведения причинителя вреда (или дефект медицинского вмешательства) не требуется, т. к. любое причинение вреда личности или имуществу в соответствии с гражданским законодательством считается противоправным.

Библиографический список

1. Берилло М. С. Основания освобождения медицинской организации от ответственности за причинение вреда здоровью пациента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014. 24 с.
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anoufrieв.ru/index.php?id=1057> (дата обращения: 31.05.2023).
3. Проект Федерального закона от 2 сентября 2010 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами» [Электронный ресурс]. URL: http://pravomed.ru/legislation/other_docs/8450/ (дата обращения: 31.05.2023).
4. Проект Федерального закона от 15 апреля 2013 г. «Об обязательном страховании пациентов при оказании им медицинской помощи». Опубликован 15 января 2014 г., обновлен 3 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.rosminzdrav.ru/open/discuss/projects/39> (дата обращения: 31.05.2023).

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

УДК 347.51

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ДЕЛИКТНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аблитаров Э. Р., студент 3 курса экономического факультета
Научный руководитель: Блажевич О. Г., кандидат экономических наук
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено влияние цифровой экономики на деликтную ответственность. В частности, проведен анализ изменений деликтной ответственности Российской Федерации в результате цифровизации, на основе чего выявлены вызовы и возможности для их регулирования. Обоснована целесообразность применения новых подходов и инструментов регулирования деликтной ответственности в Российской Федерации.

Ключевые слова: деликтная ответственность, цифровая экономика, цифровизация, искусственный интеллект.

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON TORT LIABILITY: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR REGULATION

Ablitarov E. R., 3rd year student of the Faculty of Economics
Supervisor: Blazhevich O. G., Candidate of Economic Sciences
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

Abstract. The article examines the impact of the digital economy on tort liability. In particular, the analysis of changes in the tort liability of the Russian Federation as a result of digitalization was carried out, on the basis of which challenges and opportunities for their regulation were identified. The expediency of applying new approaches and tools for regulating tort liability in the Russian Federation is substantiated.

Keywords: tort liability, digital economy, digitalization, artificial intelligence.

В современных условиях цифровая экономика является ключевым фактором развития государственной экономики и трансформации общественных отношений. Информационные технологии и инновации стимулируют создание новых видов товаров и услуг, изменяют формат коммуникации и организацию труда. Отсюда возникает необходимость исследовать влияние цифровой экономики на правовые институты, в частности, на деликтную ответственность. Актуальность исследования заключается в том, что цифровая экономика предъявляет новые вызовы для правовой системы, требующие тщательного изучения и определения возможностей для их регулирования.

Цифровая экономика характеризуется деятельностью, связанной с созданием, распространением и использованием цифровых технологий, а также продуктов и услуг, основанных на этих технологиях [5, с. 13]. Технологические инновации в цифровой экономике приводят к существенным изменениям в правоотношениях. Во-первых, возникают новые виды правоотношений,

связанные с использованием цифровых активов, криптовалют и смарт-контрактов. Во-вторых, в условиях цифровой экономики значительно возрастает количество дистанционных сделок, что обуславливает необходимость развития системы электронного документооборота и усиления защиты прав потребителей. В-третьих, активное использование информационных технологий стимулирует развитие законодательства в области интеллектуальной собственности и защиты персональных данных. В-четвертых, внедрение технологий искусственного интеллекта и автоматизации в различные сферы деятельности требует регулирования ответственности за действия и решения, принимаемые без прямого участия граждан.

В свете вышеизложенного, деликтная ответственность, как важный институт гражданско-правовой ответственности, подвергается существенным изменениям и требует адаптации к новым условиям цифровой экономики. Изменения деликтной ответственности в Российской Федерации представлены в таблице, составленной автором на основе источников [1; 3; 4].

Изменения деликтной ответственности в Российской Федерации в результате цифровизации

№	Изменения в деликтной ответственности в результате цифровизации	Характеристика изменений
1	Возникновение новых видов деликтов	Цифровизация приводит к появлению новых видов деликтов, таких как нарушения авторских прав в цифровом пространстве, хакерские атаки, кибермобинг, дискредитация бизнеса в социальных сетях и другие. Это требует адаптации правовой системы и создания новых механизмов регулирования.
2	Проблемы определения юрисдикции	Увеличение трансграничной деятельности в цифровой экономике затрудняет определение юрисдикции для разрешения споров, связанных с деликтами. В связи с этим возрастает важность международного сотрудничества и разработки общих правил регулирования деликтной ответственности.
3	Защита персональных данных	В условиях активного использования информационных технологий возникает необходимость усиления защиты персональных данных. Нарушение норм о защите персональных данных может быть основанием для возникновения деликтной ответственности.
4	Ответственность искусственного интеллекта и автоматизированных систем	Внедрение технологий искусственного интеллекта и автоматизации в различные сферы деятельности создает вопросы об ответственности за действия и решения, принимаемые без прямого участия человека. Необходимо разрабатывать новые подходы к определению ответственности и внедрять их в правовую систему.
5	Электронные доказательства и дистанционные сделки	Увеличение количества дистанционных сделок и использование электронного документооборота требует развития правовых норм, связанных с представлением и оценкой электронных доказательств. Это включает в себя изменения в процедуре судебных разбирательств и учет специфики электронных доказательств при определении деликтной ответственности.

Из таблицы следует, что цифровизация оказывает значительное воздействие на деликтную ответственность в Российской Федерации, создавая новые вызовы и возможности для правовой системы. Для борьбы с проблемами деликтной ответственности в России вводятся новые нормы и механизмы, которые модифицируются с учетом особенностей цифровой экономики. Например, 18 декабря 2006 г. был принят Федеральный закон № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (последнее изменение и дополнение 29.12.2022), который установил новые правила ответственности за нарушения прав на информацию в сети Интернет. Кроме того, в рамках реализации национального проекта «Цифровая экономика» в Российской Федерации создается специализированный орган – Центр по координации борьбы с киберпреступностью, который занимается пресечением деятельности киберпреступников и внедрением новых технологий в борьбе с преступлениями в сфере цифровой экономики [2].

Таким образом, в России происходит активная адаптация правовой системы к новым вызовам, связанным с цифровой экономикой. Власти стремятся создать эффективный механизм регулирования деликтной ответственности, который бы обеспечивал защиту прав и интересов граждан и предпринимателей в условиях быстро развивающегося цифрового мира.

Цифровая экономика порождает новые виды деликтов, которые могут быть классифицированы по различным критериям. Во-первых, можно выделить деликты, связанные с нарушением информационной безопасности, такие как кибератаки, взломы и распространение вредоносного программного обеспечения. Во-вторых, важным видом деликтов являются нарушения в сфере обработки и защиты персональных данных, которые могут выражаться в неправомерном сборе, хранении, использовании или передаче информации о физических лицах. В-третьих, актуальными становятся деликты, связанные с электронной коммерцией и онлайн-услугами, такие как мошенничество, недобросовестная конкуренция и нарушение прав потребителей.

1. Ответственность за кибератаки и нарушения информационной безопасности. Кибератаки и нарушения информационной безопасности представляют первостепенную угрозу для развития цифровой экономики, т. к. могут привести к значительным материальным и нематериальным потерям. В этой связи, деликтная ответственность за кибератаки и нарушения информационной безопасности должна быть нацелена на привлечение виновных лиц к ответственности, возмещение ущерба потерпевшим и укрепление мер по предотвращению подобных инцидентов в будущем в соответствии с особенностями цифровой экономики. Для этого необходимо разработать и внедрить новые нормы и механизмы правового регулирования, направленные на обеспечение прозрачности и сотрудничества между государственными и частными участниками в сфере информационной безопасности. Кроме того, важным аспектом является укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, т. к. кибератаки и нарушения информационной безопасности часто имеют трансграничный характер.

2. Ответственность за нарушение правил обработки персональных данных. В условиях цифровой экономики растет значение защиты персональных данных, что требует усиления деликтной ответственности за их нарушение. В Российской Федерации действует законодательство, регулирующее порядок обработки персональных данных, определяющее права и обязанности субъектов данных и операторов. Нарушение этих правил может повлечь гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность. Однако существующее законодательство не всегда адекватно отвечает на новые вызовы, связанные с использованием передовых технологий, и требует пересмотра действующего законодательства с учетом постоянно меняющихся экономических и правовых условий.

3. Ответственность за деликты, связанные с электронной коммерцией и онлайн-услугами. Развитие электронной коммерции и онлайн-услуг порождает новые деликты, требующие адекватного правового ре-

гулирования и деликтной ответственности. Такие деликты могут включать мошенничество, недобросовестную конкуренцию, нарушение прав потребителей и другие противоправные действия. Для более эффективного регулирования данных деликтов необходимо усовершенствовать законодательство, в частности, в области защиты прав потребителей, разработать новые механизмы контроля и надзора за деятельностью предприятий электронной коммерции, а также обеспечить доступность и оперативность судебной защиты для потерпевших от противоправных действий.

Следовательно, цифровая экономика представляет широкий спектр новых возможностей для экономического развития и благосостояния общества, но также порождает новые деликты и вызовы для правовой системы. В свете этого, необходимо развивать институт деликтной ответственности, создать условия для эффективной защиты прав и законных интересов сторон, а также обеспечить стабильность и устойчивость развития экономики и правоотношений в условиях цифровой трансформации.

Рассмотрев новые деликты, обусловленные влиянием цифровой экономики, целесообразным является изучение новых возможностей для регулирования деликтной ответственности:

1) применение смарт-контрактов и блокчейн-технологий в регулировании деликтной ответственности. Благодаря автоматизации и прозрачности процессов, эти технологии позволят снизить издержки судебных разбирательств, упростить процедуры компенсации потерь и обеспечить надежность и сохранность доказательств. Во-первых, смарт-контракты могут автоматически контролировать выполнение обязательств сторонами и применять санкции в случае нарушений. Во-вторых, блокчейн-технологии обеспечивают непрерывность и неизменность хранения информации, что может быть использовано в качестве доказательств нарушений и оценки ущерба;

2) применение искусственного интеллекта в регулировании деликтной ответственности. Применение алгоритмов машинного обучения может помочь в выявлении противоправных действий, оценке ущерба и определении ответственности участников. Кроме того, искусственный интеллект может быть использован для автоматизации процессов судебного решения и упрощения доступа к правовым системам для потерпевших. Однако применение искусственного интеллекта в данной сфере также порождает ряд правовых вопросов, таких как соблюдение принципов справедливости и определение ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом;

3) усиление международного сотрудничества в регулировании деликтной ответственности в цифровой экономике. Международное сотрудничество может способствовать созданию эффективных механизмов для предотвращения и пресечения противоправных действий, облегчению доступа к судебным решениям и компенсации ущерба для потерпевших сторон.

Для эффективного регулирования деликтной ответственности в цифровой экономике необходимо внедрение новых механизмов контроля и надзора за деятельностью участников рынка. Это может включать использование автоматизированных систем мониторинга, применение искусственного интеллекта для анализа и выявления нарушений, а также сотрудничество между государственными органами и частными участниками

для обеспечения соблюдения правил и норм деликтной ответственности. Внедрение таких механизмов может способствовать созданию среды, в которой участники рынка осознают свою ответственность и стремятся избегать нарушений, что в свою очередь повысит уровень соблюдения законодательства и обеспечит защиту прав потерпевших сторон.

В заключение можно отметить, что регулирование деликтной ответственности в цифровой экономике представляет сложную и многоаспектную задачу, которая требует применения новых подходов и инструментов. Современные технологии, такие как смарт-контракты, блокчейн и искусственный интеллект, могут оказать значительное влияние на эффективность правового регулирования деликтной ответственности. Вместе с усилиями в области образования, международного сотрудничества и разработки новых механизмов контроля и надзора, эти инновации могут способствовать созданию эффективной правовой базы для развития цифровой экономики, в которой будут обеспечены защита прав и законных интересов всех сторон.

Таким образом, на основе полученных результатов и выводов, можно сделать акцент на необходимости комплексного и многоуровневого подхода к регулированию деликтной ответственности в цифровой экономике. Это позволит создать условия для развития инноваций, укрепления доверия между участниками рынка и обеспечения справедливой компенсации ущерба для потерпевших сторон, что, в свою очередь, способствует устойчивому и динамичному развитию деликтной ответственности в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Буц С. Б. Некоторые вопросы цифровизации в контексте реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации / С. Б. Буц, Е. В. Евсикова, А. В. Пономарев // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 марта 2021 г. / под редакцией Е. В. Евсиковой, В. С. Тихомаевой. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 70 – 76.
2. В России создадут центр борьбы с телефонным мошенничеством и киберпреступлениями [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «ТАСС». 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9894405> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Куракин А. В. Проблемы модификации административно-деликтного права: фактор цифровых технологий / А. В. Куракин, Д. В. Карпучин, З. А. Саидов // Административное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 20 – 27. DOI 10.7256/2454-0595.2019.3.29626.
4. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 2 (159). С. 33 – 43. DOI 10.17803/1729-5920.2020.159.2.033-043.
5. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9 – 12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82, [2] с. ISBN 978-5-7598-1974-5.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аблитаров Э. Р., студент 3 курса экономического факультета
Научный руководитель: Блажевич О. Г., кандидат экономических наук
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье исследованы тенденции развития деликтной ответственности в Российской Федерации с акцентом на экономико-правовой аспект. Определены основные проблемы и пути решения, направленные на совершенствование деликтной ответственности. Рассмотрена возможность углубления международного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: деликтная ответственность, экономико-правовой аспект, судебная практика, размер компенсации, международное сотрудничество.

IMPROVEMENT OF TORT LIABILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: ECONOMIC AND LEGAL ASPECT

Ablitarov E. R., 3rd year student of the Faculty of Economics
Supervisor: Blazhevich O. G., Candidate of Economic Sciences
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

Abstract. The article examines the trends in the development of tort liability in the Russian Federation with an emphasis on the economic and legal aspect. The main problems and solutions aimed at improving tort liability are identified. The possibility of deepening international cooperation in this area is considered.

Keywords: tort liability, economic and legal aspect, judicial practice, amount of compensation, international cooperation.

Деликтная ответственность является одним из ключевых элементов правовой системы, обеспечивающим возмещение ущерба и предотвращение неправомерных действий, наносящих вред другим участникам правоотношений. В связи с непрерывным развитием правовой системы и трансформацией общественных отношений, актуальность исследования данной категории возрастает. В свою очередь, экономико-правовой подход позволит более глубоко понять взаимосвязь между экономическими и правовыми аспектами деликтной ответственности, а также выявить возможности и направления совершенствования действующей системы.

Считается, что в области гражданского права под деликтом понимают противоправное действие в личной или имущественной сфере граждан, в ходе которого им причиняется тот или иной ущерб [2]. Таким образом, деликтная ответственность – это совокупность правовых норм, средств и мер гражданско-правовой ответственности, реализующихся посредством правоохранительной деятельности потерпевших лиц и правоохранительных, судебных органов в рамках правоотношений по защите гражданских прав потерпевшего лица, возмещению в его пользу имущественного или неимущественного внедоговорного (деликтного) вреда.

Экономические и правовые аспекты деликтной ответственности тесно взаимосвязаны, поскольку она предполагает возмещение ущерба, причиненного в результате неправомерных действий, что в свою очередь влияет на экономическое положение сторон. В данном контексте экономические аспекты деликтной ответственности выражаются в форме ущерба, который может быть материальным и нематериальным, а также в размере компенсации, которая должна быть выплачена потерпевшей стороне. В то же время правовые аспекты деликтной ответственности определяются законодательством и судебной практикой, которые устанавливают условия возникновения ответственности, порядок исчисления ущерба и компенсации, а также механизмы защиты прав потерпевшей стороны. Правовые аспекты также включают в себя принципы и критерии определения деликтной ответственности, такие как вина, причинно-следственная связь и нарушение законодательства.

В последние годы в Российской Федерации наблюдаются определенные тенденции деликтной ответственности, отображенные на схеме 1, составленной автором на основе источников [1; 4; 5].

Схема 1. Тенденции развития деликтной ответственности в Российской Федерации

Расширение сферы применения деликтной ответственности, обусловленное стремительными темпами развития науки и техники, приводит к возникновению новых видов деликтов, таких как нарушения в сфере информационных прав или экологические деликты. В связи с этим, необходимость усиления контроля со стороны государственных органов становится очевидной, что способствует своевременному выявлению нарушений и улучшению общественного правопорядка.

С учётом растущих темпов инфляции, увеличение размеров возмещения ущерба становится актуальным для компенсации потерь потерпевшей стороны и создания дополнительного стимула к соблюдению законодательства для потенциальных правонарушителей. В то же время, развитие судебной практики упрощает процесс оценки возможных исходов дел и защиты сторон, что способствует эффективному разрешению деликтных споров и справедливому возмещению ущерба.

Применение альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация и арбитраж, предоставляет сторонам возможность решать свои разногласия без обращения в суд. Это позволяет экономить время и средства, снижать нагрузку на судебную систему Российской Федерации, а также достигать взаимовыгодного компромисса и укреплять деловые отношения благодаря гибким и индивидуализированным решениям.

В целом, современные тенденции развития деликтной ответственности в Российской Федерации свидетельствуют о адаптации системы к новым вызовам и условиям экономической и правовой среды. Однако, несмотря на ряд положительных тенденций, деликтная ответственность в Российской Федерации характеризуется наличием следующих проблем:

1) неполнота и несистемность законодательства, регулирующего деликтную ответственность – проявляется в законодательных противоречиях и неясностях, что затрудняет их практическое применение;

2) неоднозначность и различие подходов к определению размера компенсаций – выражается в субъективном усмотрении суда и экспертов, что может привести к существенным различиям сумм компенсации в схожих делах, особенно когда речь идет о нематериальных потерях или долгосрочных последствиях;

3) сложность процедур разрешения споров – связана с длительными и затратными судебными разбирательствами, нерешенными вопросами законодательства, а также недостаточным количеством квалифицированных экспертов и судей, специализирующихся на данном вопросе;

4) отсутствие комплексного подхода к предупреждению правонарушений – исходит из ориентированности деликтной ответственности на реактивные меры, такие как возмещение ущерба и наложение вины, вместо превентивных мер и профилактики правонарушений, что снижает эффективность функционирования системы и ограничивает ее возможности в обеспечении справедливости и защиты прав потерпевших [3];

5) актуализация международного сотрудничества: в условиях глобализации и трансграничности правонарушений становится актуальной задача углубления международного сотрудничества в области деликтной ответственности [6]. Однако на практике существует ряд проблем, связанных с различиями в национальных законодательствах, сложностью взаимодействия между юрисдикциями и необходимостью применения международных стандартов. Это требует разработки совместных стратегий и механизмов для сотрудничества, а также ускорения процесса гармонизации правовых норм.

Представленные проблемы развития деликтной ответственности в России носят масштабный характер и требуют применения комплексного подхода к их урегулированию (схема 2).

Схема 2. Комплекс мероприятий по преодолению проблем развития деликтной ответственности в Российской Федерации

Рассмотрим содержание представленных мероприятий по преодолению проблем.

1. Гармонизация и систематизация законодательства, регулирующего деликтную ответственность. Необходимо провести анализ существующих норм, выявить пробелы и дублирование положений, и внести соответствующие изменения. Важно также учесть международные стандарты, чтобы обеспечить наличие и функционирование законодательства Российской Федерации согласно международным требованиям.

2. Разработка единых критериев для определения размера компенсаций. Следует определить четкие параметры, учитывающие характер и масштабы причиненного ущерба, его прямые и косвенные последствия, а также инфляционные процессы и динамику развития экономики. Такой подход обеспечит справедливость и пропорциональность возмещения, что снизит вероятность споров и упростит процедуры разрешения.

3. Упрощение процедур разрешения деликтных споров. Следует пересмотреть судебную процедуру и порядок рассмотрения дел о деликтной ответственности, предусмотреть возможность досудебного урегулирования споров и использование альтернативных методов разрешения конфликтов, таких как медиация и арбитраж. Это позволит разгрузить судебную систему и сократить время на разрешение споров, что важно для поддержания деловой активности и предсказуемости правовой среды.

4. Внедрение комплексного подхода к предупреждению правонарушений. Следует активизировать превентивную деятельность государственных органов, обеспечить информирование населения о последствиях деликтных правонарушений. Важным аспектом является также повышение квалификации специалистов в области деликтной ответственности и проведение научных исследований по актуальным проблемам деликтового права.

5. Актуализация международного сотрудничества в области деликтной ответственности. Необходимо обеспечить обмен опытом и знаниями с другими странами, участие в международных конференциях и семинарах, а также привлечение экспертов из-за рубежа для консультаций и совместных проектов. Такое сотрудничество может стимулировать внедрение лучших международных практик в законодательство и правоприменительную деятельность Российской Федерации, что в

свою очередь повысит эффективность деликтной ответственности.

Важно подчеркнуть, что успешное применение предложенного комплекса мероприятий требует согласованных действий государственных органов, судебной системы, научной общественности и представителей бизнеса. Внедрение этих мер способствует повышению правовой грамотности населения, укреплению правопорядка, снижению числа споров и созданию благоприятной экономико-правовой среды для развития бизнеса и обеспечения прав и законных интересов граждан.

Таким образом, совершенствование деликтной ответственности в экономико-правовом ключе требует комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон. Только путем сотрудничества и совместных усилий государственных органов, бизнеса и общества, а также учета международного опыта и учета тенденций и вызовов, можно добиться значительных результатов в обеспечении эффективности и справедливости деликтной ответственности на территории России.

Библиографический список

1. Евсикова Е. В. Модернизация административно-деликтного законодательства Российской Федерации: проблемы и перспективы / Е. В. Евсикова, А. В. Пономарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 68 – 79.
2. Очеретный И. С. Деликтная ответственность // Отечественная юриспруденция. 2017. № 2 (16). С. 14 – 18.
3. Пустовалова И. Н. Внесудебные механизмы разрешения споров / И. Н. Пустовалова, И. А. Валеева, Н. А. Найденова // Век качества. 2022. № 1. С. 182 – 193.
4. Спиридонов П. Е. Административные деликты и административно-деликтное право // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 4. С. 545 – 556. DOI 10.19073/2658-7602-2020-17-4.
5. Шереметьева А. К. Медиация как гражданско-правовой способ урегулирования конфликтов в сфере интеллектуальной собственности / А. К. Шереметьева, Н. А. Нижанковская // Ученые заметки ТОГУ. 2019. Т. 4. № 4. С. 1161 – 1169.
6. Эльязов О. А. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью // Отечественная юриспруденция. 2017. № 7 (21). С. 29 – 32.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Багян А. В., магистрант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Иловайский И. Б., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем изыскании проанализированы правовые основы и особенности привлечения государства к деликтной ответственности. Отмечается, что противоправным может признаваться не только то поведение органов публичной власти, которое нарушает нормы гражданского права, но и то, которое нарушает принципы и публично-правовые нормы в этой сфере. Как результат своего исследования автор предлагает провести систематизацию законодательства в области гражданско-правовой ответственности государства.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, гражданско-правовая ответственность, деликтные обязательства, основание и условия деликтной ответственности, возмещение вреда.

CERTAIN ASPECTS OF CIVIL LIABILITY OF THE STATE

Bagyan A. V., 1st year master student of the Faculty of Law
Supervisor: Povaisky I. B., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

Abstract. In this study, the legal foundations and features of bringing the state to tort liability are analyzed. It is noted that illegal can be recognized not only the behavior of public authorities that violates the norms of civil law, but also that which violates the principles and public law norms in this area. As a result of his research, the author proposes to systematize legislation in the field of civil liability of the state.

Keywords: civil legal relations, civil liability, tort obligations, the basis and conditions of tort liability, compensation for harm.

Осуществление гражданских правоотношений построено на нескольких правовых принципах, которые законодатель закрепил в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Одним из таких основополагающих начал является принцип равенства участников отношений, регулируемых нормами гражданского права. Если убрать из гражданского оборота этот или иной из указанных в этой норме принципов, то обрушится вся система правового регулирования рассматриваемой сферы. Осознавая подобные закономерности, государство силой своего авторитета всячески поддерживает их действие. На реализацию такого состояния направлен институт ответственности вообще и гражданско-правовой в частности, как совокупности предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера и обязанности компенсации морального вреда, возложенных на лицо, совершившее незаконное действие, обеспеченных государственным принуждением [7, с. 21].

Парадокс заключается в том, что государство (в лице Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований) само является участником гражданского оборота (ст. 124 ГК РФ), а, следовательно, несет гражданско-правовую, включая и деликтную ответственность, за нарушение прав иных субъектов рассматриваемой области общественных отношений. Таким образом, если правонарушителем является государство, то оно само выступает против себя, и применяет меры принуждения в отношении своих органов, нарушивших гарантированные законодательством права и

интересы граждан и юридических лиц [2, с. 43]. Создается впечатление, что государство выступает в роли той самой унтер-офицерской вводы, которая сама себя высекла [3, с. 137]. Подобный вывод может появиться только при поверхностном анализе. Законодатель, оценивая историю развития нашего Отечества и многолетнюю правоприменительную практику, прекрасно осознает, что государство очень даже может быть правонарушителем и в гражданско-правовой, и в иных сферах общественного развития. Именно поэтому в ст. 53 Конституции РФ было закреплено, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Правовые основы защиты прав и интересов граждан РФ базируются на этом принципе и получили развитие в иных нормативных актах.

Применительно к гражданскому законодательству это конституционное положение было конкретизировано в трех нормах ст. 16, ст. 1069 и ст. 1070 ГК РФ. Более того, сохраняют свое действие в рассматриваемой сфере и нормативы СССР, а именно Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденный Законом СССР от 24.06.1981, который действует в части, не противоречащей вышеуказанным нормам Гражданского кодекса РФ, и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.12.1988

№ 15 (ред. от 29.03.1991) «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей».

В соответствии с правилами ст. 1069 ГК РФ, причинившим вред субъектом выступает конкретное публично-правовое образование в лице государственных органов (то есть органов Российской Федерации и ее субъектов), органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов. В ст. 1070 ГК РФ перечень таких персон более конкретизирован, к ним отнесены должностные лица органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Незаконность поведения органа публичной власти может выражаться как в осуществлении активного противоправного действия с его стороны, так и бездействия, то есть отказа от осуществления своих полномочий и должностных обязанностей, установленных в законодательстве и направленных на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц. Появление в субъектном составе деликтного обязательства органов публичной власти меняет сущность неправомерного поведения лица, причинившего вред. Если в общей теории деликтных обязательств под противоправностью понимается поведение, нарушающее субъективное гражданское право лица и норму, закрепляющую это право, то в обязательстве по возмещению ущерба, который причинён публичным субъектом, это правило пропускается через призму публично-правового регулирования. Соответственно, для признания поведения противоправным требуется не только нарушение субъективного права лица, но и нарушение публично-правовых норм, регулирующих действие органа публичной власти. Например, издание не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления.

В отечественной цивилистической теории отсутствует единый подход к пониманию дефиниции – «противоправное поведение». Одни авторы, под противоправностью понимают такое поведение лица, которое объективно не соответствует требованиям правовой нормы [5, с. 104]; другие, предлагают считать поведение противоправным, когда лицом нарушаются и принципы гражданского права [4, с. 326]. Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 № 8-О-П, критерием оценки правомерности субъектов гражданских правоотношений могут служить нормы, закрепляющие общие принципы гражданского права.

Таким образом, противоправным может признаваться не только то поведение, которое нарушает нормы гражданского права, но и то, которое нарушает принципы и общие начала гражданского права. Подобный подход к пониманию противоправности, по нашему мнению, применим и в отношении деликтного обязательства, совершенного со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Положения ст. 1070 ГК РФ, как нам представляется, носят специальный характер по отношению к составу гражданского правонарушения, установленному в

ст. 1069 ГК РФ, поскольку первая из указанных норм регулирует ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Более того, в ней установлен усеченный (то есть не полный) состав гражданского правонарушения без учета его субъективной стороны, так как, если органами власти причинён вред, то он возмещается полностью независимо от вины должностных лиц. В совокупность противоправного поведения здесь включаются следующие деяния: (1) незаконное осуждение; (2) незаконное привлечение к уголовной ответственности; (3) незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде; (4) незаконное наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; (5) незаконное приостановления деятельности юридического лица.

Определенной новацией отечественного законодательства по сравнению с законодательством СССР в рассматриваемой области является то, что в ст. ст. 1069 – 1070 ГК РФ в качестве потерпевшей стороны указаны не только физические лица, но и организации. В юридической литературе такого рода факт рассматривается в качестве одной из гарантий закрепленного в п. 1 ст. 34 Конституции РФ права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [6, с. 1014].

Основанием возникновения деликтного обязательства с участием органов публичной власти является факт причинения вреда. В Определении Верховного Суда РФ от 26.08.2014 № 81-КГ14-10 было дано толкование значения этого понятия в соответствии с содержанием ст. 1064 и в целом главы 59 ГК РФ. Под вредом в этом акте понимается всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благо, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным), то есть моральным вредом.

В силу положений ст. 16 ГК РФ, убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, также подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом РФ или муниципальным образованием. В современном гражданском праве России убытки являются формой имущественного вреда. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, под ними следует понимать все денежные затраты, которые причинитель вреда будет производить для того, чтобы восстановить нарушенное право, включая недополученные доходы.

Таким образом, в понятие «убытки» входят реальный ущерб и упущенная выгода. В пунктах 13 – 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» дается определение этим категориям. Реальный ущерб – это утрата или повреждение имущества, а также расходы, которые произведены (или будут произведены в будущем) лицом, право которого нарушено, для его восстановления; а упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо, которому причинен вред, могло

бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

В силу ст. ст. 1069 – 1070 ГК РФ вред, причиненный органами публичной власти, выплачивается за счет казны РФ, казны субъекта РФ или муниципального образования, более того, если он причинен должностным лицом органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суд, то он подлежит возмещению в полном объеме.

Однако, при анализе вопроса о том, где закреплен порядок реализации такого рода компенсации, большинство авторов ссылаются на упомянутый выше Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981. В связи с чем мы считаем верным мнение, что в целях совершенствования системы привлечения государства к деликтной ответственности необходимо законодательно закрепить основы и порядок ответственности государства как в общем, так и перед физическими и юридическими лицами. Вполне разумной и дальновидной нам представляется мнение Е. Н. Агибаловой о необходимости создания специализированного фонда(ов) (например, «Фонд возмещения ущерба»), как на уровне РФ, так и в субъектах РФ и в органах местного самоуправления [1, с. 23 – 24]. Такая структура создаст гарантированные условия для возмещения вреда, причиненного гражданам и организациям со стороны органов власти, и будет способствовать реализации положений ст. 34 и ст. 53 Конституции РФ.

Подводя итог вышеизложенному исследованию, можно сделать следующие выводы. Во-первых, положения ст. 16, ст. 1069 и ст. 1070 ГК РФ есть конкретизация и развитие ст. 34 и ст. 53 Конституции РФ, направленные на минимизацию нарушений и злоупотребления органов публичной власти, и защиту прав и интересов физических и юридических лиц. Во-вторых, незаконность поведения органа публичной власти может выражаться как в осуществлении активного противоправного действия с его стороны, так и бездействия, то есть отказа от осуществления своих полномочий и должностных обязанностей, установленных в законодательстве и направленных на защиту прав и законных ин-

тересов физических и юридических лиц. Противоправным может признаваться не только то поведение, которое нарушает нормы гражданского права, но и то, которое нарушает принципы и общие начала гражданского права и публично-правовые нормы, регулирующие действия органа публичной власти. В-третьих, нормам, устанавливающим гражданско-правовую ответственность со стороны государственных и муниципальных органов, требуется систематизация в виде инкорпорации. Результатом такого процесса должны стать, с одной стороны, отказ от применения явно устаревших актов СССР, которые продолжают действовать в этой сфере, а, с другой, – приведение в единство терминологической базы существующих нормативов и создание ясного порядка, включая финансовые источники, возмещения вреда органами публичной власти.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 18 – 25.
2. Бабаков В. А. К вопросу об объеме правоспособности государства как участника гражданско-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 41 – 45.
3. Гоголь Н. В. Ревизор. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 352 с.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М: Статут, 2022. 414 с.
5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.
6. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.
7. Яхьяев М. Я. Институциональные основы деликтной ответственности государства // Вопросы российского и международного права. 2020. № 2 А. С. 19 – 24.

ДЕЛИКТНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕДОСТАТКАМИ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ, КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Захарова К. Г., магистрант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена специфика применения норм о деликтных обязательствах с учетом норм законодательства о защите прав потребителей, затронут вопрос о злоупотреблении правом в рамках дел по возмещению причиненного недостатками товаров (работ, услуг) вреда. Исследованы информационное наполнение термина качество, особенности компенсации морального вреда по данному виду споров.

Ключевые слова: деликтные требования, потребитель, возмещение вреда, недостаток товара, злоупотребление правом, моральный вред.

TORT CLAIMS OF CONSUMERS FOR COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY DEFECTS IN GOODS, WORKS, SERVICES, AS A SPECIAL CASE OF ABUSE OF LAW

Zakharova K. G., 2nd year master student of the Faculty of Law
Supervisor: Agibalova E. N., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA
Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the specifics of the application of the norms on tort obligations, taking into account the norms of legislation on consumer protection, touches upon the issue of abuse of law in cases of compensation for damage caused by defects in goods (works, services). The information content of the term quality, features of compensation for moral damage in this type of disputes are investigated.

Keywords: tort claims, consumer, compensation for harm, lack of goods, abuse of law, moral harm.

Для наиболее полного раскрытия обозначенной темы необходимо выделить и рассмотреть несколько проблемных блоков.

Первая проблема заключается в том, что требования о возмещении вреда, связанного с недостатками услуг, как правило, не имеющими материализованного результата, и требования о возмещении вреда, связанного с недостатками товаров и работ, результаты которых всегда материальны, регулируются одними и теми же нормами российского гражданского права о деликтных обязательствах.

Некоторые ученые говорят о том, что включение категории услуг в этот список представляется спорным решением, так как заказчик и исполнитель, как правило, находятся в договорных отношениях, кроме того услуга обычно потребляется в процессе ее предоставления, а «при отсутствии овеществленного результата оказанной услуги ей невозможно дать оценку с точки зрения проявления каких-либо недостатков в будущем» [7].

Впервые обязательства по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров и работ, были обособлены в ст. 129 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, утвержденных ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1. Примечательно, что об услугах в этом контексте не говорилось.

В современном отечественном законодательстве триада «товары, работы, услуги» является практи-

чески неделимой, что зачастую отражается как в названиях, так и в содержании статей различных законов. В этом смысле не является исключением § 3 гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в котором конкретизированы основные положения деликтной ответственности и очерчена область применения в части потребительских правоотношений.

Дополнительно следует отметить, что сфера применения коллизионных норм ГК РФ порой оказывается значительно шире аналогичной в отдельных зарубежных странах (например, в Швейцарии), а также в регламентах групп стран (например, в Регламенте № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)», принятом в г. Страсбурге 11.07.2007), что вызывает дополнительные трудности при международном урегулировании вопросов возмещения вреда, причиненного недостатками товаров (работ, услуг), о которых пишет Т. П. Лазарева [6].

Вторая проблема связана с правильной квалификацией правовой природы отношений, возникающих между причинителем вреда и потерпевшим-гражданином. В отечественной цивилистике изучение данного вопроса началось еще в советскую эпоху, однако до сих пор ни в кругу ученых, ни в правоприменительной практике не выработано единогласного понимания. Т. В. Драгунова обращает внимание на то, что еще

Р. Циммерман говорил о том, что «граница между договорным и деликтным правом не такая четкая, как может показаться на первый взгляд» [2, с. 153].

Разрешение данного спора имеет чисто практическое значение: подлежит определению, например, возможно ли в судебном порядке взыскивать потребительский штраф с причинителя вреда, квалифицируя требования граждан по возмещению вреда в качестве потребительских правоотношений?

А. Е. Кирпичев подчеркивает, что на законодательном уровне проблема осложняется наличием «потребительских» норм в деликтном праве (ст. ст. 1095 – 1098 ГК РФ), а также «деликтных» норм в потребительском законодательстве» (ст. ст. 12, 14, 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее также – ЗОЗПП)). Как отмечает автор, «для любых деликтных потребительских отношений одним из элементов сложного юридического состава является типичный или нетипичный договор; <...> к таким отношениям могут одновременно применяться как положения о деликтных обязательствах, так и специальные нормы о защите прав потребителей» [3], что находит подтверждение в судебной практике (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 88-12087/2021, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 № 44-КГ21-3-К7, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 16-КГ22-27-К4, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 66-КГПР22-15-К8 и др.).

С. К. Соломин и Н. Г. Соломина с этой позицией не согласны. Они полагают, что «наличие в структуре Закона о защите прав потребителей ст. 14 не делает из деликтного обязательства потребительское (регулятивное) правоотношение, а из потерпевшей стороны – потерпевшего». Авторы подвергают критике судебные решения по данной категории споров, в мотивировочной части которых судьи ссылаются на качественное несоответствие товара договору, «невзирая на внедоговорный охранительный характер требования потерпевшей стороны (гражданина)». В качестве примера они приводят судебный спор, в котором у истца полностью сгорел личный автомобиль в результате производственного дефекта. Удовлетворяя требования, суд руководствовался нормами, относящимися к последствиям продажи товара ненадлежащего качества, не обратив внимания, что «спор возник по поводу возмещения вреда, причиненного имуществу» [7].

Третьим вопросом, требующим разрешения на пути раскрытия темы исследования, является вопрос о трактовке и сущности понятия «недостаток товара». На практике к недостаткам относят как конструктивные и чисто технические производственные и эксплуатационные существенные недостатки, так и информационные в виде недостоверной или недостаточной информации о товаре, злоупотребления доверием потребителя при предоставлении ему информации о товаре.

Недостаток товара чаще всего обусловлен причинно-следственной связью с понятием его качества. В законодательстве дефиниция ему не дана (как и большинству оценочных понятий). Если оценивать его содержание с точки зрения технико-экономических характеристик, то оно будет включать те свойства товара, которые связаны с возможностью удовлетворения товаром определенных потребностей в соответствии с требованиями договора либо с его назначением. Эти оценки близки к тем, что даны в ГОСТ 15467-79¹, национальном стандарте РФ ГОСТ Р ИСО 9001-2015².

Любопытно, что в отношении многих категорий товаров прямая обязанность изготовителя к соблюдению качества производимых товаров законодательно не закреплена [4], существуют лишь основополагающие требования в виде ГОСТов, ТУ, СНИП и др.

ЗОЗПП, в свою очередь, устанавливает понятие недостатка товара (работы, услуги) в связи с понятием их качества. Исходя из норм ст. 4. ЗОЗПП недостаток можно определить как несоответствие товара (работы, услуги) обязательным законодательным требованиям, условиям договора либо обычно предъявляемым требованиям или целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется.

Осознавая каучуковость базовой терминологии, становится понятной причина столь большого количества судебных споров и проводимых экспертиз, связанных с подтверждением и определением характера, причин и времени возникновения недостатка товара или работы, ведь без признания факта наличия недостатка возместить соответствующий вред не представляется возможным.

Четвертая проблема связана с категорией компенсации морального вреда. Специфика споров о компенсации морального вреда с участием потребителей имеет несколько особенностей.

Во-первых, при толковании норм ЗОЗПП в рамках судебных решений «сам по себе факт нарушения прав потребителя презюмирует обязанность ответчика компенсировать моральный вред» (например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2019 № 18-КГ19-144, 2-1563/2018). Задача суда здесь, как и по другим категориям споров, только в оценке размера такой компенсации, исходя из общих принципов разумности и справедливости (п. п. 25 – 27, 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

Во-вторых, причинитель вреда не имеет возможности удовлетворить данное требование добровольно. Соответствующая обязанность возлагается на него по решению суда, в котором в том числе определяется размер присужденной компенсации, причем зачастую в своем исковом заявлении истцы оценивают свои нравственные страдания значительно выше судьи. Несмотря на это, на практике математический расчет штрафа за отказ в добровольном порядке удовлетворить требования потребителя производится с учетом размера

¹ ГОСТ 15467-79 (СТ СЭВ 3519-81). Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения (введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 26.01.1979 № 244) (ред. от 16.01.1985).

² ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования (утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1391-ст).

компенсации морального вреда (как, например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 88-4067/2021).

В-третьих, встречается предположение, что в этом случае возможны два самостоятельных основания компенсации морального вреда: «само нарушение прав потребителя» и «причинение физических или нравственных страданий в период осуществления потребителем своих прав» [3].

Обозначив ряд важных для раскрытия темы проблемных аспектов, можно остановиться на рассмотрении центрального вопроса исследования о злоупотреблении правом в рамках дел по возмещению вреда, причиненного недостатками товаров (работ, услуг).

Категории «злоупотребление правом» и «деликтные обязательства» объединяет то, что они обе связаны с юридическими последствиями причинения вреда, только первая условно этот вред порождает, а вторая призвана его возместить. Обязательства вследствие причинения вреда являются следствием правонарушения, опираются на принцип генерального деликта, злоупотребление же внешне основано на субъективном праве [1], представляет собой поведение лица, которое в свою очередь с точки зрения соответствия его закону может быть правомерным и неправомерным, тяготеющим по своей сути к противоправности.

В рамках этого вопроса хотелось бы выделить три дискуссионных аспекта.

Первый из них касается субъектного состава исследуемых правоотношений. В иностранном законодательстве по умолчанию за недостатки товара отвечает производитель, на продавца соответствующая обязанность может быть возложена только в исключительных случаях.

По нормам российского законодательства должник и непосредственный причинитель вреда могут не совпадать (и зачастую не совпадают), так как кредитор по своему усмотрению вправе выбрать, к кому именно предъявлять свои требования вследствие недостатков товара: к продавцу или изготовителю (п. 1 ст. 1096 ГК РФ), мотив потерпевшего при этом правового значения не имеет. Именно эта законодательно закрепленная возможность выбора ответчика иногда в судебной практике становится необходимым условием для злоупотребления правом со стороны потребителя.

Вторая проблема связана с внедоговорным и безвиновным характером ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг. Существует только две группы оснований, освобождающих от возмещения причиненного вреда: «действие непреодолимой силы либо нарушение потребителем установленных правил пользования товаром, результатом работы или услуги. В судебной практике преобладает второе основание, при этом отказ в возмещении вреда может быть связан с любой степенью неосмотрительности потребителя» [5], что смещает баланс в отношениях сторон в сторону ответчика.

Т. В. Драгунова обращает внимание, что в решениях высших судебных органов содержится вывод, что «общими условиями наступления деликтной (внедоговорной) ответственности являются наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинно-следственной связи между возникновением

вреда и противоправными действиями, вина причинителя вреда» [2, с. 136]. В качестве примеров можно привести следующие определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 05.04.2016 № 701-О, от 16.01.2018 № 7-О, от 14.12.2021 № 2646-О, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2015 № 32-КГ14-20, постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41-2321/13 и др.

Признание факта противоправности деяния необходимо для ограничения от случаев правомерного причинения вреда, подлежащего возмещению, частным случаем которого признается причинение вреда при злоупотреблении правом.

Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Исходя из этого, при решении вопроса об установлении ответственности лица форма вины имеет приоритетное по сравнению с правовыми последствиями значение.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды не признают факт злоупотребления правом потребителем, если имеет место вина ответчика и, если он не приводит убедительных доказательств злоупотребления со стороны потребителя.

Третья проблема заключается в том, что вопреки целевому назначению деликтной ответственности, призванной восстановить путем возмещения ущерба имеющееся до правонарушения имущественное положение пострадавшего, в рамках споров, содержащих признаки злоупотребления со стороны потребителя, но не квалифицированных соответствующим образом судом, нормы деликтной ответственности становятся инструментом неосновательного обогащения. В качестве примера можно привести дело № 2-2465/2022, рассмотренное 05.12.2022 Северодвинским городским судом Архангельской области. Требования истца по возмещению вреда были основаны на непредоставлении продавцом информации об устранении недостатка в товаре. Калькуляция размера убытков складывалась из стоимости дополнительного оборудования, установленного на автомобиль, судебных расходов на экспертизу, а также компенсации разницы в цене, морального вреда, неустойки. Данный расчет без учета реально понесенных затрат в 3,3 раза превышал сумму, уплаченную истцом при заключении договора купли-продажи. В случае удовлетворения требований пропорция еще увеличилась бы за счет штрафа и окончательно перестала бы быть похожей на «восстановление имущественного положения потерпевшего». В решении суда отсутствует прямая ссылка на нормы о злоупотреблении, но сделан акцент на неразумности сроков предъявления требований (они были предъявлены истцом спустя 2 года с момента заключения договора) и несущественности обнаруженного недостатка эксплуатационного характера, что в совокупности заставило поставить под сомнение реальные мотивы потребителя при подаче иска.

Подводя итоги, следует сказать, что проблемы, присущие спорам о возмещении вреда, причиненного недостатками товаров (работ, услуг) с участием потребителей, глубоко специфичны. Находясь в правовом поле на стыке норм о защите прав потребителей и норм о деликтной ответственности в рамках ГК РФ, данные споры на практике зачастую содержат в себе примеры

злоупотребительного поведения. Углубленное изучение обозначенных вопросов необходимо для последующего проведения их коррекции на законодательном уровне с целью соблюдения баланса интересов сторон рассматриваемого правоотношения на практике.

Библиографический список

1. Василевич Г. А. Правомерное поведение и злоупотребление правом / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 5 – 17.
2. Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 91 – 161.
3. Кирпичев А. Е. Деликтные отношения с участием потребителей // Закон. 2021. № 9. С. 48 – 59.

4. Корсаков Н. А. К вопросу об определении понятия «качество продовольственного товара» в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. №11. С. 69 – 70.

5. Кратенко М. В. Институт ответственности за вред, причиненный дефектной продукцией, в законодательстве России: большой потенциал или клубок противоречий? // Закон. 2022. № 11. С. 176 – 187.

6. Лазарева Т. П. Коллизионное регулирование возмещения вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 46 – 54.

7. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации // Право и экономика. 2022. № 11. С. 9 – 16.

ВИНОВАЯ И БЕЗВИНОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Криушина А. В., курсант 2 курса международно-правового факультета
Научный руководитель: Малышева Н. А., кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье в контексте осуществления предпринимательской деятельности рассматривается сущность виновной и безвиновной ответственности, в том числе значение презумпции виновности. Особое внимание уделяется такой особенности предпринимательской деятельности как риски, которые зачастую выступают в качестве препятствий в исполнении обязательств. Автором приведены примеры обстоятельств, которые могут быть признаны непреодолимой силой, и тех, которые не могут являться таковыми, и свидетельствуют о виновности предпринимателя.

Ключевые слова: вина, виновная ответственность, безвиновная ответственность, предпринимательская деятельность, исполнение обязательства, непреодолимая сила.

GUILTY AND INNOCENT RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Kriushina A. V., 2nd year cadet of the Faculty of International Law
Supervisor: Malysheva N. A., Candidate in Law
Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
Moscow, Russia

Abstract. In the article, in the context of entrepreneurial activity, the essence of guilty and innocent responsibility, the meaning of the presumption of guilt is considered. Particular attention is paid to such features of entrepreneurial activity as risks, which often act as obstacles in the performance of obligations. The author gives examples of circumstances that can be recognized as force majeure, and those that cannot be such, and indicate the guilt of the entrepreneur.

Keywords: guilt, guilty responsibility, innocent responsibility, entrepreneurial activity, fulfillment of obligations, an irresistible force.

Современная юридическая наука содержит множество определений и концепций сущности вины как условия наступления юридической ответственности. Обобщив подходы различных исследователей, Е. В. Юрчак выделила компоненты, которые являются общими при определении этого понятия. К ним относится психическое отношение лица к «определённым объективным явлениям», к последствиям такого явления, а также осознание лицом «общественной вредности или общественной опасности» совершённого деяния и его последствий [4, с. 24]. Тем не менее, в отличие от положений уголовно-правовой доктрины, где вина является одним из обязательных условий для признания деяния преступным (а, следовательно, противоправным), в ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) допускается возможность несения ответственности лицом при отсутствии такого элемента, кажущегося неотделимым для юридической ответственности любого типа. Так, в пункте 1 этой нормы установлено, что «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности».

В п. 3 ст. 401 ГК РФ выделены особенности привлечения к гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

В соответствии с его содержанием можно выделить единственное основание, которое предусматривает законодатель в качестве допустимого и достаточного для освобождения от ответственности физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Это отсутствие реальной возможности совершить установленные законом или договором действия либо воздержаться от их совершения по причине непреодолимой силы, в науке иногда именуемой форс-мажором. Как было указано в разъяснениях, опубликованных в справочно-правовой системе «Консультант-Плюс», её характеризуют признаки чрезвычайности (спонтанности) и непредотвратимости, выраженной в объективности, то есть в полном обособлении от воли и непосредственной деятельности вовлечённых лиц.

Автор разделяет позицию российского законодателя, который выделил правоотношения с участием предпринимателей, в части оснований ответственности за нарушение обязательств, в отдельный п. 3 ст. 401 ГК РФ, поскольку характер их деятельности обладает рядом особенностей, влияющих на форму тех или иных правовых последствий. Это проявляется, в первую очередь, в самой сути предпринимательства – «удовлетворении общественных потребностей в товарах и услугах через организацию производственного процесса», неразрывно связанной с рисками в реализации «коммерческих идей» [1, с. 53, 57].

Лицо, являющееся предпринимателем, имеет представления о специфике осуществляемой им деятельности, и, как следствие, проинформировано о совокупности связанных с ней рисков. Так, например, владельцы гостиничного бизнеса должны учитывать, что предлагаемые ими услуги будут иметь спрос преимущественно в летний сезон, тогда как в иной период времени они имеют риск разорения из-за недостатка клиентов. К аналогичной группе рисков можно отнести характерные для конкретной территории природные условия (нерациональным решением будет постройка в районе, где преобладает холодный климат, непрочных сооружений без установленной системы отопления), а также систематические вооружённые конфликты и эпидемии, санкционная политика в отношении отдельных государств. Исходя из этого, можно выделить периодичность и прогнозируемость конкретных ситуаций как возможности должника предотвратить факт нанесения ему материального ущерба, который повлечёт значительные ограничения в способности исполнения обязательств или полное отсутствие таковой.

Наравне с указанными обстоятельствами существует перечень, в котором законодатель ясно установил обстоятельства, наступление которых не является основанием для исключения виновности субъекта предпринимательской деятельности. К ним, согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ и п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, относятся: (1) нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника; (2) отсутствие на рынке необходимых для исполнения обязательства товаров; (3) отсутствие у должника необходимых денежных средств для его погашения; (4) неправомерная деятельность представителя должника.

В приведённых ситуациях, перечень которых исчерпывающим не является, занимающиеся предпринимательством лица будут нести ответственность при наличии вины, выраженной в форме умысла или неосторожности. Автор считает, что указанное правило способно достаточно эффективно обеспечить качественное исполнение должником-предпринимателем возложенных на него обязательств, предотвратить повсеместное учреждение фиктивных юридических лиц с целью уклонения от ответственности.

Рассматривая практическую реализацию виновной ответственности осуществляющих предпринимательскую деятельность лиц, необходимо, на наш взгляд, исходить из общего правила презумпции виновности: не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство лицо, причинившее или не причинившее в результате этого имущественный ущерб кредитору, для установления своей невиновности должно будет в установленном законом порядке представить соответствующие доказательства. При этом суду следует учитывать характер индивидуальных особенностей конкретного случая, тщательно анализировать негативное воздействие приведённых должником процессов и явлений на осуществляемую им коммерческую деятельность. Это порождает спорность в определении виновности того или иного субъекта предпринимательской деятельности. Так, например, большую дискуссионность получил вопрос ответственности собственников отдельных видов малого и среднего бизнеса, понёвших значительные убытки в период пандемии Covid-19. Было отмечено, что в России «кризис затронул 6,05 млн.

компаний и предпринимателей», из числа которых за 2020 г. было закрыто 1,16 млн. предприятий малого и среднего бизнеса, что «в 2,3 раза больше, чем годом ранее» [2]. Этот вопрос ответственности в сложной эпидемиологической обстановке прокомментировал Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ), разъяснив неприемлемость универсализации влияния кризисных явлений на финансовые и организационные возможности ведения различных по своему содержанию и размеру форм бизнеса. Более того, в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, утвержденном Президиумом ВС РФ 21.04.2020, было указано на необходимость установления причинной связи между обстоятельствами, на которые указывает должник, и последствием в виде неисполнения обязательства. Например, техногенная катастрофа, произошедшая 3 года назад в соседнем регионе, не может быть признана основанием для безвиновного неисполнения кредитных обязательств юридического лица.

Автор разделяет позицию ВС РФ и считает, что существование презумпции виновности, предполагающей строго установленную процедуру доказывания отсутствия умысла и иных фактов возможности предвидения наступления соответствующих последствий, их периодичности и ожидаемости, является оправданным. Это объясняется сущностью гражданско-правовых обязательств, заключающейся в достижении взаимных целей контрагентов, и тем, что презумпция виновности является одним из фундаментальных механизмов обеспечения начал гражданского законодательства, выражающегося в «беспрепятственном осуществлении гражданских прав», восстановлении нарушенных прав, их «всемерной охраны и судебной защиты», а также запрете злоупотребления имеющимися правами [3, с. 77].

Итак, обратившись к положениям действующего гражданского законодательства и правовой доктрины, можно констатировать факт того, что, во-первых, разделение юридической ответственности на виновную и безвиновную имеет большое значение в вопросах исполнения и обеспечения исполнения обязательств. Во-вторых, стоит признать рациональным решение законодателя выделить в самостоятельную норму (п. 3 ст. 401 ГК РФ) особенности такого разграничения в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Такой шаг оправдан тем, что эта группа субъектов активно вовлечена в обязательственные отношения, а их деятельность неразрывно связана с рисками несения убытков, вплоть до прекращения существования соответствующего юридического лица или индивидуального предпринимателя. В-третьих, одним из приоритетных направлений в развитии институтов виновной и безвиновной ответственности автор предлагает признать охрану прав и законных интересов кредиторов подобных отношений. В этом аспекте было бы разумным продумать систему мер, на основе которых было бы возможным обеспечить предупреждение и пресечение недобросовестных действий должников, направленных на избежание исполнения обязательств в соответствии с установленными законом или договором требованиями. В-четвертых, определение ответственности как виновной или безвиновной остаётся вопросом, отличающимся максимальной субъективностью при оценке управомоченными органами. Поэтому предлагается, опираясь на материалы, изложенные в СМИ, и судебную практику, с одной стороны,

расширить существующий в п. 3 ст. 401 ГК РФ перечень обстоятельств непреодолимой силы, а с другой, более детально раскрыть содержание каждого вида форс-мажорных обстоятельств. На наш взгляд, такая мера будет способствовать предотвращению возможных злоупотреблений в рассматриваемой сфере как со стороны должника, так и кредитора, и иных заинтересованных лиц.

Библиографический список

1. Болор Б. Понятие и содержание предпринимательства // Проблемы науки. 2017. № 7 (20). С. 52 – 57.

2. Потери российского бизнеса от коронавируса за 2020 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Сбербанка Российской Федерации. URL: http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/poteri-rossijskogo-biznesa-ot-koronavirusa/ (дата обращения: 16.05.2023).

3. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2015. 958 с.

4. Юрчак Е. В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 21 – 25.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Левченко К. Е., магистрант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Иловайский И. Б., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Развитие искусственного интеллекта наблюдается на всех уровнях современной жизни: банкинг, медицина, транспорт, промышленность и, конечно, в интернет-технологиях. На первый взгляд такой прогресс может показаться ежедневной рутинной, минуя затруднения, связанные с этим процессом. Но на самом деле он складывается из множества крохотных шагов, которые требуют огромной ответственности со стороны производителей искусственного интеллекта. Именно отдельным аспектам подобной проблематики посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: технология распределенного реестра, искусственный интеллект, вред, деликтная ответственность.

SEPARATE ISSUES OF TORT LIABILITY IN THE IMPLEMENTATION OF DISTRIBUTED REGISTRY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Levchenko K. E., 1st year master student of the Faculty of Law
Supervisor: Povaisky I. B., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

Abstract. The development of artificial intelligence is observed at all levels of modern life: banking, medicine, transport, industry and, of course, in Internet technologies. At first glance, such progress may seem like a daily routine, bypassing the difficulties associated with this process. But in fact, it consists of many tiny steps that require huge responsibility on the part of artificial intelligence manufacturers. It is certain aspects of such a problem that this study is devoted to.

Keywords: distributed registry technology, artificial intelligence, harm, tort liability.

Несмотря на свое более чем тысячелетнее существование, сентенция древних римлян «не идти вперед, значит идти назад (*non progredi est regredi*)» актуальна и в настоящий момент [4, с. 29]. Путь вперед в области науки привел к тому, что современный человек не способен обойтись без новейших технологий, которые с развитием электронных средств и способов обработки информации все чаще начинают использовать работу искусственного интеллекта, под которым понимается некий «электронный мозг», позволяющий анализировать и принимать решения на основе собранных информационных данных.

Термин «распределенный реестр» используется для характеристики отдельных информационных систем, то есть, в силу ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», совокупности содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Примером использования подобной технологии является блокчейн, под которым понимают криптографически защищенный реестр, хранящий и отслеживающий значимые сведения, и действия в хронологическом порядке и создающий защищенные записи транзакций конкретных субъектов. Такая информация не может быть изменена или удалена без согласия

её обладателей. Каждая акция заверяется криптографическими подписями участников после достижения ими децентрализованного согласия и добавляется в реестр в качестве нового «блока» (block) в цепочку записей (chain). Вся зашифрованная цепь информации видна участникам, что делает подобные действия, с одной стороны, прозрачными, а с другой, они остаются конфиденциальными. Для защиты от повреждения указанная система находится под так называемым «криптографическим» замком [5, с. 379].

Система распределенных реестров (блокчейн) не обладает абсолютной универсальностью и имеет безусловные преимущества и явные недостатки. К первым из них относят четыре достоинства. Во-первых, высокую степень безопасности благодаря использованию средств криптографии при осуществлении каждой транзакции. Во-вторых, децентрализованный характер работы, за счет которого риски сбоя или отказа в функционировании распределенного реестра в случае выхода из строя отдельного элемента системы сводятся к минимуму. В-третьих, невозможность несанкционированного внесения изменений в информационный банк данных блокчейна. В-четвертых, прозрачность, ибо все действия документируются и открыты для рассмотрения всем участниками такой системы. Однако, существенны и недостатки: (1) индустрия блокчейн находится на ран-

нем этапе развития и имеет ряд технологических и финансовых проблем; (2) как в Российской Федерации, так и в большинстве стран мира отсутствует полное, а иногда и адекватное правовое регулирование отношений при организации и осуществлении системы, основанной на подобной платформе; (3) второй из указанных недостатков порождает и третий – возможность (риск) недобросовестного поведения отдельных участников такого рода объединения или организации, например, исчезновения отдельных посредников или иных субъектов системы [1, с. 163].

Научно-технический прогресс не стоит на месте, с каждым днем увеличивается количество сфер жизнедеятельности человека, в которых применяется искусственный интеллект, и одной из таких сфер является транспорт. На первый взгляд такой прогресс может показаться ежедневной рутинной, минуя затруднения, связанные с этим процессом. Но на самом деле он складывается из множества крохотных шагов, которые требуют огромной ответственности и внимательности со стороны производителей искусственного интеллекта.

В настоящее время в Российской Федерации проводятся испытания беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования, такая инициатива принадлежит компаниям «Сбер», которая вывела уже 10 машин на дороги, и «Яндекс», испытывающая около 140 машин.

Общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом, недостаточно урегулированы, как в нашем государстве, так и в зарубежных странах, наиболее острой проблемой в этом случае является деликтная ответственность, когда объекты с подобными признаками нарушают права и законные интересы физических лиц. Правила такой ответственности определены в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Вред может быть вызван действием или бездействием. В случае, если его причинение было независимым от воли лица, то меры ответственности на него не распространяются. Однако если причинение вреда было предвидимым или предполагаемым, то ответственность возлагается на владельца или хозяина объекта, который является источником этого риска.

Решение проблемы правового регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, ищет как наша страна, так и весь мир в целом. Так, в 2017 г. Европейский парламент принял Резолюцию «Нормы гражданского права о робототехнике». Одним из предложений Европейского парламента является наделение роботов правовым статусом электронного лица, то есть появление нового субъекта гражданского права. Однако, несмотря на свою радикальность, вряд ли это предложение можно назвать прогрессивным. Если робот будет обладать только правосубъектностью, то возместить ущерб потерпевшему или его транспортному средству все равно невозможно. По сути, простое отнесение роботов к субъектам, а не объектам гражданского права, не наделяет их признаками правосубъектности, в том числе способностью самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы или имущественной самостоятельностью [3, с. 226 – 227].

Ряд ученых предлагает относить искусственный интеллект к источнику повышенной опасности, а, поскольку нормы главы 59 ГК РФ не содержат исчерпы-

вающий перечень таких объектов, следовательно, причиненный вред будет возмещаться в порядке ст. 1079 ГК РФ. Согласно ее положениям, юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Существует проблема справедливости при взыскании ущерба, причиненного вещью с признаками искусственного интеллекта (например, беспилотными транспортными средствами), с создателя (владельца), поскольку такой объект действует автономно в соответствии с инструкциями программного обеспечения, запрограммированного разработчиком. Возможно, что работа подобного имущества осуществляется еще сложнее на основе системы элементов искусственного интеллекта и собой дает один из них, например, элемент системы распределенного реестра. Таким образом, в случае с беспилотными автомобилями владелец только задает пункт назначения, в который должен прибыть автомобиль, но не может отвечать за обеспечение работы этого маршрута со стороны спутника, обеспечивающего навигацию или систему связи, которая обеспечивает обмен информацией.

По мнению Е. Н. Ирискиной и К. О. Беляковой, к вопросу ответственности за вред, причиненный роботом, необходимо применять положения ст. 1095 ГК РФ [2, с. 67 – 68]. Анализ подобной позиции приводит к выводу, что субъектом ответственности является продавец или изготовитель такого имущества. Мы не можем согласиться и с этим суждением, так как оно исключает возможность привлечения к ответственности владельца объекта, обладающего искусственным интеллектом.

В связи с чем, как нам представляется, существует явная потребность в разработке и дополнении главы 59 ГК РФ новыми правилами. В них необходимо указать не только объект(ы), обладающий признаками искусственного интеллекта, как источник повышенной опасности, но и определить ответственных лиц и порядок наложения ответственности за вред, причиненный такого рода имуществом, включая правила компенсации вреда для пострадавших. Правоприменительная практика из причинения вреда со стороны рассматриваемых объектов уже начинает складываться, но пробелы в правовом регулировании не позволяют однообразно, а иногда и верно, без злоупотреблений и недостатков принимать решения по подобным прецедентам. Суды рассматривают каждый случай индивидуально, исходя из имеющихся фактов и заключений экспертиз.

Например, эксперименты с участием беспилотников на российских дорогах еще только в планах, а вот в Китае уже разработали правила, которые определяют ответственных за дорожно-транспортное происшествие с участием автономных такси. С 1 августа 2022 г. в городе Шэньчжэнь разрешили такси без водителя за рулем, однако в салоне обязан находиться сотрудник, который подстрахует искусственный интеллект. Правовая новация устанавливает, что если внутри транспортного

средства присутствовал водитель, то он становится ответственным в случае правонарушения в результате действия умной машины. Если же человека, способного управлять автомобилем, не было, то виновным считается владелец беспилотника. Но если будет доказано, что авария произошла из-за дефектных деталей или сбоев в программном обеспечении, то отвечать будет производитель машины или разработчик программного обеспечения. При этом владельцу беспилотника предоставляется возможность защитить свои интересы, обратившись в суд [6, с. 273].

Оценивая изложенное применительно к отечественной действительности, мы полагаем, что Верховный Суд РФ мог бы оперативно, обобщив материалы подобных дел, дать временные, до принятия законодателем соответствующих нормативов, разъяснения по их рассмотрению в нижестоящих судах. Оборот объектов, обладающих признаками искусственного интеллекта, да и сама дефиниция «искусственный интеллект», – сложная и многогранная проблема, которая для ее осмысления потребует от отечественного законодателя достаточно больших временных затрат. Поэтому указанный акт высшего суда был бы весьма актуален и полезен на текущий момент.

Библиографический список

1. Agibalova E. N., Ilvaysky I. B., Kail Ya. Ya., Usanova V. A. Use of Letter of Credit Form of Payment in

the Implementation of Smart Contracts and Blockchain Technology // Popkova E., Sergi B. (eds.) Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vols. 129. Zug: Springer Nature Switzerland, 2020. P. 160 – 170.

2. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63 – 72.

3. Корчагин М. А. Деликтная ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 224 – 232.

4. Латинизмы в гражданском праве: учебно-методическое пособие / В. Н. Васин, В. И. Казанцев, Н. К. Нарозников. М.: Книжный мир, ВГНА МНС РФ, 2004. 115 с.

5. Левченко К. Е. Блокчейн как элемент системы искусственного интеллекта: основные понятия, субъектный состав и принципы работы // Правовые основы формирования и развития информационного общества в России: эл. сб. материалов всерос. науч.-прак. конф. Ростов-на-Дону, РГУП, 29 октября 2021 г. Ростов-на-Дону: Издательство ИП Беспаятнов С. В., 2021. С. 377 – 380.

6. Морозов А. А. Криптовалюты и блокчейн технологии: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 368 с.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ, ПРИЧИНЕННОГО НЕЦЕЛЕВЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

Лукьяненко Ю. Д., студент 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Осетрова А. Ю., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Автор анализирует судебную практику и отвечает на вопросы, что означает нецелевое использование, возможно ли заставить изменить вид разрешенного использования при использовании участка не по целевому назначению, какие последствия отказа в его изменении и как возмещается ущерб, причиненный нецелевым использованием. Подчеркивается, что, если восстановление свойств участка невозможно, нарушитель должен возместить вред в натуре и в денежной форме, а также уплатить иные убытки.

Ключевые слова: нецелевое использование земельного участка, возмещение ущерба при нецелевом использовании.

REMEDY FOR DAMAGE ON MUNICIPAL LAND CAUSED BY MISUSE

Lukyanenko Yu. D., 3rd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Osetrova A. Yu., Candidate in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA
Volgograd, Russia

Abstract. The author analyzes judicial practice and answers questions about what misuse means, whether it is possible to force a change in the type of permitted use when the site is not used for its intended purpose, what are the consequences of refusing to change it, and how the damage caused by misuse is compensated. It is emphasized that if the restoration of the properties of the site is impossible, the violator must compensate for the damage in kind and in cash, as well as pay other losses.

Keywords: misuse of land, compensation for damage in case of misuse.

Чтобы разобраться с вопросом нецелевого использования земель нужно обратиться к понятию вида разрешенного использования. По мнению профессора А. П. Анисимова, это «определенная доминирующая цель использования земельного участка – выращивание сельскохозяйственной продукции (для земель сельскохозяйственного назначения); сохранение уникальных природных комплексов и объектов для будущих поколений людей в первозданном виде (для земель особо охраняемых территорий и объектов) и т. д. Такого рода цель определяет принадлежность земельного участка к определенной категории земель. Это означает наличие у собственника (землепользователя, землевладельца, арендатора) по-своему уникального набора прав и обязанностей по использованию и охране земельного участка» [2, с. 30]. Таким образом, отступление от вида разрешенного использования фактически и будет нарушением цели земельного участка, то есть нецелевым использованием. При этом «целевое назначение устанавливается земельным законодательством для всех категорий земель, указанных в ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ). А разрешенное использование земельных участков, конкретизирующее целевое назначение для участков в составе отдельных категорий и субкатегорий земель, определяется правилами землепользования и застройки в порядке, установленном градостроительным законодательством» [5, с. 95].

Судебная практика по делам, связанным с нецелевым использованием земельных участков и возмещением ущерба, причиненного таким использованием,

очень разнообразна и до сих пор вызывает множество вопросов у лиц, которые обращаются в суд с исковыми требованиями.

Возникающие трудности рассмотрим на наглядном примере и обратим внимание на дело № 2-298/2020 Темрюкского районного суда Краснодарского края от 26.02.2020 о запрете эксплуатации объекта капитального строительства и возложении обязанности изменить вид разрешенного использования земельного участка. На территории Темрюкского района Краснодарского края находился объект капитального строительства с прилежащим к нему земельным участком. На момент осмотра объект не эксплуатировался, однако усматривались признаки нецелевого использования земельного участка, так как на фасаде здания имелась информационная вывеска о сдаче номеров. На земельном участке возведен объект капитального строительства – трехэтажное здание с признаками гостиничного типа. В ходе судебного заседания было доказано, что на земельном участке действительно построена гостиница. Однако категория земель была установлена как земли населенных пунктов, а вид разрешенного использования – для садоводства. Тогда как фактическое использование земельного участка соответствует виду разрешенного использования «гостиничное обслуживание». Однако земельный участок использовался не по целевому назначению, а вид разрешенного использования на момент судебного разбирательства не изменен. Ответчик разрешение на ввод построенного объекта, а также акт, разрешающий эксплуатацию его как дома отдыха, в администрации муниципального образования не получал.

Администрация муниципального образования «Темрюкский район» в связи с нецелевым использованием земельного участка просила у суда следующее:

1. Применить обеспечительную меру в виде запрета Управлению Росреестра по Краснодарскому краю совершать регистрационные действия, связанные с государственной регистрацией перехода права собственности в отношении земельного участка.

2. Запретить собственнику земельного участка и иным лицам эксплуатацию объекта капитального строительства – здания в качестве гостевого дома, до оформления объекта недвижимости в установленном законе порядке (назначение объекта недвижимости с «жилой дом» на «нежилое здание» и наименование объекта недвижимости с «жилое строение» на «дом отдыха»).

3. Обязать собственника земельного участка оформить в установленном законом порядке изменение вида разрешенного использования земельного участка.

Оценивая изложенное выше, возникает обоснованный вопрос: вправе ли администрация муниципального образования выдвигать подобные требования?

В положениях частей 8 и 10 ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее также – ГрК РФ) и п. 4 ст. 85 ЗК РФ предусматривается, что запрет использования земельных участков, не соответствующих градостроительному регламенту, возможен только в случае установления обстоятельства наличия опасности для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) при их использовании. Соответственно из этой нормы мы понимаем, что раз гостиница по итогам экспертизы не несет никакой опасности для жизни и здоровья людей, запрет на её эксплуатацию наложен быть не может.

Но можно ли просить обязать собственника изменить вид разрешенного использования? Собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками, обязаны использовать земельные участки согласно их целевому назначению и разрешенным способам использования, которые не должны наносить вред окружающей среде (абзац 2 ст. 42 ЗК РФ, п. 2 ст. 7 ЗК РФ). Изменение вида разрешенного использования земли возможно, согласно ч. 3 ст. 37 ГрК РФ, только с соблюдением требований градостроительного регламента и технического регламента.

Из системного толкования положений Градостроительного кодекса РФ следует, что изменение вида разрешенного использования земельного участка, находящегося в собственности, невозможно без волеизъявления собственника такого земельного участка, при условии соответствия такого изменения градостроительному регламенту.

Поскольку в ст. 85 ЗК РФ не установлено обязанности при использовании земельного участка приводить его в соответствие с видом разрешенного использования, а в силу п. 2 ст. 7 ЗК РФ ответчики, являясь собственниками земельного участка, вправе изменить вид разрешенного использования на иной самостоятельно путем обращения в орган кадастрового учета, без чьих-либо разрешений и согласований, то требование администрации о возложении обязанности изменить вид разрешенного использования земельного участка фактически является неправомерным.

По результатам анализа указанного дела можно прийти к выводу, что на законных основаниях никто не вправе заставить собственника изменить вид разрешенного использования земельного участка, если его фактическое использование не является целевым.

Однако не все так просто, ведь нецелевое использование все еще является правонарушением. Поэтому можем предположить, что в итоге будет с гостиницей, построенной на земельном участке, предназначенном для садоводства. Должностные лица, ответственные за муниципальный земельный контроль, могут составить акт проверки земельного участка и направить его в Росреестр (ст. 23.21 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)) для рассмотрения, если обнаружены признаки административного правонарушения. В случае выявления нарушения земельного законодательства в результате муниципального земельного контроля, нарушитель может быть привлечен к административной ответственности в виде штрафа (ст. 8.8 КоАП РФ) за использование земельного участка не по целевому назначению. Также может быть выдано предписание об изменении вида разрешенного использования земельного участка в соответствии с его целевым назначением, и невыполнение этого требования может также привести к штрафу, согласно ст. 19.5 КоАП РФ [1, с. 36].

Если же такие меры административной ответственности не воздействуют на собственника земельного участка, и вид разрешенного использования не будет изменен, то тогда Росреестр, а именно его территориальные органы, будут правомочны обратиться в суд с иском об изъятии (ст. 285 Гражданского кодекса Российской Федерации) земельного участка в муниципальную собственность [4, с. 65]. Если бы в этом деле фигурировал не дом, а, к примеру, какие-нибудь небольшие ангары, которые также эксплуатировались бы не в соответствии с видом разрешенного использования, то такие постройки в судебном порядке можно было бы потребовать снести.

Анализируя практику далее, интерес вызывает и позиция судов, в которой утверждается, что нецелевое использование здания или его части, расположенного на земельном участке, не является признаком нецелевого использования самого участка. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 11.07.2017 по делу № А40-151922/2016 признал, что собственник земельного участка, на котором расположен складской комплекс, использует складские помещения для офисов. Суд не считает, что это является нецелевым использованием земельного участка, потому что использование помещений в нежилом здании является вопросом использования объекта недвижимости, а не земельного участка.

Чтобы защитить права на земельный участок и сохранить его как природный объект, часто используется способ устранения нарушений целевого использования земельного участка. Такое требование может быть связано с обязанностью освободить участок от незаконно размещенных объектов, таких как торговые палатки или самовольно возведенные объекты недвижимости. Но что делать, если лицо еще не было подвергнуто каким-либо мерам воздействия, которые могли бы привести к изменению вида разрешенного использования или же к эксплуатации участка по его целевому назначению, а участку уже был причинен ущерб?

Если земельный участок был поврежден из-за нецелевого использования, суд может обязать нарушителя восстановить почвенный слой и рекультивировать участок. Если восстановление невозможно, нарушитель должен возместить вред как в натуре, так и в денежной форме.

Часто нецелевое использование земельного участка приводит к причинению вреда природному объекту. Судебная практика показывает, что земельный и гражданский законы применяются судами в совокупности с нормами природоохранного законодательства. Для взыскания убытков с нарушителя необходимо доказать наличие вреда, его размер и причинно-следственную связь между действиями лица и причиненным вредом. Размер вреда определяется в соответствии с утвержденными таксами и методиками, например, Методикой исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, утвержденной приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238. В дополнение к компенсации за нецелевое использование, нарушитель может быть обязан возместить иные убытки, такие как расходы собственника земельного участка на снос построек, незаконно возведенных на участке, а также упущенную прибыль владельца, связанную с невозможностью использования земельного участка в соответствии с разрешенным назначением.

В ст. 74 и ст. 75 ЗК РФ предусматриваются различные виды ответственности, включая уголовную (ст. 254 Уголовного кодекса Российской Федерации «Порча земель») и дисциплинарную, которые применяются в случае нарушения правил использования земельных участков. Более того, нецелевое использование зе-

мельных участков может привести к увеличению налоговой ставки на землю для сельскохозяйственных участков, которые фактически не используются для сельскохозяйственного производства (п. 1 ст. 394 Налогового кодекса Российской Федерации) [3, с. 82].

Таким образом, нецелевое использование земельных участков может иметь серьезные негативные последствия как материального, так и морального характера, и это важно учитывать как для существующих землепользователей, так и для тех, кто приобретает права на земельные участки.

Библиографический список

1. Довгалецкий Я. Е. Административное правонарушение в области охраны собственности: «Нецелевое использование земельного участка» // Вестник НИИ. 2018. № 31. С. 33 – 37.
2. Земельное право России: учебник для вузов / А. П. Анисимов, Ю. И. Исакова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под ред. А. П. Анисимова. М.: Издательство Юрайт, 2023. 338 с.
3. Костенко Е. А. Виды ответственности за нецелевое использование земельных участков и их соотношение // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 81 – 85.
4. Круглякова В. М., Петрова Э. Э. Особенности условий и порядка изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // E-Scio. 2020. № 1 (40). С. 61 – 69.
5. Осетрова А. Ю. Об определении вида разрешенного использования как способе уточнения правового режима садового земельного участка // Аграрное и земельное право. 2022. № 5 (209). С. 93 – 99.

МЕСТО НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Наумов М. А., аспирант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Дерюгина Т. В., доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о месте обязательств, связанных с нарушением авторских и исключительных прав, в российской системе деликтных обязательств. Автор приходит к выводу, что механизмы, предусмотренные при защите авторских и исключительных прав, в полной мере не соответствуют аналогичным способам защиты прав в деликтном праве. В этой связи предлагается новое понимание института компенсации за нарушение исключительных прав как вида публичной неустойки.

Ключевые слова: защита авторских и исключительных прав, компенсация за нарушение исключительных прав, деликтные обязательства, состав деликтного правонарушения, порядок доказывания, неустойка.

PLACE OF COPYRIGHT AND EXCLUSIVE RIGHTS INFRINGEMENTS IN THE SYSTEM OF TORT OBLIGATIONS

Naumov M. A., 2nd year postgraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Deryugina T. V., Doctor of Law, Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP
Volgograd, Russia

Abstract. The article raises the issue of the correlation of copyright and exclusive rights infringements in the Russian system of tort law. The author comes to the conclusion that the mechanisms provided for the protection of copyright and exclusive rights do not fully correspond to similar methods of protection of rights provided for in the event of harm. In this regard a new understanding of the institution of compensation for violation of exclusive rights as a type of public penalty is proposed.

Keywords: protection of copyright and exclusive rights, compensation for infringement of exclusive rights, tort obligations, composition of a tort offense, standard of proof, forfeit.

Одним из наиболее частых вопросов, возникающих при рассмотрении российской системы деликтных обязательств, является вопрос квалификации тех или иных гражданских правонарушений в качестве специальных деликтов.

Внедоговорное нарушение авторских и исключительных прав некоторые исследователи относят к гражданским деликтам [3, с. 24]. Так, по мнению Н. И. Федоскиной, «нарушение абсолютных авторских или смежных прав представляет собой гражданско-правовой деликт и выступает основанием применения как <...> способов защиты авторских и смежных прав, так и норм гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» с учетом особенностей авторско-правовых отношений» [5, с. 115]. Аналогично О. В. Богданова отмечает, что «нарушение исключительного права действительно есть деликт, поскольку в данном случае внедоговорное обязательство возникает вопреки воле его участников и правообладателю причиняется вред» [2, с. 70]. Более того, автор и вовсе указывает на ошибочность сложившейся в цивилистической доктрине позиции, согласно которой «требование о возмещении убытков в отношении нарушения личных неимущественных авторских прав может быть предъявлено лишь теоретически, поскольку практически невозможно обосновать факт имущественных потерь» [2, с. 158].

Вместе с тем, принимая во внимание специфику правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав, возникает вопрос: является ли нарушение авторских или исключительных прав специальным деликтом?

В соответствии со ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) вред, причиненный имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Такой субъект освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. Указанная норма, по обыкновению, считается выражением в российском законодательстве принципа генерального деликта, устанавливающей основание гражданско-правовой ответственности за причинение вреда сама по себе. Иными словами, «если причинен вред, то возникает обязанность по его возмещению» [4, с. 37]. Конкретизированный в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.07.2010 № 4515/10 принцип генерального деликта означает, что всякое причинение вреда презюмируется противоправным.

Возмещение причиненного вреда в судебном порядке характеризуется необходимостью для потерпевшего доказать наличие состава гражданского правонарушения. Как неоднократно разъяснено Конституционным Судом Российской Федерации, обязательство вследствие причинения вреда возникает при наличии

совокупности следующих условий: 1) факт наступления/причинения вреда; 2) противоправность поведения причинителя вреда; 3) причинно-следственная связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда; 4) вина причинителя вреда.

В том случае, когда вред может быть определен в денежном выражении (убытки), на потерпевшего дополнительно возлагается бремя доказывания размера убытков. Так, во взаимосвязи положений, предусмотренных п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 и п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7, при взыскании убытков лицу необходимо доказать следующие элементы состава гражданского правонарушения: (1) факт наличия убытков; (2) размер понесенных убытков; (3) противоправность поведения причинителя вреда; (4) причинную связь между действиями причинителя вреда и названными убытками. В свою очередь, по указанной категории дел на причинителя вреда возлагается бремя доказывания отсутствия вины в совершенных им действиях (бездействии).

Из указанного следует, что, как правило, для классификации правонарушения в качестве деликта необходимо наличие состава гражданского правонарушения, содержащего как минимум четыре элемента. Исключения из такого правила представляют собой либо специальные (сингулярные) деликты, либо такие правонарушения, которые по своей природе являются деликтами, но еще не известны отечественному законодательству и правоприменительной практике.

В то же время, обращаясь к нормам об ответственности за нарушение авторских и исключительных прав, следует отметить, что они в должной мере не отражают выработанного доктриной и правоприменительной практикой существа правового регулирования деликтных обязательств. Ответственность в рассматриваемой сфере установлена ст. ст. 1250, 1252, 1253 и 1301 ГК РФ, в которых законодатель, по сути, предоставляет авторам, правообладателям и иным лицам альтернативные способы защиты прав. Их по своему характеру можно классифицировать: во-первых, на способы защиты права в натуре, обладающие абсолютным характером (признание права, пресечение неправомерных действий); во-вторых, на относительные способы, то есть выраженные в компенсации имущественного вреда (взыскание убытков или денежной компенсации); в-третьих, на дополнительные компенсаторные способы – публикация опровергающих сведений, изъятие и уничтожение орудий и средств правонарушения.

Детально рассматривая относительные способы защиты авторских и исключительных прав, законодатель предоставляет потерпевшему два альтернативных способа защиты своих прав: взыскание убытков или взыскание денежной компенсации. При этом при взыскании денежной компенсации правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Вместе с тем освобождение от такого рода действия косвенно влияет и на бремя доказывания иных элементов состава гражданского правонарушения. То есть освобождение от доказывания размера убытков фактически влечет также освобождение от доказывания факта причинения убытков, что представляется довольно логичным, поскольку факт причинения убытков всегда обусловлен уменьшением или порчей

имущества потерпевшего. Если закон освобождает от доказывания количественных характеристик такого уменьшения, то доказывание самого факта причинения убытков не имеет существенного юридического значения.

Учитывая повышенный стандарт доказывания при взыскании убытков и особые сложности, возникающие в определении их размера, закон и правоприменительная практика, по общему правилу, исходят из того, что размер убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. При этом, по смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ, в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. Таким образом, в случаях невозможности установления точного размера убытков, на потерпевшего возлагается бремя доказывания «примерного, вероятного размера убытков», в то время как правообладатель освобожден от доказывания размера убытков вообще.

Деликтное обязательство, безусловно, обуславливается не только причинением имущественного вреда, но выражается также в форме физического и морального, в том числе репутационного вреда, то есть во всяком умалении охраняемого законом блага [1, с. 30].

Однако в случаях нарушения исключительных и авторских прав правообладатель не освобождается от доказывания причинения неимущественного вреда, в связи с чем механизмы компенсации, предусмотренные ст. 1301 ГК РФ, на такие требования не распространяются. То есть, требования о возмещении морального или репутационного вреда будут представлять собой отдельное основание иска и должны быть в должной степени обоснованы потерпевшим по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством.

Таким образом, правообладатель в случае подачи иска о защите авторских/исключительных прав фактически освобождается от обязанности доказывания двух значительных элементов деликтного правонарушения: факта причинения вреда и причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями.

Учитывая также, что вина в совершении правонарушения предполагается, правообладателю необходимо доказать только два имеющих значение обстоятельства: факт наличия исключительных прав и факт нарушения этих прав третьим лицом.

В этом случае, на наш взгляд, нарушение исключительных прав в должной степени нельзя назвать деликтным обязательством, поскольку правообладатель приобретает имущественное право требовать компенсацию за нарушение исключительных прав даже в отсутствие причинения ему вреда.

Дополнительно обращает на себя внимание содержание ч. 3 ст. 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в которой закреплена последовательность доказывания в вопросе применения судом предварительных обеспечительных мер защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». В этой норме установлено, что заявитель обязан доказать факт незаконного использования объектов исключительных прав и права заявителя на подобные объекты. Из этого следует, что законодатель практически приравнял между

собой порядок доказывания при применении предварительных обеспечительных мер и при разрешении спора о нарушении исключительных прав по существу. В таком случае механизм защиты исключительных прав, предусмотренный в ст. ст. 1250, 1252, 1301 ГК РФ, по своей правовой природе представляет собой иной способ судебной защиты права, отличающийся от способов, аналогичных защите прав потерпевших при внедоговорном причинении вреда.

По нашему мнению, наиболее близким по своей сути к этому способу защиты права является взыскание неустойки. Так, в соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

Из вышеизложенного следует, что обоих случаях, как при взыскании денежной компенсации за нарушение исключительных прав, так и при взыскании неустойки, заявитель фактически освобождается от доказывания не только размера, но самого факта причинения убытков, что свидетельствует о схожести порядков доказывания.

Кроме того, в ст. 308.3 ГК РФ предусмотрен относительно новый для российского права институт судебной неустойки – астрента, который назначается в случае неисполнения судебного акта, обязывающего должника исполнить обязательство в натуре. Такая форма взыскания может быть назначена и в ситуации, если между сторонами отсутствуют договорные правоотношения, например, при защите права собственности в случае возложения обязанности не чинить препятствия или устранить допущенные нарушения. Подобную неустойку можно назвать публичной, то есть мотивирующей субъектов гражданского оборота надлежащим способом исполнять внедоговорные обязательства. В таком случае установление компенсации за нарушение исключительных прав можно рассматривать как своего рода законную публичную неустойку и соответственно применять к ней правила о неустойке, предусмотренные параграфом 2 главы 23 ГК РФ, а также ст. 394 ГК РФ.

Указанное позволит облегчить для субъектов гражданского оборота и правоприменителей понимание вопросов, связанных с определением размера компенсации, возможности её снижения и соотношения с реально причиненным неправомерными действиями вредом. Кроме того, при определении размера компенсации бремя доказывания факта и возможного (потенциального) размера убытков, вызванных нарушением исключительных прав, будет более сбалансировано возлагаться на обе стороны, так как для снижения неустойки правонарушитель будет иметь право доказывать, что размер возможных убытков в значительной степени ниже суммы компенсации, запрашиваемой правообладателем.

В этом случае нарушитель может быть заинтересован в определении возможного размера убытков даже в большей степени, чем правообладатель. Такого рода порядок может решить не только задачи юридического и процедурного характера (усиление состязательного начала процесса, более качественное и всестороннее рассмотрение спора), но и способствовать раскрытию неправомерного поведения правонарушителя, связанного с неосновательным получением доходов от неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности. Все это в совокупности может благоприятно воздействовать на различные профессиональные области, в том числе в целях проведения экспертиз по определению упущенной выгоды.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.
2. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 222 с.
3. Гаврилов Э. П. Некоторые актуальные вопросы авторского права и смежных прав // Хозяйство и право. 2005. № 1. С. 20 – 36.
4. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть Закона. 2018. № 1 (33). С. 31 – 39.
5. Федоскина Н. И. Нарушение авторских и смежных прав: содержание и виды // Журнал российского права. 2007. № 11 (131). С. 110 – 120.

КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА

Нгуен Т. Б. Т., студент 4 курса Высшей школы права
Научный руководитель: Зулфугарзаде Т. Э., кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены основные результаты краткого сравнительного анализа правового регулирования деликтной ответственности по законодательству России и Вьетнама. Исследованы основные нормативные правовые акты СРВ и РФ, регулирующие порядок и правила возмещения вреда (ущерба), вытекающие из внедоговорных обязательств; определены субъекты и условия возникновения деликтных обязательств. Приведена классификация, а также определены общие основания для возникновения деликтных обязательств.

Ключевые слова: право, возмещение вреда, деликт, ответственность, компенсация.

A BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TORT LAW OF RUSSIA AND VIETNAM

Nguyen T. B. T., 4th year student Higher School of Law
Supervisor: Zulfugarzade T. E., Candidate in Law, Associate Professor Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Abstract. The article presents the main results of a brief comparative analysis of the legal regulation of tort liability under the legislation of Russia and Vietnam. The main normative legal acts of the SRV and the Russian Federation regulating the procedure and rules for compensation of harm (damage) arising from non-contractual obligations are investigated; the subjects and conditions of the occurrence of tort obligations are determined. The classification is given, as well as the general grounds for the occurrence of tort obligations are determined.

Keywords: law, damages, tort, liability, compensation.

Деликтное право является видом гражданско-правовой ответственности, возникающим вне зависимости от договора и наступающим при наличии акта нарушения гражданского законодательства (умышленного или неумышленного причинения вреда другим лицам) [4, с. 93]. Ответственность за ущерб порождает обязанность его возмещения. В свою очередь, такая обязанность является видом гражданско-правовых отношений, в которых лицо, посягающее на жизнь, здоровье, имущество или достоинство другого лица (например, подрядчика), обязано возместить причиненный им материальный ущерб и (или) моральный вред.

Основанием для возмещения вреда, установленным законом, является общий принцип ст. 74 Конституции СРВ 1992 г., в соответствии с которым любое лицо, которому причинен вред и/или понесшее ущерб, имеет право на материальное возмещение и восстановление чести. Возмещение внедоговорного ущерба представляет собой тот случай, когда потерпевшая сторона вправе требовать от потерпевшей стороны возмещения убытков, возникших не вследствие нарушения договорных обязательств. Согласно положениям ГК СРВ 2015 г., условиями возникновения внедоговорных убытков являются случаи причинения фактического ущерба (прямой ущерб и косвенный ущерб).

Действиями, причиняющими вред, считаются противоправные деяния (посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство, репутацию, имущество, права и иные законные интересы других лиц). При этом существует причинно-следственная связь между противоправным деянием и причиненным ущербом [5, с. 98].

Кроме того, при определении ответственности по возмещению вреда необходимо обращать внимание на вину сторон. Вина нарушителя является одним из условий, порождающим ответственность за причинение вреда, но не обязательным ее элементом.

Лицом, причинившим вред, может быть любой субъект: физическое лицо, юридическое лицо, государственный или муниципальный орган, но возмещение вреда должно быть осуществлено лицом, способным возместить ущерб (при этом оно само участвует в обязательственных отношениях). Согласно вьетнамскому законодательству, лица, достигшие полных 18 лет, причинившие ущерб, должны сами его возместить; лица в возрасте от полных 15 до 18 лет, причинившие ущерб, должны возместить ущерб своим имуществом, если такового недостаточно, то за счет имущества их родителей (т. е. при недостаточности собственного имущества таких лиц возмещение оставшегося ущерба производится за счет имущества их родителей); несовершеннолетние или лица, утратившие гражданскую дееспособность, причинившие ущерб, если им назначен опекун, возмещают ущерб через опекуна, который забирает их имущество в качестве компенсации, при этом, если их активов недостаточно, возмещение осуществляется также и за счет имущества опекуна, но если опекун докажет свою невиновность, то компенсация не требуется.

Переходя к анализу правового обеспечения деликтов в российском праве отметим, что деликтное право уходит своими корнями в римское право, согласно положениям которого деликтом или частным правонарушением (*delictum*) считалось причинение

вреда отдельному человеку, его семье или имуществу вследствие прямого или косвенного нарушения прав этого лица [2, с. 138]. Нравственность установлена была служить императивом выполнения людьми своих обязательств и в деликтных правоотношениях – предоставлять истцам возможность имущественной и моральной реституции. Деликтное право в современном гражданском праве и России и СРВ являет собой совокупность правовых норм, регулирующих обязательства, возникающие из причинения вреда, представляя собой составную часть обязательственного права.

В соответствии с подходами, установленными деликтным правом, разрешается требовать от тех, кто виновен в причинении вреда другим, возмещения вреда (ущерба). Типичными убытками являются: материальный ущерб, оплата расходов, компенсация вреда здоровью или дополнительные штрафы, когда размер причиненного ущерба (вреда) превышает указанную сумму. Основанием возникновения обязательства при этом является причиненный вред, т. е. неблагоприятные для потерпевшего имущественные и неимущественные последствия; противоправность действий причинителя вреда и его вина презюмируются («принцип генерального деликта») [3, с. 161].

Как и во вьетнамском законодательстве, в РФ предусмотрены следующие условия возникновения деликтной ответственности: (1) имел место фактический ущерб (прямой ущерб и косвенный ущерб); (2) имели место действия, причиняющие вред, т. е. противоправные деяния (посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство, репутацию, имущество, права и иные законные интересы других лиц); (3) существует причинно-следственная связь между противоправным деянием и причиненным ущербом и (4) имела место вина нарушителя.

Дополнительно отметим, что деликтное право считается формой восстановительного правосудия, поскольку направлено на возмещение убытков или повреждений (например, телесных) посредством денежной компенсации. Существует три основных типа возникновения деликтных обязательств, в том числе, дела о небрежности, умышленном причинении вреда и строгой ответственности.

Лицом, причинившим вред, может быть, как отмечалось выше, при исследовании законодательства СРВ, любой субъект: физическое лицо, юридическое лицо, государственный или муниципальный орган. В случае причинения вреда (ущерба), должник обязан возместить причиненный вред и/или ущерб, а кредитор, в свою очередь, является потерпевшим.

Классификацию деликтных обязательств (специальных деликтов) можно проводить по различным ос-

нованиям: особенностям субъектного состава правоотношения, характеру причиненного вреда, виду деятельности, причиняющей вред, условиям возникновения обязательства [1, с. 13].

Лицо, причинившее вред, освобождается от его возмещения, если докажет, что вред был причинен не по его вине. Не подлежит возмещению вред, причиненный правомерными действиями в состоянии необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) и в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ).

Правила возмещения не должны зависеть от воли сторон. Поэтому любое действие, изменяющее обязательство по возмещению убытков, ход исполнения обязательства, должно быть признано недействительным.

Завершая исследование, отметим, что основная функция деликтного права заключается в использовании такового в качестве средства снижения риска причинения вреда. Причинитель должен будет нести ответственность за весь причиненный им вред и/или ущерб, считая компенсацию расплатой за свои действия, нарушающие права третьих лиц. Это важный источник финансовой поддержки пострадавших в период их восстановления после травм. Пострадавшие получают компенсацию после полученных травм, что способствует восстановлению состояния их здоровья, нередко возможности быстрого выздоровления и реабилитации. Положения деликтного права эффективно выполняют превентивную функцию в отношении правонарушителей и способствуют защите и восстановлению прав пострадавших.

Библиографический список

1. Болтанова Е. С. Деликтное право: учебное пособие. Москва: Юстицинформ, 2022. 204 с.
2. Вологдин А. А. Римское право: учебник. Москва: Юстиция, 2015. 256 с.
3. Козлова Е. Б. Гражданское право (особенная часть): договорные и внедоговорные обязательства: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 180 с.
4. Лазарева Т. П. Возмещение вреда, причиненного товарами (работами, услугами), в законах зарубежных стран о международном частном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 92 – 98.
5. Стригунова Д. П., Эриашвили Н. Д. Особенности правового регулирования международных деликтных обязательств // Закон и право. 2022. № 4. С. 98 – 104.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Погосян Р. Р., аспирант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Белова О. А., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящей статье автор предпринял попытку поиска и решения отдельных проблем теории и практики компенсации причиненного морального вреда при осуществлении финансовых услуг потребителям РФ, а также способа определения факта причинения морального вреда и взыскания его компенсации за ненадлежащее предоставление или неказание банковских, страховых, лизинговых и иных аналогичных услуг.

Ключевые слова: финансовые услуги, права потребителей, банковские услуги, страховые услуги.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE FOR VIOLATION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Poghosyan R. R., 1st year postgraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Belova O. A., Candidate in Law, Associate Professor
Volograd Institute of Management – branch of RANEPA
Vologograd, Russia

Abstract. In this article, the author has attempted to find and solve certain problems of the theory and practice of compensation for moral damage caused when providing financial services to consumers of the Russian Federation, as well as a way to determine the fact of moral damage and recover its compensation for improper provision or non-provision of banking, insurance, leasing and other similar services.

Keywords: financial services, consumer rights, banking services, insurance services.

Как показывает официальная статистика РФ, с каждым годом не в арифметической, а геометрической прогрессии растет число гражданских исков о признании причинения морального вреда за некачественное оказание финансовых услуг. Такое положение рассматриваемого вопроса характерно не только для современной России, но и для большинства стран мирового сообщества.

Под «финансовыми услугами», в соответствии с нормами ст. 4 Федерального закона РФ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», понимается предоставление банковских и страховых услуг, услуг на рынке ценных бумаг и по договору лизинга, а также предоставление уполномоченной финансовой организацией услуг по размещению денежных средств отечественных юридических и физических лиц. В соответствии с нормами ст. 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», компенсацией морального вреда в области предоставления финансовых услуг считается полная и безусловная обязанность уполномоченного представителя в виде выплаты денежной компенсации потребителю в случае их непредоставления либо некачественного исполнения. Обязанность возмещения в результате не оказанных финансовых услуг предусмотрена и в нормах ст. ст. 1099 – 1101 ГК РФ, регламентирующих компенсацию морального вреда, поскольку их потребитель понес физические и нравственные страдания. Такое взыскание осуществляется строго в денежной форме.

По правилам норм приведенного выше российского законодательства итоговый размер компенсации морального вреда за не оказанные финансовые услуги определяется только двумя способами: или в порядке досудебного урегулирования сторонами спора между собой, или в судебном порядке, путем обращения уполномоченный судебный орган нашей страны.

Как показывает общий анализ судебной практики РФ, итоговый размер компенсации причиненного морального вреда за непредоставление «финансовых услуг» оценивается уполномоченной судебной инстанцией нашей страны при наличии следующих правовых оснований: (1) реального объема и характера причиненных потерпевшему лицу физических и нравственных страданий соответственно; (2) причинно-следственной связи между факторами, причинившими вред либо способствовавшими его наступлению; (3) вины (ее степени) причинителя вреда.

На наш взгляд, А. Ю. Назинцева обосновано приходит к выводу, что современное законодательное регулирование правил определения причинения морального вреда применительно к оказанию финансовых услуг, по большей части, имеет слаборазвитый характер и содержание, прежде всего по причине их недостаточного теоретического развития [3, с. 42 – 43]. Другие авторы, как например Н. А. Лукьянова, поднимают проблемы установления на практике факта причиненного морального вреда и определения его размера [2, с. 68 – 69].

Представление финансовых услуг в сфере защиты прав потребителей является сложным правовым институтом, в котором правильно и законно определить реальный размер причиненного морального вреда в полной мере крайне сложно. По этому поводу О. А. Бачурина приходит к однозначному выводу о том, что нормы действующего законодательства России требуют своего дальнейшего развития и становления в плане максимально широкого регулирования основных особенностей определения реального размера причиненного морального вреда, в том числе и в области оказания «финансовых услуг» [1].

Исходя из анализа имеющейся отечественной судебной практики и мнений ученых-правоведов, приходится констатировать, что в существующей в настоящее время правовой действительности отсутствует единая методика определения размера причиненного морального вреда.

Определяя фактический размер компенсации причиненного морального вреда, отмечает А. С. Переверзев, уполномоченные судебные органы РФ в большинстве случаев ориентируются на указания постановлений Пленумов Верховного РФ, которые в силу объективных причин и рекомендательного характера таких актов не могут учесть все возможные обстоятельства того или иного случая в богатой правоприменительной деятельности, включая и сферу оказания «финансовых услуг» [4, с. 130].

Признание нанесенного морального вреда в области оказания финансовых услуг напрямую зависит от его непосредственного причинения, поскольку без его наличия компенсация не может быть назначена. Этот тезис хорошо иллюстрирует следующий пример из практики Читинского районного суда Забайкальского края по делу № 2-245/2022 от 21.02.2022. Истец обратился в уполномоченный судебный орган РФ с иском о расторжении договора страхования и компенсации морального вреда. В качестве обоснования своей правовой позиции заявил, что поскольку он досрочно погасил перед банком ранее взятый кредит, значит и договор страхования должен быть досрочно расторгнут. Суд, оценив эти доводы, полностью отказал удовлетворять требования истца. В судебном решении было указано, что поскольку в судебном заседании было установлено, что договор страхования заключен сторонами путем добровольного волеизъявления, соответствует действующему законодательству, при этом получение страхового возмещения в период действия страхового полиса не обусловлено наличием либо отсутствием кредитных обязательств, а заключение договора страхования не являлось обязательным при заключении кредитного договора, суд приходит к выводу об отсутствии правовых оснований для взыскания суммы страховой премии и, как следствие, о фактическом отсутствии причинения истцу морального и физического вреда соответственно.

Подобным примером является и решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия № 2-5901/2022 от 27.12.2022 г. В этом деле истец обратился с иском о взыскании денежных средств и при-

чиненного морального вреда с ответчика. Однако в требовании о назначении компенсации морального вреда судебной инстанцией было полностью отказано по причине того, что истец не доказал факт причинения такого вреда.

Оценивая вышеприведенные дела и иные прецеденты правоприменительной практики, автор настоящего исследования пришел к выводу, что во взыскании компенсации причиненного морального вреда по сделкам и договорам об оказании финансовых услуг в большинстве случаев суды Российской Федерации отказывают по причине фактического отсутствия самого факта причинения вреда.

Подводя итог вышесказанному, необходимо резюмировать следующее. К актуальным проблемам в области компенсации морального вреда за нарушение прав потребителей финансовых услуг в области теории и практики относят:

– фактическое отсутствие широкого законодательного урегулирования правил определения самого факта причинения морального вреда и правил его определения в каждом конкретном случае;

– фактическое отсутствие единой государственной политики в области правил определения размера компенсации причиненного морального вреда, в том числе и в области оказания «финансовых услуг».

Таким образом, в настоящее время в правовой системе Российской Федерации имеет место реальная необходимость дальнейшего развития института определения факта и размера компенсации причиненного морального вреда, в том числе и в области ненадлежащего оказания финансовых услуг, так как его теоретическое обоснование и практика правоприменения составляют не в должной мере урегулированную проблему.

Библиографический список

1. Бачурина О. А. Особенности определения размера компенсации морального вреда по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 43 (229). С. 105 – 106.
2. Лукьянова Н. А. Проблемные вопросы компенсации морального вреда // Актуальные вопросы юридических наук. Материалы II Международной научной конференции (г. Челябинск, 20 – 23 февраля 2015 г.). Челябинск: Издательство «Два комсомольца», 2015. С. 68 – 70.
3. Назинцева А. Ю. Проблемы доказывания и определения размера компенсации морального вреда // Материалы II Международной научной конференции «Актуальные проблемы права» (г. Москва, 20 – 23 октября 2013 г.). Казань: Издательство ООО «Издательство Молодой ученый», 2013. С. 42 – 45.
4. Переверзев А. С. Проблемы определения размера компенсации морального вреда // Государство и право: теория и практика. Материалы Международной научной конференции (г. Челябинск, 20 – 23 апреля 2011 г.). Челябинск: Издательство «Два комсомольца», 2011. С. 129 – 132.

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ИСКАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Салимгареев Р. Р., аспирант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Дерюгина Т. В., доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
г. Москва, Россия

Аннотация. Правильное определение начала течения срока исковой давности по искам о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, имеет практическое и теоретическое значение, поэтому в представленном исследовании рассмотрена проблематика его исчисления, в том числе определение момента, с которого начинается отсчет такого рода временного периода.

Ключевые слова: возмещение вреда, деликтное право, срок исковой давности.

PROBLEMS OF CALCULATING THE STATUTE OF LIMITATIONS ON CLAIMS FOR DAMAGES CAUSED BY A TAX CRIME

Salimgareev R. R., the 1st year postgraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Deryugina T. V., Doctor of Law, Professor
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
Moscow, Russia

Abstract. The correct definition of the beginning of the limitation period for claims for compensation for damage caused by a tax crime has practical and theoretical significance, therefore, the presented study examines the problems of its calculation, including the definition of the moment from which the countdown of this kind of time period begins.

Keywords: compensation for harm, tort law, statute of limitations.

В Постановлении от 08.12.2017 № 39-П Конституционный Суд Российской Федерации обосновал право налоговых органов привлекать физических лиц к гражданско-правовой ответственности (помимо административной и уголовной) и взыскивать с них задолженность по налогам, образовавшуюся у юридического лица, на основе норм деликтного права, если совершенное ими правонарушение сопровождается причинением вреда государству. По сути, Конституционный Суд позволил уполномоченным органам проникать за «корпоративные покровы» организации и взыскивать с контролируемых ее физических лиц налоговую задолженность, образовавшуюся вследствие налогового преступления. По своей сути, такого рода разрешение есть не что иное, как фактическое перекалывание (перевод) обязанностей в сфере налоговых правоотношений с одного лица на другое и продление срока взыскания налоговой задолженности.

Анализируя указанное Постановление, О. В. Наумова отметила, что привлечение физического лица к деликтной ответственности за вред, причиненный налоговым преступлением, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения административных механизмов взыскания налоговой задолженности за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке. Это возможно, в частности, после внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении деятельности этой организации [3, с. 43].

Изложенный подход Конституционного Суда получил развитие и в Постановлении этого органа от 02.07.2020 № 32-П. В этом акте рассматривался вопрос

о привлечении к гражданско-правовой ответственности и возмещении ущерба вследствие совершения налогового преступления индивидуальным предпринимателем. При этом до предъявления такого иска задолженность индивидуального предпринимателя по налогам была списана как безнадежная к взысканию. Поэтому такое допущение наивысшей судебной инстанции в нашей стране вызвало весьма неоднозначную реакцию со стороны юридического сообщества. Тем не менее, эта позиция Конституционного Суда, с одной стороны, устранила правовую неопределенность в вопросе о дополнительной деликтной ответственности физических лиц за неуплату налогов, а с другой, породила новый виток правовой неопределенности. Это обусловлено тем, что судебная практика неоднозначно подходит к рассмотрению вопроса об определении сроков исковой давности на предъявление требований (иска) о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением. Так, в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2022 № 22-11455/2022 суд разрешал вопрос о том, с какого момента следует рассчитывать срок исковой давности по иску о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением: с момента исключения организации из ЕГРЮЛ или с момента вынесения приставом-исполнителем постановления об отсутствии имущества у организации.

В определениях Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-10423/2022, от 23.11.2021 по делу № 88-26200/2021 суд, исчисляя срок исковой давности по иску о возмещении вреда бюджету в связи с налоговым преступлением, определяет точку отсчета с момента завершения уголовного преследования, о чем соответственно выносятся

постановления следователем о прекращении уголовного дела или приговор суда.

Каждый из указанных подходов имеет свои рациональные мотивы, но правоприменительная практика не должна приводить к росту вариантов по исчислению срока исковой давности для предъявления исков о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением; должно быть установлено определенное единообразие в его применении. Более того, правильное исчисление такого срока имеет большое практическое и теоретическое значение, поэтому для решения поставленной задачи следует точно и правильно определить начальный момент его течения.

Основанием возникновения деликтной ответственности является юридический факт, с которым связано нарушение субъективного права потерпевшего [4, с. 1081]. Обязанность для отечественных субъектов уплачивать налоги и сборы, установленные государством, закреплена в ст. 57 Конституции РФ. В налоговом законодательстве указано, что при их неуплате негативные финансовые последствия для налогоплательщика возникают тогда, когда он в установленный законом срок не внес налог в бюджет. С этого момента происходит начисление пени и возникает основание для привлечения такого лица к ответственности. Аналогичный подход к налоговым преступлениям установлен и в отечественном уголовном праве – преступление считается оконченным с момента неуплаты налога в срок, установленный законом. Таким образом, налоговое правонарушение («налоговый деликт») в административном, уголовном и гражданском праве возникает в одно и то же время – с момента неуплаты налога в установленный законом срок.

Налоговым и уголовным законодательством установлены собственные правила исчисления сроков давности привлечения к ответственности. Для налогового правонарушения в связи с неуплатой обязательных платежей, в соответствии с п. 1 ст. 113 Налогового кодекса Российской Федерации (далее также – НК РФ), установлен трехлетний срок, который начинает течь со следующего налогового периода, в котором произошла неуплата налога. Уголовное законодательство считает срок давности с момента окончания преступления в зависимости от его тяжести (ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»). Общий срок исковой давности, в том числе по требованиям из деликтов, в силу п. 1 ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ) составляет 3 года. Он начинает течь, согласно ст. 200 ГК РФ, с момента, когда потерпевший узнал или должен был узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. При этом срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права.

В соответствии с вышеизложенным и п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» при обращении в суд органов государственной власти с заявлением о защите прав, свобод и законных интересов других лиц в случаях, когда такое право им предоставлено законом, начало течения срока исковой давности определяется исходя из того, когда о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим

ответчиком по иску о защите этого права, узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого подано такое заявление.

Такой субъективный подход к началу течения срока исковой давности обусловлен разнообразием ситуаций в гражданско-правовых отношениях, что порождает правовую неопределенность при предъявлении иска о возмещении вреда, причиненного вследствие налогового преступления, связанного с неуплатой налогов.

Осведомленность налогового органа о нарушении фискальных прав государства должна определяться в силу их публичных полномочий, позволяющих выявлять такие правонарушения. Для обеспечения конституционной обязанности по уплате налогов государство наделило налоговые органы публично-властными полномочиями по проведению проверки правильности исчисления и уплаты налогов, взысканию налоговой задолженности и ограничило полномочия временными сроками на совершение конкретных действий.

С момента неуплаты налогов в установленный законом срок до предъявления иска о возмещении вреда налогоплательщик тесным образом взаимодействует с налоговым органом. Это выражается в том, что такой субъект, во-первых, проходит налоговый контроль; во-вторых, – процедуру взыскания налоговой задолженности, при этом он может стать участником процедуры банкротства; в-третьих, контролирующее его физическое лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности, а при наличии признаков преступления в совершенных действиях такой субъект становится участником и уголовного процесса. При этом возбуждение уголовного дела по налоговым преступлениям возможно только по исключительному поводу – на основании полученных материалов налоговой проверки (п. 3 ст. 31 НК РФ, ч. 1.3 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

При выявлении нарушения, связанного с неуплатой налогов, налоговые органы принимают решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности. Этот акт с момента вступления в законную силу порождает для налогоплательщика негативные правовые последствия, а также подтверждает осведомленность государства в лице уполномоченных органов (в частности налоговых органов) о нарушении своего права.

Налогоплательщик-организация, выступающая субъектом налогового правонарушения, отличается от стороны по искам о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, которой будет выступать физическое лицо, контролирующее это юридическое лицо. В таком случае у налогового органа формально может отсутствовать знание о надлежащем ответчике по иску, которое устанавливается в ходе уголовного производства. Однако, в силу ст. 110 НК РФ, вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение налогового правонарушения. Такое обстоятельство явно указывает на определенное физическое лицо, ответственное за налоговое нарушение. Поэтому у налоговых органов не должен вызывать затруднений вопрос о надлежащем ответчике по иску о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, на этапе принятия решения по результатам

налоговой проверки. Кроме того, при возбуждении уголовного дела по налоговым преступлениям, как правило, следственные органы возбуждают уголовное дело в отношении конкретного лица (подозреваемого), то есть на этапе возбуждения уголовного дела субъект, к которому в будущем может быть предъявлен иск о возмещении вреда, также будет конкретно определен.

Однако Конституционный Суд отметил, что иск о возмещении вреда может быть предъявлен лишь в случае, когда налоговый орган исчерпал все административные средства взыскания налогов с юридического лица. В реальности это может привести к ситуации, когда срок исковой давности начинает течь, а право на предъявление иска о возмещении вреда ещё не возникло. Например, когда затягиваются административные процедуры взыскания и относительно быстро заканчивается уголовное преследование.

Действующее законодательство подразумевает, что уголовное преследование по налоговым преступлениям происходит синхронно с административной процедурой взыскания налогов, поэтому, по сути, иск о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, становится дополнительным этапом взыскания налоговой задолженности (когда в рамках административных процедур не удалось взыскать налог с юридического лица). При этом считать срок исковой давности с момента окончания уголовного преследования, на взгляд автора, не вполне корректно. По сути, в такой ситуации происходит продление имеющей пресекающие сроки процедуры взыскания налоговой задолженности, предусмотренной Налоговым кодексом РФ.

Конституционный Суд хоть и указал на разграничение оснований и условий реализации налоговой обязанности и обязанности по возмещению вреда, но сам факт взыскания такого вреда прекращает налоговую обязанность, так как существует запрет на двойное взыскание. Такой факт свидетельствует о том, что обязанность по возмещению вреда напрямую связана с налоговой обязанностью, а иск о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, необходимо рассматривать как дополнительный этап взыскания налоговой задолженности. Эта процедура состоит из последовательных этапов, для каждого из которых предусмотрен собственный срок, исчисление которого в каждом случае может отличаться, например, в зависимости от способа образования налоговой задолженности, от срока уплаты налога, указанного в требовании об уплате задолженности, от действий пристава-исполнителя и др.

Даже особая правовая природа налогов, на которую неоднократно указывал Конституционный Суд, не должна приводить к несоразмерно длительному сроку взыскания налоговых платежей, что часто случается на практике. Как отмечает А. А. Архипов, обязанность по уплате налогов хоть и является бессрочной, но всё же ограничена сроками взыскания налоговой задолженности в принудительном порядке, о чем сказано в ст. 59 НК РФ, в которой регулируется порядок признание налоговой задолженности безнадежной к взысканию и ее списание [1, с. 84].

Об ограничении сроков исковой давности, давности взыскания налоговых санкций и давности привлечения к административной и уголовной ответственности неоднократно высказывался Конституционный Суд в своих Постановлениях от 27.04.2001 № 7-П, от

14.07.2005 № 9-П, от 24.06.2009 № 11-П, от 20.07.2011 № 20-П, от 24.03.2017 № 9-П. В содержании этих актов подчеркивалось, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок. В связи с этим Д. В. Тютин отмечал, что наличие ограничений во времени для реализации прав и обязанностей субъектов права является одним из элементов правовой определенности [5, с. 85].

По мнению М. Я. Кирилловой, длительный срок исковой давности затрудняет разрешение гражданских дел в связи с большой вероятностью утраты доказательств, возросшей возможностью неадекватного отражения обстоятельств дела участвующими в нем лицами и т. п., что усложняет процесс принятия судами объективного решения. [2, с. 35].

Таким образом, налогоплательщики и их контролирующие лица должны иметь определенность и понимание сроков наступления для них неблагоприятных последствий при взаимоотношении с государством, чего нельзя добиться при возможности продления срока взыскания налоговой задолженности ещё на 3 года посредством привлечения соответствующего физического лица еще и к деликтной ответственности. В действительности получается, что с момента неуплаты налога до предъявления иска о возмещении вреда может пройти порядка 6 лет, а учитывая срок исковой давности – 9 лет. Таким образом, налогоплательщик или его контролирующие лица неразумно долго могут находиться в состоянии возможного наступления неблагоприятных последствий.

Чтобы гарантировать возможность государства возместить ущерб, причиненный налоговым преступлением, но при этом обеспечить право причинителя(ей) вреда на разумные сроки ожидания наступления негативных последствий, мы предлагаем исчислять срок исковой давности по искам о возмещении вреда, причиненного налоговым преступлением, с момента окончания административной процедуры взыскания налоговой задолженности, установленной Налоговым кодексом РФ. При этом, по нашему мнению, необходимо следовать рекомендациям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенным в п. 31 постановления от 30.07.2013 № 57, и Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, указанным в определении от 05.07.2021 по делу № А21-10479/2019. Такой подход позволит дисциплинировать должностных лиц налоговых органов соблюдать сроки, установленные в Налоговом кодексе РФ, а у причинителей вреда появляется определенность в сроках наступления негативных последствий при совершении налогового преступления.

Библиографический список

1. Архипов А. А. Сроки в налоговом праве: монография. М.: Статут, 2011. 199 с.
2. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М.: Статут, 2016. 80 с.
3. Наумова О. В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Административное право. 2019. № 1. С. 39 – 55.
4. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.
5. Тютин Д. В. Налоговое право: курс лекций. М.: Издательство Российского государственного университета правосудия, 2020. 1088 с.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕДОСТАТКАМИ ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Терентьева А. С., магистрант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Осадченко Э. О., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Защита прав потребителей, как система юридических способов, гарантирующих соблюдение интересов как потребителей с одной стороны, так и продавцов, производителей и изготовителей товаров, услуг или работ с другой, носит значимую социальную функцию. Целью такой деятельности является установление со стороны государства ясных правил поведения между указанными участниками, в том числе и норм ответственности за их нарушение. Именно отдельным аспектам возмещения вреда, причиненного недостатками товаров, работ и услуг в указанной сфере и посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: защита прав потребителей, имущественный вред, моральный вред, возмещение вреда, недостаток товара (работ, услуг), существенный недостаток.

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY DEFECTS IN GOODS, WORKS AND SERVICES: LEGAL ANALYSIS

Terentyeva A. S., 2nd year master student of the Faculty of Law
Supervisor: Osadchenko E. O., Candidate of Law, Associate Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia

Abstract. Consumer protection, as a system of legal means guaranteeing the interests of both consumers on the one hand, and sellers, manufacturers and manufacturers of goods, services or works on the other, has a significant social function. The purpose of such activity is to establish clear rules of conduct on the part of the State between these participants, including the norms of responsibility for their violation. This study is devoted to certain aspects of compensation for damage caused by deficiencies in goods, works and services in this area.

Keywords: consumer rights protection, property damage, moral damage, compensation for damage, lack of goods (works, services), significant disadvantage.

Одной из социальных ценностей государства для проживающих в нем граждан является то, что установленные в нем правовые нормы не носят формальный характер, а создают реальную возможность обеспечить защиту прав и интересов таких субъектов в случае их нарушения. Как только такого рода простое правило перестает работать и превращается в фикцию, перед обществом и его участниками возникает вопрос о необходимости существования подобного государства. Отчасти и поэтому возникают государственные кризисы, свершаются революции и перевороты [3, с. 10].

В связи изложенным тезисом особую злободневность приобретают вопросы, касающиеся защиты прав рядовых физических лиц в области их повседневной деятельности, к которой мы бы, безусловно, отнесли сферу потребления, поскольку в этой области общественных отношений участвует фактически все население конкретной страны, а вред, который может быть причинен некачественными товарами, работами и услугами или отдельными их недостатками, может влечь не только неприятные последствия личного характера для рядовых граждан, но и нести широкий социальный резонанс и определенный политический характер. Так, неспособность Советского государства обеспечить население качественными бытовыми товарами, например, электроникой или автомобилями, существенно подрывала социальную основу СССР и стала одной из причин,

пусть даже косвенной, прекращения существования Советского Союза. Поэтому защита прав потребителей, как совокупность разных юридических способов, гарантирующих соблюдение интересов как потребителей с одной стороны, так и продавцов, производителей и изготовителей товаров, услуг или работ с другой, носит значимую общественную функцию. Целью такой деятельности является установление со стороны государства ясных правил поведения между указанными участниками, в том числе и норм ответственности за их нарушение [5, с. 210]. Актуальность подобного процесса в современной реальности возрастает с возникновением новых услуг, работ, товаров, которые не во всех случаях отвечают требованиям и стандартам, установленным отечественным законодателем, то есть обладают явными недостатками [2, с. 88].

Юридическое понятие «недостаток товара (работ, услуг)» раскрывается в содержании подпункта 5 второго абзаца преамбулы к Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ № 2300-1). Под этой дефиницией понимаются несоответствие товара (работы, услуги) или (1) обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке, или (2) условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или (3) целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или (4)

целям, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или (5) образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию. Более того, в подпункте 6 второго абзаца преамбулы, законодатель устанавливает и термин «существенный недостаток». В качестве такого понятия должен рассматриваться такой изъян товара (работы или услуги), который, во-первых, неустраним; во-вторых, не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени; в-третьих, такой дефект выявляется неоднократно или проявляется вновь после его устранения; или другие подобные пороки.

Наличие указанных выше разновидностей недостатков (изъянов) и их выявление в товарах (работах или услугах) явно свидетельствует о нарушении прав потребителя, в связи с чем у него появляются правовые основания к применению различных способы защиты своих гражданских прав на основе тех способов, которые установлены в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако применительно к сфере защиты прав потребителя они более детально конкретизированы в ст. ст. 13 – 15 Закона РФ № 2300-1. В перечисленных нормах закреплены как юрисдикционные, так и неюрисдикционные способы защиты со стороны потребителя. Более того, установлена возможность привлечения правонарушителя (продавца, изготовителя или исполнителя) как к имущественной ответственности за вред, причиненный в сфере защиты прав потребителей, так неимущественной, то есть существует вероятность компенсации морального вреда. Сохраняется общее правило о возмещении вреда в полном объеме в течение гарантийного срока или срока годности, а в ряде случаев и после их истечения. Право на соответствующее возмещение присутствует у потерпевшей стороны вне зависимости от того, был ли заключен у нее договор с продавцом (изготовителем или исполнителем) или нет. Закреплено право выбора со стороны пострадавшего лица предъявить свое требование к продавцу или изготовителю, в то же время при оказании некачественной услуги возмещение вреда должно быть взыскано именно с лица, ее оказавшего. В случае, если лицо, к которому потерпевшая сторона предъявила иск, докажет, что причинение вреда произошло по таким факторам, как нарушения самим потерпевшим, например, несоблюдение правил хранения или использования товаров, либо из-за таких обстоятельств, как непреодолимая сила, то оно будет освобождено от ответственности.

Моральный вред, в соответствии со ст. ст. 1099 – 1101 ГК РФ и ст. 15 Закона РФ № 2300-1, определяется в качестве физических и нравственных страданий потерпевшей стороны-потребителя в связи с совершенным нарушением его законных прав. Объем такой компенсации определяется судом вне зависимости от присужденного имущественного вреда и понесенных потерпевшей стороной убытков. Взыскать моральный вред возможно лишь в тех случаях, когда потерпевшему удалось доказать факт нарушения его прав как потребителя.

В правоприменительной практике наиболее проблемным является вопрос определения размера компенсации морального вреда в каждом конкретном случае. Такое положение, по нашему мнению, обусловлено тем, что определение такой суммы существенно зависит от субъективного и оценочного усмотрения суда. Если

при компенсации имущественного вреда его относительно несложно определить, предоставив соответствующие доказательства, которые обосновывают размер предъявленного требования, то в случае взыскания морального вреда доказать факт нравственных страданий и обосновать объем необходимой компенсации за них бывает крайне затруднительно.

Такое состояние правоприменительной практики было предметом неоднократного рассмотрения со стороны высших судов России, одним из них является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в котором было рекомендовано увеличить суммы таких компенсаций и в сфере защиты прав потребителей. Однако ясной методики их определения, о необходимости которой уже на протяжении долгих лет указывается в юридической литературе, в этом акте Верховного Суда РФ так и не появилось [1, с. 47]. Поэтому отдельные правоведы – специалисты в этой сфере предлагают различные варианты решения такой проблематики. Так, в случае, если товаром, работой или услугой причинен вред здоровью, в результате которого потерпевший приобрел статус инвалида, предлагается закрепить пожизненную компенсацию, так как даже спустя долгое время моральные страдания не исчезнут и физическое лицо полностью здоровым не станет. Другой вариант предполагает установление определенного минимума компенсации, а именно в размере одного миллиона рублей [4, с. 4].

На наш взгляд, введение пожизненной компенсации имеет определенные положительные и разумные основания и должно быть взято на вооружение со стороны законодателя. А вот второе предложение, о единовременной выплате возмещения морального вреда в размере 1000000 рублей, представляется нам не вполне обоснованным. Поскольку в жизни будут возможны ситуации, когда такого рода выплата будет несоизмеримой с причиненным вредом и в случае, если реальный вред меньше этой компенсации, и наоборот, если действительный вред будет больше этой суммы. При этом продавец (исполнитель или изготовитель) будут обязаны выплатить сумму, не соответствующую размеру причиненного вреда, в связи с чем будет нарушен принцип справедливости и соразмерности.

Установить точную сумму компенсации морального вреда объективно очень сложно, так как его оценка должна исходить из обстоятельств дела, однако считаем верным установить нижний порог компенсации в размере двух МРОТ, что, по нашему мнению, даст хотя бы частично возможность возместить моральные и нравственные страдания потерпевшей стороны. В отличие от случаев, когда взыскивается минимальная компенсация в размере 500 – 5000 рублей, которая дискредитирует и институт компенсации морального вреда, и собственно судебный процесс в целом. Граждане не желают отстаивать свои права в суде, поскольку осознают, что размер судебных компенсации и возмещения будет значительно ниже, чем объем вложенных в разбирательство времени и сил.

Между тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 есть и положительные стороны, а именно то, что в его содержании стали конкретизироваться вопросы относительно защиты прав потребителей в разных сферах. Например, в области

компенсации морального вреда потерпевшим, которым был причинен вред различными медицинскими организациями. Так, было рекомендовано обращать особое внимание на (1) факт надлежащего исполнения подобными субъектами всей совокупности своих обязанностей, как то: своевременно и квалифицированно провести обследование и определить верный диагноз; (2) соответствие процедуры обследования и лечения установленным стандартам и клиническим рекомендациям; (3) невозможность оказать квалифицированную помощь пациенту, которая бы могла устранить негативные последствия и т. п. Такие разъяснения Верховного Суда РФ дают дополнительные гарантии защиты прав потребителя, так как медицинская организация будет вынуждена обосновать каждое свое действие. Значимым, как нам представляется, является то, что было дано разъяснение и подтверждено право родственников потерпевшего на компенсацию морального вреда из-за некачественно оказанной медицинской услуги, если такие действия повлекли смерть потерпевшего. В силу содержания ст. 1069 и ст. 1099 ГК РФ моральный вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов (органов местного самоуправления) и их должностных лиц, которыми нарушены имущественные права граждан, компенсации не подлежит. Однако, если оспоренные действия (бездействие) повлекли нарушение личных неимущественных прав граждан, выразившееся в несоблюдении предписаний о предоставлении медицинских услуг, и такие нарушения лишают гражданина возможности сохранять жизненный уровень, необходимый для поддержания его жизнедеятельности и здоровья, обеспечения достоинства личности, в этом случае моральный вред подлежит взысканию [6, с. 8].

Резюмируя вышеизложенное, считаем допустимым, сделать следующие выводы. Во-первых, защита прав потребителей и возмещение на его основе имущественного и компенсация неимущественного (морального) вреда имеет важное не только общесоциальное, но и политическое значение. Во-вторых, на протяжении последних 30-ти лет Российская Федерация значительно

продвинулась в качестве регулирования рассматриваемых общественных отношений. Можно признать, что в отечественном гражданском праве сложилось специализированное направление цивилистической деятельности по защите прав потребителей. В-третьих, не смотря на достаточно емкий объем нормативных актов в этой области и разъяснений Верховного Суда РФ, некоторые его сферы требуют дальнейшего совершенствования и корректировки. В этом аспекте мы присоединяемся к мнению тех ученых-правоведов, которые считают необходимым принятие со стороны высшей судебной инстанции рекомендательной методики определения и исчисления морального вреда.

Библиографический список

1. Давтян-Давыдова Д. Н. Субъекты обязательства по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг // Правовая парадигма. 2018. № 1. С. 46 – 50.
2. Иловайский И. Б., Давтян-Давыдова Д. Н. Проблема понятия услуги и критерии ее ограничения от работы в контексте действующего гражданского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-2 (79). С. 87 – 92.
3. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / А. И. Гончаров [и др.]; под ред. А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. М.: Издательство Юрайт, 2021. 566 с.
4. Павлова З. Юристы назвали справедливый размер компенсации морального вреда при причинении вреда жизни или здоровью // Адвокатская газета. 2019. № 23 (304). С. 3 – 4.
5. Пермякова Е. В. Защита прав потребителей в Российской Федерации // Сборник трудов молодых ученых УВО «Университет управления «ТИСБИ». Казань: Издательство Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 210 – 215.
6. Сазонов В. Компенсация морального вреда за нарушение прав потребителей // Адвокатская газета. 2022. № 23 (376). С. 7 – 8.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСАМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ВЫТЕКАЮЩЕГО ИЗ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СРВ

Чан Т. Т. У., студент 4 курса Высшей школы права
Научный руководитель: Зулфугарзаде Т. Э., кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
г. Москва, Россия

Аннотация. В работе исследуются правовые нормы Социалистической республики Вьетнам (СРВ) и России об обязанности возмещения вреда, причиненного из внедоговорного (деликтного) обязательства. Вопросы, возникающие в обстоятельствах необходимости возмещения вреда (ущерба), при наступлении деликта, актуальны не только в России, но и во Вьетнаме. Положения по этому вопросу российского и вьетнамского законодательства имеют много общего, что нашло свое отражение в представленном исследовании. В статье также определены основные недостатки правового регулирования в исследуемой сфере и внесены краткие предложения, направления на его совершенствование.

Ключевые слова: гражданское право, возмещение вреда, деликтное обязательство, деликтоспособность лица, Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), Российская Федерация (РФ).

THEORETICAL APPROACHES TO THE ISSUES OF COMPENSATION FOR DAMAGES ARISING FROM TORT OBLIGATIONS UNDER THE CIVIL LEGISLATION OF THE SRV

Tran T. T. U., 4th year student Higher School of Law
Supervisor: Zulfugarzade T. E., Candidate in Law, Associate Professor Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the legal norms of the Socialist Republic of Vietnam (SRV) and Russia on the obligation to compensate for damage caused from non-contractual (tort) obligations. The issues arising in the circumstances of the need for compensation for harm (damage), upon the occurrence of a tort, are relevant not only in Russia, but also in Vietnam. The provisions on this issue of Russian and Vietnamese legislation have a lot in common, which is reflected in the presented study. The article also identifies the main shortcomings of legal regulation in the field under study and makes brief suggestions, directions for its improvement.

Keywords: civil law, compensation for damage, tort obligation, delictworthiness of a person, Socialist Republic of Vietnam (SRV), Russian Federation (RF).

Возмещение вреда, вытекающего из деликтных обязательств, по аналогии с положениями гл. 59 ГК РФ, представляет собой совокупность норм, предусмотренных положениями гл. XXI ГК СРВ, которые имеют целью защиту законных прав и интересов потерпевших лиц и организаций, а также предупреждения действий, причиняющих вред в случае, если стороны не заключают договор [2, с. 145]. В процессе проведения исследования нами были сделаны следующие основные выводы.

1. Основные теоретические подходы к вопросам возмещения вреда, вытекающего из деликтных обязательств

1.1. Основания возникновения ответственности по возмещению вреда

Такого рода основания строятся на основе принципа, согласно которому лицо, причинившее вред (ущерб), должно нести ответственность по возмещению такового. В данной связи различают две основные формы вины: причинение вреда (ущерба) умышлено и по неосторожности:

а) **умышленное причинение вреда** возникает тогда, когда лицо, полностью осознает, что его действия

причинят вред другим, но все же делает это и желает или, хотя это нежелательно, допускает причинение вреда. Так, например, гражданин совершает умышленное убийство, при этом лицо, совершившее убийство, осознавало, что его деяние причинит вред жизни другого лица, но все же осуществило его.

б) **причинением вреда по неосторожности** является случай, когда лицо не предвидит своего деяния, способного причинить вред, хотя должно или может знать заранее, что его деяние может причинить вред, но полагает, что вред может не наступить или его можно предотвратить. К примеру, гражданин в нетрезвом состоянии управляя автомобилем становится причиной несчастного случая, в результате которого другой гражданин получает травму. В этом случае участники дорожного движения могут заранее знать, что управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения может привести к аварии (ДТП), но они уверены, что это не приведет к трагическим последствиям, которые нанесут (причинят) ущерб интересам других лиц.

Таким образом, вина является первым условием возникновения обязанности возместить ущерб, вытекающий из деликтного обязательства.

Аналогично положениям российского законодательства обязанность вследствие причинения вреда, связанного с деликтным, возникает только при наличии всех следующих факторов:

а) наступление вреда, в том числе, материального вреда и вреда в связи с моральным;

б) наличие противоправных деяний в конкретном поведении причинителя, выраженных в действиях, противоречащих законодательным положениям;

в) существование причинно-следственной связи между причиненным вредом и противоправным деянием. Вред должен быть неизбежным результатом противоправного деяния и, наоборот, противоправное деяние является причиной возникновения (причинения) вреда;

г) умышленная вина или неосторожность лица, причинившего вред.

1.2. Принципы возмещения вреда

«Полное» и «своевременное» возмещение являются первыми принципами, выраженными в общих принципах возмещения вреда, вытекающего из деликтных обязательств. Эти принципы гарантируют, что лицо, причинившее ущерб, должно его возместить соразмерно всему причиненному вреду и незамедлительно, как можно быстрее для устранения неблагоприятных последствий. Законодательство СРВ и РФ таким образом стимулирует стороны к достижению соглашения о размере, форме и способе возмещения. Однако соглашение не противоречит закону и социальной этике.

Следующий принцип: «Лицо, причиняющее вред, может иметь право требовать уменьшение размера возмещения, если из-за вины по неосторожности вред слишком велик по сравнению с его экономическим состоянием». Этот принцип, демонстрирует гуманность вьетнамского законодательства. Однако для того, чтобы уменьшить размер возмещения вреда, причинитель вреда должен полностью удовлетворить следующим двум условиям, которые заключаются в вине по неосторожности и в том, что причиненный вред слишком велик по сравнению с его экономическим состоянием [3].

В случае, если размер возмещения более не соответствует действительности, потерпевшее или причинившее вред лицо имеет право обратиться в суд или другой компетентный государственный орган с требованием изменить размер возмещения. В частности, в случаях, когда размер возмещения слишком низок, что мешает потерпевшему преодолеть вред, или слишком высок, что затрагивает законные интересы лица, причинившего вред.

Вышеупомянутый принцип был предусмотрен для случаев, когда положения закона не успевают за изменениями действительности. Потому что закон стабилен, хотя и не постоянен, он не может меняться моментально, как развитие экономики и общества.

1.3. Определение вреда

Разделом 2 гл. XXI ГК СРВ предусмотрены следующие виды вреда:

а) вред, причиненный имуществу: как обычно, в случае порчи имущества, зачастую легче определить размер вреда, потому что имущественный вред всегда оценивается конкретно, более того, имущественный вред в основном представляет собой потерю, повреждение или уничтожение имущества, поэтому его часто можно идентифицировать;

б) вред, причиненный здоровью: при наступлении вреда, причиненного здоровью, суд определяет размер возмещения на основе доказательств, предоставленных сторонами. Это полностью соответствует требованиям законодательства;

в) вред, причиненный жизни: включены разумные расходы на лечение, санаторно-курортное обеспечение, уход за пострадавшим перед смертью; разумные расходы на погребение; алименты тем, кого потерпевший обязан содержать, и компенсация морального вреда наследникам потерпевшего первой очереди;

г) вред, причиненный чести, достоинству и (или) деловой репутации, включает: реальный ущерб и упущенную выгоду, и разумные расходы на уменьшение убытков. В зависимости от каждого конкретного случая, помимо принудительного прекращения нарушения, публичного опровержения, суд выносит решение, в котором указывает, что причинитель должен возместить определенную денежную сумму потерпевшему, но не более десяти МРОТ.

2. Недостатки и направления совершенствования законодательства о возмещении вреда, вытекающего из деликтного обязательства

2.1. Срок исковой давности для подачи иска о возмещении вреда

В соответствии со ст. 607 ГК СРВ, «срок исковой давности для требования о возмещении вреда составляет два года со дня нарушения законных прав и интересов физических, юридических лиц или иных субъектов».

Двухлетний срок исковой давности является разумным сроком для обеспечения законных прав и интересов субъекта права. Однако указанный срок исковой давности по таким искам не обеспечит соблюдение принципа возмещения «полностью и своевременно» в некоторых особых случаях, когда последствия нарушения не проявятся в полной мере в течение двух лет. Так, например, производственная компания «VEDDAN MSG» сбрасывала в окружающую среду с 1994 по 1995 гг. ядовитые отходы, что привело к тяжелым последствиям загрязнения водных источников, близлежащих земель и т. д. Но спустя более десяти лет (в 2006 г.) Министерство природных ресурсов и экологии СРВ обнаружило серьезные последствия, причиненные компанией. Таким образом, вред возникает в течение определенного периода времени, но его проявления выявляются длительное время [4, с. 90].

В целях преодоления недостатков срока исковой давности для требования возмещения вреда, вытекающего из деликтного обязательства, необходимо дополнительно предусматривать случаи, когда срок исковой давности по этому виду исков может быть больше в каждом конкретном случае. Поэтому в ст. 607 ГК СРВ следует добавить следующее положение:

«Срок исковой давности для требования возмещения вреда, вытекающего из деликтного обязательства, составляет два года со дня нарушения законных прав и интересов физических, юридических лиц или иных субъектов, если иное не установлено законом».

2.2. Определение вреда

Во-первых, определение морального вреда часто является необоснованным, суды часто полагаются на действительность, поэтому решение судом выносится по каждому фактическому конкретному делу [5,

с. 50]. Моральный вред является абстрактной категорией, поэтому необходимо законодательно предусмотреть порядок и правила определения уровня морального вреда в каждом конкретном случае [1].

Во-вторых, определение размера возмещения вреда, причиненного жизни, по нашему мнению, по-прежнему недостаточно. В соответствии с положениями ГК СРВ и постановления 03/2006/NQ-HDTP расходы на погребение перечислены достаточно подробно и суд в своем решении может определить их в соответствии с такого рода основаниями. Однако, если определение вреда основывается на конкретных расходах, указанных лицом, добровольно принявшим на себя обязанности по погребению потерпевшего, следует также учитывать, что цены на различные виды похоронных принадлежностей на рынке будут различаться. Поэтому необходимо указать не только минимальный, но и максимальный размер этих сумм, компенсация которых должна осуществляться на основании подтверждающих документов.

И, в-третьих, определение размера алиментов тем, кого потерпевший обязан содержать, не имеет конкретных оснований, поэтому возникает несогласованность при применении закона. Обычно, чтобы определить эту сумму, суд вынесет решение на основе эконо-

мического состояния семьи, а также исходя из ее среднего дохода. Для того чтобы закон применялся единообразно, необходимо конкретизировать размер алиментов или привести основания для определения этого размера возмещения.

Библиографический список

1. Ан Ван Хоай. Недостатки положений о возмещении ущерба, причиненного нарушением прав человека // Журнал народного суда. 2023. № 9. С. 8 – 9.
2. Нгуен Минь Оань. Общее понятие возмещения вреда и классификация ответственности за причинение вреда: учебное пособие. Ханой: Ханойский юридический университет. Факультет гражданского права, 2022. 238 с.
3. Нгуен Минь Тху. Деликтоспособность физических лиц нести ответственность за вред // Таймс. 2023. № 6. С. 12 – 13.
4. Нгуен Нху Ан. Комментарий оснований возникновения возмещения вреда, причиненного из деликтного обязательства. Ханой, 2023. 178 с.
5. Нгуен Тронг Тан. Недостатки при определении ущерба в случае нарушении чести, достоинства человека. Хайфон, 2022. 154 с.

ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

Фотография № 1. Приветственное слово в адрес почетных гостей и участников конференции.

Слева направо – руководитель Организационного комитета и генеральный модератор конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агибалова**; заместитель директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент **Юлия Викторовна Брехова**; декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Александровна Сергачева**.

Фотография № 2. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – заместитель председателя Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» **Олег Александрович Коробов**; и.о. исполнительного директора – руководителя Аппарата Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» **Софья Романовна Дерюгина**.

Фотография № 3. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – консультант Управления организации профессиональных рисков Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Волгоградской области **Татьяна Алексеевна Лапинская**; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор **Мадина Таукеновна Аширбекова**.

Фотография № 4. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Илья Витальевич Сергеев**; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент **Марина Юрьевна Козлова**; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент **Янина Яковлевна Кайль**.

Фотография № 5. Почетные гости участники конференции.
Выступление профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента **Александра Сергеевича Сенцова** – «Воспоминания о Михаиле Федоровиче Медведеве».

Фотография № 6. Почетные гости и участники конференции.
Слева направо – судья Центрального районного суда города Волгограда, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Борисовна Новикова**; секретарь судебного участка № 7 Еланского судебного района Волгоградской области, магистрант юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Кристина Евгеньевна Левченко**.

Фотография № 7. Почетные гости и участники конференции.
Заместитель начальника отдела правового обеспечения Управления Росреестра по Волгоградской области **Юлия Сергеевна Федорова**.

Фотография № 8. Почетные гости и участники конференции.
Нотариус Камышинского района Волгоградской области **Светлана Васильевна Артамонникова**.

Фотография № 9. Участники конференции.

Слева направо – магистрант юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Ксения Георгиевна Захарова**; гражданин Анголы студент юридического факультета Волгоградского государственного университета **Эмануэль Да Консейсау Фигейра Гомеш**; студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Антон Алексеевич Колесниченко**.

Фотография № 10. Коллективная фотография участников конференции.

Фотография № 11. Студенческая творческая мастерская. Вручение наград.

Слева направо – модератор студенческой творческой мастерской конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук **Тамара Дмитриевна Богданова**; магистрант юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Татьяна Сергеевна Аверина**.

Фотография № 12. Студенческая творческая мастерская. Вручение наград.

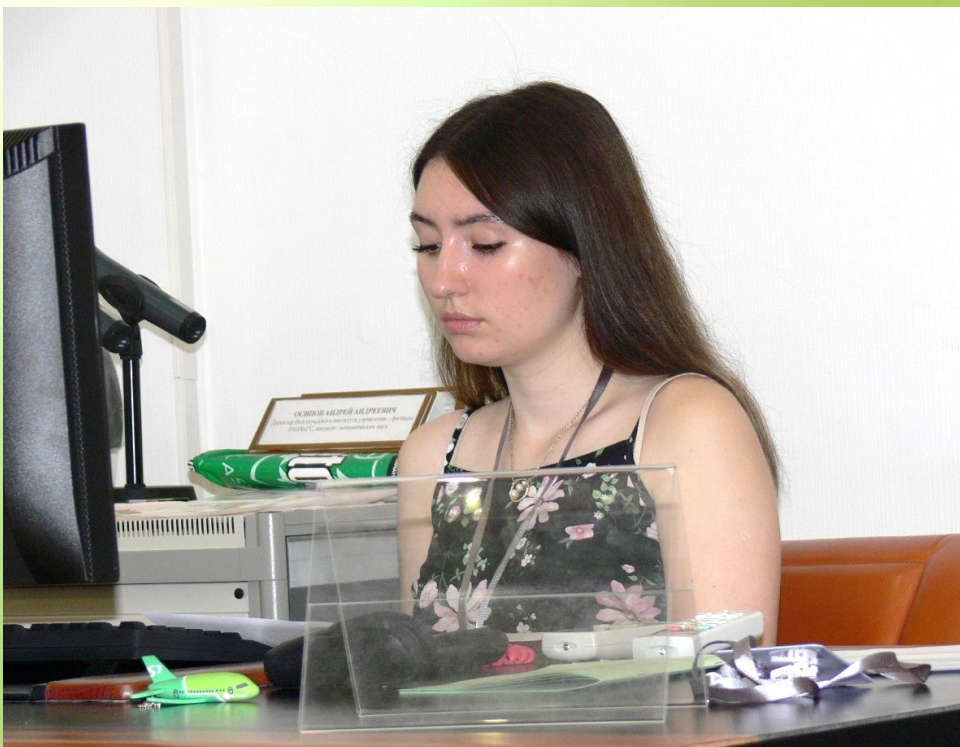
Слева направо – модератор студенческой творческой мастерской конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук **Тамара Дмитриевна Богданова**; аспирант юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Михаил Алексеевич Наумов**.

Фотография № 13. Студенческая творческая мастерская. Вручение наград.

Слева направо – модератор студенческой творческой мастерской конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук **Тамара Дмитриевна Богданова**; студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Тамара Викторвна Высогурская**.

Фотография № 14. Коллективная фотография участников студенческой творческой мастерской.

Фотография № 15. Секретарь Организационного комитета конференции аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС Анастасия Игоревна Кузьмина.

Научное издание

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ
(МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2023)**

Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память: 2 ГБ оперативной памяти
Пространство на жестком диске 30,8 МБайт

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10